

Монография посвящена вопросам культурного ландшафта и памятникам историко-культурного наследия Тобольска и его предместий, исследуемых с междисциплинарных позиций. Выдвигается и обосновывается положение о ландшафтообразующем культурно-историческом центре Тобольска в значении одной из основных территорий «Русского мира», актуализируется выделение культурного пространства Тобольской земли – базовой единицы культурного ландшафта Северо-Сибирского края. Акцентируется внимание на г. Тобольске как туристическом центре Западной Сибири и перспективах его развития, поднимаются проблемы застройки в исторических частях города, сохранения и использования объектов наследия, креиализации культурного ландшафта и др. В книге рассматривается ряд вопросов отечественной историософии, семиотики, аксиологии, культурологии и историографии Тобольска, а также традиционного мировоззрения на полевых материалах автора по тазовским (северным) селькупам.

Игорь Белич

Культурный ландшафт Тобольской земли

Часть первая. Тобольское предместье
(Культурологические этюды)

Игорь Белич

Белич Игорь Владимирович - выпускник истфака Омского госуниверситета, научный сотрудник Лаборатории антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень), автор свыше ста научных работ, в т.ч. трех монографий (в соавторстве) по этнографии, исламоведению, фольклористике, юридической антропологии народов Западной Сибири.

978-3-8443-5271-9

Игорь Белич

LAP LAMBERT
Academic Publishing

Impressum/Imprint (nur für Deutschland/only for Germany)

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Coverbild: www.ingimage.com

Verlag: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Deutschland
Telefon +49 681 3720-310, Telefax +49 681 3720-3109
Email: info@lap-publishing.com

Herstellung in Deutschland:
Schaltungsdienst Lange o.H.G., Berlin
Books on Demand GmbH, Norderstedt
Reha GmbH, Saarbrücken
Amazon Distribution GmbH, Leipzig
ISBN: 978-3-8443-5271-9

Только для России и стран СНГ

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Издатель: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Germany
Телефон +49 681 3720-310, Факс +49 681 3720-3109
Email: info@lap-publishing.com

Напечатано в России
ISBN: 978-3-8443-5271-9

АВТОРСКОЕ ПРАВО ©2011 принадлежат автору и LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG и лицензиарам
Все права защищены. Saarbrücken 2011

*Дочерям моим
Валерии и Радмиле Белич
посвящается*

СОДЕРЖАНИЕ

Пора возвращаться к истокам (Предисловие Ю.С. Надточий).....	5
Мир как провинция Царствия Божьего (Предисловие В.Ю. Софронова).....	14
Часть первая. Тобольское предместье	
От автора.....	16
Прелюдия.....	22
Этюд первый. Сузгун-гора.....	28
Этюд второй. Восхождение к Тобольску.....	56
Этюд третий. Эстетика пространства.....	90
Этюд четвертый. Культурный ландшафт.....	105
Этюд пятый. «Концепция жизни» Тобольской земли.....	131
Этюд шестой. «Островки» исторической памяти.....	144
Этюд седьмой. «Экология зодчества».....	172
Этюд восьмой. «То, чем живут».....	195
Этюд девятый. «Путем в себя».....	209
Кода.....	222
Литература.....	233

Ночная панорама Подгорной части современного города Тобольска. Фото С. Здановского, февраль 2011 года

ПРИШЛА ПОРА ВОЗВРАЩАТЬСЯ К ИСТОКАМ

*«Из плода правды для сибиряка древо жизни
произрастет. Сибиряки, совершающие доброе,
добиваются высшей благодати».*

С.У. Ремезов.

*«Всеблагое Провидение постепенно ведет
людей, народы через цели частные,
общественные и государственные к целям своего
высшего порядка».*

П.А. Словцов.

Не станем скрывать, название для предисловия взято из этой книги, из ее второго этюда – «Восхождение к Тобольску» – по согласованию с ее автором и собственному неоставляемому убеждению, что – давно пора. Развертывая эту мысль, автор, Игорь Владимирович Белич, житель Тобольска, строил книгу, воссоздавал, реконструировал во времени и пространстве свое «Тобольское предместье», порой, расширяя его просторы чуть ли не на всю Сибирь, если не дальше, и всякий раз возвращаясь к родному городу. При этом, чутко согласуя с тобольским камертоном мелодику продолжающихся этюдов, переходящих один в другой и взаимопроникающих.

Она забирает читателя не сразу, но постепенно, когда приходится сначала пробиваться и через сложности профессиональной терминологии, оттого что автор не «подыгрывает» снисходительно читателю, и через утяжеленное построение фраз, в каждой из которых открыта или зашифрована мысль. Но, настроившись на тональность текста, отложить книгу в сторону становится все трудней, она уже не отпускает читателя. Как никого не отпускает Сибирь, стоит лишь очутиться за Уралом, «...прильнет название сибиряка, надолго, на всю жизнь, хоть уезжай за море», - как заметил декабрист-тоболяк Гавриил Степанович Батеньков. И то верно в особенности, если сибиряком становишься в Тобольске, в городе «притяжательном», в котором самые разные люди не одно столетие жили до нас и после нас, даст Бог, жить будут. А значит, прочитают и эту книгу, честную работу. Верно и оттого, что наше пространство и время, как и у автора книги, – в Тобольске и в его предместьях, конечно.

Не случайно, одна из издательских программ Фонда «Возрождение Тобольска» так и называется – «Тобольск и вся Сибирь». На этом отсчете мы

сошлись с Игорем Владимировичем. На его «Восхождении к Тобольску» вслед за первым сибирским зодчим, картографом, историком Семеном Ульяновичем Ремезовым; вслед за автором «Исторического обозрения Сибири» Петром Андреевичем Словцовым. И пристрастие к художнику, писателю, археологу и этнографу Михаилу Степановичу Знаменскому также очень понятно. Ибо именно М.С. Знаменский оказался на пути, который впоследствии на Искер, Сузгун и иные урочища, прошел И.В. Белич. Точнее, идет по этому пути, давая ответ самому себе, а теперь вот – и своим читателям, почему идет:

«Мы живем будущим, но его не бывает без прошлого. Мы живем в другом мире, но не в ином измерении. Мы живем на этой земле – Родной земле – и не можем, не должны жить, не соизмеряя свою жизнь с заданным ее пространством ритмом жизни, с колоссальным рациональным знанием и опытом, составившим наше национальное наследие. Иначе мы утратим свои, итак уже изрядно «подсохшие» исторические корни...».

Цитата взята из седьмого этюда – ««Экология» зодчества». Имеются этюды с названиями «Эстетика пространства», «Культурный ландшафт», «Концепция жизни» Тобольской земли», говорящие о своем содержании и органично сочетающиеся с концепцией Фонда «Возрождение Тобольска», его целями и задачами. Среди них: «Сохранение и восстановление памятников истории и культуры на территории Тобольска и Тобольского района», «Сохранение и реконструкция уникального исторического и природного ландшафта города и прилегающих территорий».

И автор «Культурного ландшафта Тобольской земли» отвечает на вопрос, для чего поставлены «цели и задачи» потому выполнимые, что их невозможно не претворять, иного выхода не остается. Собственно, это должен осознать на личном уровне каждый человек, любящий свой родной край, свой город или село. Причем ясно, что призыв относится не к одним жителям Тобольска и его предместий. Разговор ведется в масштабах всего российского историко-культурного пространства, сформированного как временем и природой, так и адекватным им словом и делом. «...С исчезновением того или иного культурного шедевра, и, добавлю, памятника природы, происходит частичная утрата самого себя. Иначе мы лишаемся своей самости – своей автохтонной, то есть коренной, самобытной – «илы жизни» итак уже довольно ослабленной. Иначе мы потеряем и сам смысл

жизни, ибо то, для чего мы будем жить, не будет иметь смысла в отношении к тому, чем мы жить будем».

Повторяемость вопроса входит звенящей беспокойной нотой в общую тональность текста, не различающего ни возраста, ни культурологической подготовки его читателя. Идет обращение к Человеку, но совсем не к абстрактному и отвлеченному, пусть и пишущемуся с заглавной буквы, а к вполне конкретному жителю полиэтнического и поликонфессионального российского пространства. С последней четверти XX столетия урезаемого, сокращающегося наглядно, в смысле внешних границ, и более латентно – в показателях численности, особенно государствообразующего этноса.

Хотя автор мог бы вести отсчет и с первой четверти того же столетия, с пространства, отколовшимся от вечности историко-культурной, с построением в нем «нового мира», уж точно, не российского, тем более, не русского. Как и не тюркского, не угорского, не самодийского. Перечисление именно этих этнических и человеческих, родовых принадлежностей происходит из-за необходимого автохтонного и старожильческого присутствия в познаваемом читателем «месте», к которому «восходим». Восходим, восстанавливая для себя и в себе «Островки» исторической памяти – направляющие ориентиры, указанные природой и подсказанные культурой, высокой природной сообразительностью отдельного человека и безошибочной общей народной интуицией. Именно она позволяет ощутить то самое Провидение, о котором напоминал П.А. Словцов, глубоко веря, даже веруя, в родной город, в Сибирь и в Россию, с основанием Тобольска, «вставшей хорошо за Уралом». Чтобы через всяческие «цели» преходящие «к целям своего высшего порядка» продолжить предопределенный путь. А он нарушался и не раз. И пусть изверившиеся в него или никогда не имевшие веры говорят, что история ничему не учит. Так видимо им удобнее. Но мы согласимся с С.У. Ремезовым, в конце XVII века утверждавшим, что «история великие видению человеческому приносит пользы. И тогда же, словно заглядывая вперед, советовал: «Не шататься из стороны в сторону, но свыше начертанным путем идти».

Если вхождение Сибири в историческое бытие России П.А. Словцов начинал с Ермака, с его прихода на «дикий берег» Иртыша, заверченный основанием Тобольска, то вслед за предшественниками, и мы обратимся к истокам, к коим пожелали возвращаться. Не из суетного любопытства, а ради приближения к истине, возвращения её. М.В. Ломоносов видел в освоении

Сибири результат «неутомимых трудов нашего народа». Поддерживая и продолжая М.В. Ломоносова, А.Н. Радищев утверждал, что в присоединении Сибири сказался «великий дух свободы». Недаром, по его мнению, поход в Сибирь осуществили «непорабощенные воины» во главе с русским народным героем. Историк К. Валишевский писал: «Первыми шагами покорение Сибири было обязано частной инициативе. Это сам народ... соизмерял не предприятия с силой, а силы с предприятиями, ...задумал, дерзнул и совершил все это».

И вновь взгляд П.А. Словцова на характер сибирского первопроходца и, в целом, «первопроходчество», ведущего в расширявшиеся пространства России. Не из «комплекса номадизма», в котором порой, винят русский народ осторожные «осмыслители» пути, не понимая отправившихся в путь. Тобольский историк открывает суть лаконичной и емкой фразой, сказанной о Ерофее Хабарове: «Этот человек, не вмещавшийся как бы в своем состоянии». Такие люди стояли у истоков сибирского историко-культурного пространства. Но хочется уточнить – свободные люди. И потому свободные, что само пространство России, Сибири давало им свободу. Или, по крайней мере, мечту о ней, заставляющую идти «встреч солнцу». А с ней дошли и до Тихого океана, названного А.И. Герценом «Срединным морем будущего».

Отчего в начале XXI века людям, озабоченным будущим России, Сибирь открывается в российском историко-культурном пространстве, уже не только ставшим привычным географическим, сырьевым ресурсом, но в совершенно новой качественной данности: и геокультурный, и духовной. В альманахе «Памятники Отечества», подготовленном к выпуску фондом «Возрождение Тобольска» (№ 56, 2002), автор предисловия писал о вещах, насущных для развивающейся Тюменской области – энергетическом регионе России, с новостроенными городами, доминирующим приезжим населением, прибывавшим в Сибирь с середины XX века со всех концов бывшего СССР. Всеми республиками пользовавшегося несметными богатствами региона. А когда углеводородное сырье стало только российским, стал вопрос о более разумном его использовании. Оказалось, что на прагматичном экономически развитом Западе давно знают, что надежный бизнес лучше делать в местах, имеющих основательные исторические и культурные корни. «Духовный потенциал», «надстроечный элемент», воспринимаемый ещё и с позиции организации культурного досуга и удовлетворения любознательности, образует существенный коэффициент производительности труда. И когда

«цивилизованный» мир вступает в новый век и в новую технологическую революцию, этот «элемент» выходит на первый план.

Вдобавок к тому ещё и ответственность и в большей степени бизнеса за недостаточно финансируемую государством культуру. И этот вопрос ставит И.В. Белич. «Культурологическая нота» его этюдов входит в глобальную ноотехносферу, в тот самый прогресс, который может эффективно работать как на сохранение природных ресурсов, так и культурных ландшафтов. Примеры сохранения исторического наследия в развитых странах, довольно расхожи, а уничтожение языческих капищ в районе Сузгуна под Тобольском, при проведении железной дороги, говорит лишь о неразвитости у нас этой «сферы». Этот разрушительный процесс был усугублен идеологической «составляющей», куда более нетерпимой к «чужим» духовным ценностям, «историко-культурным пространствам», что относится не только к XX веку.

Происходящий в России «возрожденческий ренессанс» это и реакция на прошедший век, и подготовка к «вызовам» века наступившего, требующего от человека природосообразности и соответствия «техносфере», и русской традиционной соборности, и технократической «индивидуализации». И еще одного важного понимания, от которого нас десятилетиями отучали, а вот в XIX веке об этом знали, так что опять в нашем тексте происходит временное возвращение, чтобы сегодня и в будущем жить с этим знанием.

«Государство не создает культуры, а только обеспечивает необходимые условия ее развития... Культура – дело творческой энергии, жизненной силы самого народа, слагающейся из мелких, но неустанных и дружных усилий отдельных лиц и частных союзов на разнообразных поприщах деятельности». Эту мысль отечественного историка В.О. Ключевского взял за главнейшую установку Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». Кстати, с подачи одного из инициаторов фонда, его Почетного президента, Президента Российской Академии наук, уроженца Тобольска Юрия Сергеевича Осипова.

Очередное возвращение к прошлому, восхождение по историко-культурному пространству закономерно и естественно, просто неизбежно. Как и расширение пространства, расходящимися предместьями, разлетающимися, беря с собой от истока, историко-культурного «ядра», настолько богатого и плотного, что взятого хватает на всё и на всех. И для

тех, кто с этим истоком, «ядром» лишь соприкоснулся, определил связь, что может стать неразрывной.

— «Родная сторона образует наши привычки, склонности и образ мыслей».

— «Теплые воспоминания о родине...».

— «Признание особенно дорогого в местах, формирующих мировоззрение, характер, определяющих жизненный путь. Родина дает истоки творческой воли».

Опять – истоки или один общий исток. Объединяет высказывания принадлежность их уроженцам Тобольска: декабристу Г.С. Батенькову, ученым Д.И. Менделееву и Ю.С. Осипову. Сказано в разное время, в разные века о родном для них городе.

Процитируем дальше академика Ю.С. Осипова: «Как коренной сибиряк, я всегда чувствую себя гражданином Тобольска. Здесь я родился, здесь прочитал первое слово, здесь окончил школу. Счастлив человек, знающий, что как бы далеко он не уезжал от родных мест, они всегда с ним». А что – с ним? – на самом бытовом и привычном уровне, в раннем детстве. Во времени, исподволь и навсегда формирующем человека. Где родной дом – центр, главное место, все остальное – «предместья». Через неширокую улицу, от дома, в котором родился будущий Президент РАН, то есть, от его – «центра», стоял дом, принадлежавший декабристу М.А. Фонвизину и его супруге. Известна легенда, а может и быль, что именно Наталья Дмитриевна явилась прообразом пушкинской Татьяны. В этом доме у его хозяев побывали Г.С. Батеньков в зрелом возрасте, Д.И. Менделеев совсем мальчиком. Ю.С. Осипов бывал в нем тоже в юном возрасте. Конечно, здесь жили совсем другие люди, но стены домов хранят память о своих прежних хозяевах. Ее можно почувствовать, и воздействие такой, особенно на юную душу, памяти благотворно.

Через десять десятков метров улица заканчивается площадью, которая в Тобольске, как и в Москве, называется Красной. За площадью поднимаются стены Тобольского кремля, от его стен видна нижняя часть города. Рядом, внизу – здание бывшей гимназии, где преподавал П.П. Ершов, жил один из её директоров – И.П. Менделеев, отец великого ученого, родившегося в этом же доме. А усадьба, где стоял родной дом Ю.С. Осипова, принадлежала неутомимому исследователю Тобольского Севера А.А. Дунину-Горкавичу,

который в 1926 г. был признан Президиумом АН СССР ученым Всесоюзного значения.

Такие историко-культурные окрестности, предместья – штрихи к местному городскому пейзажу, с которых начинается большая картина жизни, охватывающая, практически, весь мир, члена различных академий, произведенного в Сиднее в «Рыцари Белого Креста» Всемирной конфедерации рыцарей. Без них, оказывается, и сегодня не обходятся. Да, верно, и завтра не обойдутся. А вот без дома Ю.С. Осипова было решено обойтись. Не самыми разумными людьми был разрушен маленький деревянный одноэтажный флигелек, скромный дом семьи Осиповых. Он был просто изъят, вычеркнут из городского пейзажа, культурно-исторического ландшафта. Место осталось, земля, почва живая, своя. Сюда приезжает из Москвы Юрий Сергеевич, строит на своём месте новый дом. Все в том же «пространстве», известном и родном с детства, на «почве», которую не изъять, не унести и не срезать – свой дом, в своем городе...

Подобное возвращение – возрождение, показатель не только частный, тобольский. После казенного «бездомовья» XX века, происходит широкая реализация идеи – Дома, а там уж, как писал в «Истории Сибирской» Семён Ремезов: «Кто свой дом добре содержит, тот все добре устроит». И из другого контекста перенесем в наш текст из этюдов И.В. Белича: «Оно и понятно, ибо... дом является одним из ключевых символов культуры», с которым в той или иной мере соотнесены все важнейшие характеристики жизни человека и его картины мира: представления о пространстве и времени; особенности социальной организации; религиозные воззрения». Вершащееся возвращение, можно назвать и восхождением – к дому, как к основополагающей ценности, духовной и материальной одновременно. Верно, чем «дом» и отличается от «квартиры» – ценности, несомненно, материальной, но духовная составляющая может явиться туда разве что, как случайная величина. Со случайными обитателями, «квартиросъемщиками», но не хозяевами. Тем более окружающего «жильё», «место», пространства того, вошедшего в оглавление этой книги, «предместья» тобольского или иного, не суть важно.

Помнится, П.А. Словцов писал: «Общее правило тогдашних русских: где зимовье ясное, там и крест, или, впоследствии, часовня; где водворение крестьянское, там церковь...». А где церковь, там и дом. Без церкви, без храма, получался фаланстер, из невозможной для прочтения книжки «Что

делать», которую правильной было бы назвать – «Что не делать». Чтобы не оказаться без дома, «голым человеком на голой земле». Ибо, если «нельзя ждать милости от природы», то и она, от желающих «разрушать до основания», милости не дожидается. И в изначальной её ипостаси, и в той «второй природе» – культуре, среди окружающих нас городских «спальных» кварталов и производственных корпусов. Где в большинстве пребывают наши современники, ограничиваясь вдолбленным знанием насчёт природы, которая «не храм, но мастерская».

Только – «мастерская», без храма, так и не принеся материального благоденствия без устали работавшему обществу, которое оказалось, чем больше работало, тем беднее и слабее становилось. Особенно в проявлениях сил духовных, крепящей державу, связи между отдельными индивидуумами, этносам и конфессиями. И той, в основе её не что иное, как вера, надежда и любовь, в самом естественном их понимании, этновоспроизводящей силы, уходящей при бездомовье, но пробуждающейся в доме, отразившейся в самой негативной степени на государствообразующем этносе. В начале XX века в труде «К познанию России» Д.И. Менделеев насчитывал российского населения к концу столетия в три раза больше, нежели имеется нас на сегодняшний день.

Перебросы во времени, обращение в нашем предисловии к различным именам, к известным и высоким – до уровня их подниматься и подниматься, в путешествии по «Тобольским предместьям», уходах из него, возвращении, приводят к этюдам с названиями, по сути, самыми главными: «То, чем живут» и «Путем в себя». «То, чем живут», относится ко всем людям, хотя одним словом, это понятие выражено на языке малочисленного северного народа – селькупов. Возможно, «то, чем живут», – это душа. Конечно, душа, которая, в понимании селькупов, действительно, должна быть у всех живущих. И у диких зверей, и домашних животных. Но вот в отношении людей: у одних души много, у других – куда меньше, надолго не хватит, а у третьих – совсем нет.

Таким, может казаться, что они живые, как все, но это им только кажется. Не послала им при рождении, героиня высшей селькупской мифологии «Жизненная старуха-бабушка», самое главное – «то, чем живут». Так вот, этим и не надо подниматься, «восходить» на гору, вершину; даже мыслей не бывает. Сразу мертвыми появились, неживыми. А живому необходимо восхождение к вершине, и новая проверка себя подъемом. Во

время восхождения выясняется, что «то, чем живут» иссякает. И жестокий ответ дает миф: «Ты хоть молодой, хоть старый, никогда туда не сможешь подняться. У тебя дух захватит, ноги отнимутся. Остается немного до вершины, и уже всё...». Но, чтобы быть живым, обновлять жизненные силы, важно стремиться к высшему уровню. Постоянно и каждый день, чтобы дальше идти. Тогда «то, чем живут», у продолжающих путь – восхождение, только прибавляется. Когда идёшь «путем в себя», к лучшему в себе, неожиданно открывается сила и возможности посланной тебе души. Когда она оказывается намного сильнее, богаче, жизнеспособней, чем думалось. Не в метафизическом смысле, а в самом практическом, деловом, конкретном. Не в мифе, но в окружающей жизни, которая рядом, здесь же – на «Шаман горе» или в Тобольске, либо где-то еще.

К чему бы ни обращались в этом предисловии, а родной город «в уме» держали, как и автор книги И.В. Белич – историк, этнограф, тюрколог, просто, гражданин города. И если в своем последнем девятом этюде он приводит выражение, «что мы еще не пришли ~~н~~утем в себя», то задерживаться в «качественном изменении нашего отношения к самим себе», конечно, не стоит. Чтобы не остаться ни с чем, не с новыми приобретениями, а с очередными потерями. Пробуждение возможностей «внутреннего человека, необходимо в реализациях ~~ч~~еловека открытого». В эпиграфе мы привели слова С. Ремезова о «сибиряках, совершающих доброе». Надеюсь, что культурологические этюды И.В. Белича, совершающих это доброе, в городе и для города (и не только), прибавят нам всем «то, чем живут». Прибавление «событий культурной значимости», это уже открытие своих истоков. Если «позади Сибирь, то Сибирь и впереди. Вместе с нашим Тобольском и нашей Россией.

Юрий С. Надточий,
член Союза писателей России

МИР КАК «ПРОВИНЦИЯ ЦАРСТВИЯ БОЖЬЕГО»^{*}

*Мир существует не для того, чтобы мы его познавали,
а для того, чтобы мы воспитывали себя в нем.*

Г. Лихтенберг.

Когда мне удалось прочесть работу Игоря Владимировича Белича, а это, предупреждаю сразу, труд нелегкий, то как-то сама собой родилась фраза: «Наконец-то! Наконец после Петра Андреевича Словцова хоть кто-то из наших современных исследователей попытался осмыслить и связать воедино культурное пространство Тобольска и его предместий». Да, перед нами, безусловно, попытка соединить, свести вместе различные временные и культурные пласты далеких от нас эпох, на которых мы с вами до сих пор благополучно восседаем и не даем себе труда разобраться, понять, откуда они взялись, как появились и, самое главное, – как они на нас и мы на них воздействуем. А это важно!

Важно знать, почему город Тобольск именно такой. Почему он столь притягателен для каждого, кто хоть раз ступил на плато его суглинистых холмов. Важно понять, что мы живём не просто в городе, которому сегодня более четырех веков. Надо помнить и понимать: Тобольск был заложен на «плато культур», впитав и передав нам их традиции, обычаи, обусловив тем самым нашу поведенческую структуру.

Если Тобольску как административному центру мы не вправе дать более тех лет, что он прожил с 1587 года (года его основания), но если говорить о том наследии, которое он получил от ранее находящихся на этом пятачке земли культур (культурном плато), то здесь речь пойдет о тысячелетиях. Именно в них, в тысячелетия и устремил свой пытливый взгляд И.В. Белич. Хотя оговорюсь, он не оказался пионером-анатомом, вскрывшим как бы «тело» культурного плато Тобольска. И до него были прежде известный историк Сибири Петр Андреевич Словцов и тобольский художник «любитель старины» Михаил Степанович Знаменский. Первый проделывал эту операцию мысленно, на бумаге, второй – в прямом смысле с кистью и лопатой в руках. Вот тут-то и возникает законный вопрос о правомочности подобных операций, но оставим его решение читателю,

^{*} Да простит меня Арнольд Тойнби за позаимствованное у него название одной из глав замечательного труда «Цивилизация перед судом истории». М., 1995.

надеясь, что опыт предшественников позволит ему самому сделать правильные выводы.

И.В. Белич в своей работе, которую по праву и без оговорок можно назвать целостным и емким культурологическим исследованием, вплотную подходит, но не переступает черту философского осмысления проблемы. А далее... всего лишь только два пути: божественный и материалистический. Материалисты уже вынесли свой беспощадный приговор окружающему нас миру, который по их разумению необходимо непременно завоевать и победить. Идеалисты относятся к этому вопросу более осторожно, считая вполне закономерно окружающий нас мир «провинцией Царства Божьего».

На этом пути нам предстоит еще множество открытий чудных, которые вряд ли можно предсказать без веры в незыблемость законов природы, которая пока всё ещё до конца недоступна человеческому пониманию. Что и хорошо! Значит, будем ждать появления новых исследований и работ, подобных той, что Вы, уважаемый читатель, держите в своих руках.

Вячеслав Ю. Софронов,
доктор исторических наук,
член Союза писателей России

От автора

Отмечу с самого начала, что эта книгу, которую вы, уважаемый читатель, держите в своих руках, созрела не сразу, да и не задумывалась как отдельная монография. Первый её вариант был начат в конце XX и закончен в самом начале XXI века, попросту откладываясь в виде размышлений, как бы подводящих некий итог историко-культурному состоянию и развитию Тобольска и Тобольской земли, определенный миллениумом. Собственно о книге совсем и думалось, скорее – это было «писание в стол», и даже трудно сказать, чем оно было вызвано.

Сейчас, спустя более 10 лет, мне кажется, что догадываюсь, но... не скажу: «если кажется, креститься надо», - как говорится. А потому оставлю эту догадку при себе. Замечу лишь для стороннего наблюдателя – со стороны видней, что вскоре после того как была завершена первая версия книги – назовём это теперь так, ко мне неожиданно стали поступать предложения участвовать в различных проектах, связанных с историко-культурным наследием г. Тобольска и его окрестностей. Более того, эти проекты как раз тогда и начались. В этом деле я и до сих пор принимаю участие. Предчувствие? Но почему мне – выходящу из южной точки бывшего СССР – привелось этим заниматься здесь, почти в самом центре России? Суть дела и ответ на этот вопрос, полагаю, заключается в самом культурном ландшафте города Тобольска и Тобольской земли. И вообще – «малой» родины без «большой» не бывает.

Всё о чем предстоит наш с вами, уважаемый читатель, разговор, не является строго выверенным культурологическим изысканием. Хотя почти всё, в чем делался в нём упор, представляет собой обоснованные результаты разных исследований, апробированных в различных областях научных знаний. Научную логику, вплоть до математической формулы, можно доказать. А формирование многозначных логик свидетельствует, что истина – всегда конкретна и, добавлю: образна, что доказывает положение об относительном характере конкретно-научных знаний. Но истину ведь можно и почувствовать, поверив в истинность самой логики. И такая, принятая здесь жанровая форма повествования, как этюд как раз и позволяет это сделать.

Не случайно получается, что предчувствие истины ощущается нами прежде интуитивным присутствием её «где-то рядом». Мне же

хотелось уловить и передать это чувство в соответствии с личным ощущением. Соизмеряя его не только со своим (и привлекаемых авторов) познанием, но и со знанием, мироощущением и сознанием людей, задавших эту тему. А также с соотношением этого ощущения с ритмом данного историко-культурного и природного пространства, обусловившего обращение к заданным им сюжетам и образам, выходя порой за его пределы. Поэтому, в этих «этюдах на заданную тему», будет больше как будто повторений неких «магических формул» и формулировок, нежели их расчлененного анализа. Но и мироощущение невозможно расчленить. Его можно только лишь ощутить, передав языком образов и метафор, мифопоэтическим языком самого мировосприятия, понятным каждому человеку с детства.

Вместе с тем, та или иная «картина мира» не только образна, но и конкретна в своем относительном характере научных знаний. Поэтому столь естественен здесь будет и язык науки, и принятых ею понятий. А также манера изложения, которой я старался придерживаться, временами «играя» словами, но отнюдь не из соображений манерности. Но потому как уточнение понятий нюансами слов приводит к тому, что они вызревают до уровня концептов, то есть – от формального к содержательному понятию слова. А слова, обозначающие концепты, приобретая дополнительные параметры и глубину, повышают вероятность того, что они попадут в наше сознание как частица коллективного опыта.

Частицы этого опыта, откладываясь видимо-невидимо в историко-культурном наследии, которое постоянно и зримо, и невидимо всецело окружает нас, неизменно имеют как определенное место и смысл в культурном ландшафте, так и «смысл места» – «комплекс мнений, символов и качеств, которые человек или группа людей ассоциирует с локальностью или регионом» (Y. Tuan). Потому в культуре разнообразных мест порой образуются поразительные точки соприкосновения. При этом мифологическое, поэтическое, шире – художественное пространство, часто имеют те же «точки координат».

Об одной такой точке или «точках координат» и «смысле места» и пойдет наш разговор в первой части предлагаемой книги – «Тобольское предместье». Полагаю, с ней интересно будет познакомиться не только специалистам, но и широкому кругу читателей, дабы составить общее

представление о том, что представляет собой культурное и природное наследие Тобольска и его предместий, и как его можно использоваться для общего блага – «сбережения народа» (А.И. Солженицын). Когда базовая составляющая культуры – историко-культурное наследие – стало осознаваться как «стратегический ресурс государства» (В.В. Путин).

Сейчас или по прочтении книги может возникнуть вопрос: а почему собственно она названа «предместьем» Тобольска, если в ней повествуется и о самом городе, и о совсем далёких от него сибирских местностях, и даже ещё дальше? Отвечу так: в значении слова «предместье» я исхожу не столько из его буквального понимания как «пригород», сколько как «предгорье» (по Далю). А чтобы подняться, как о том знает любой, кто ходил в горы, потребуется немало времени и сил, знаний и опыта как имеющихся, так и приобретаемых при подъёме. Вот мы и будем, уважаемый читатель, совершать эдакое восхождение, и заодно готовиться к нему. Тому же, кто потом взойдет на вершину, предстанет открывающаяся с неё во всю ширь горизонта впечатляющая панорама, которая может быть не только захватывающе-пафосная, но и представить элегическое впечатление. Однако это будет потом, а пока начнем с предместья.

Следует отметить, что культурный ландшафт Тобольской земли, все видимые и невидимые его составляющие, безусловно, неисчерпаем. И тема начатого в этой книге разговора будет иметь своё продолжение. Во вторую её часть войдёт целый ряд очерков и статей, написанных мной в разные годы и непосредственно связанных с культурологическими этюдами первой части, с некоторыми конкретными историческими местами и объектами наследия Тобольского предместья и Западной Сибири. В них будет более основательно выявлена «скрытая» в этих памятниках, но мыслимо содержательная и оригинальная, а зачастую и уникальная историко-культурная информация, полученная на основе изучения комплекса многообразных источников, в том числе письменных, этнографических, археологических, фольклорных материалов, а также отдельных музейных предметов и прочее.

Я взял на себя ответственность начать этот разговор здесь и сейчас, хотя, наверное, надо было бы завести его ещё «вчера». Но по большому счету он своевременен, поскольку только в наши дни в российском культурологическом сообществе культурный ландшафт

становится Объектом Наследия. Как нельзя к месту прилились и слова, сказанные директором Центра Всемирного наследия, в 2010 году назначенного заместителем Генерального директора ЮНЕСКО по культуре Франческо Бандарина, в связи с изданием фундаментального труда «Культурный ландшафт как объект наследия», подготовленного коллективом авторов Института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева:

«Возлагая на себя ответственность за материальное и духовное богатства, оставленное нам ушедшими поколениями, мы вступаем в права наследования, и, значит, обязаны сохранить наше общее наследие. Чтобы выполнить эту грандиозную задачу, нам надо определить и исследовать все компоненты наследия и обеспечить их соответствующую защиту. Культурный ландшафт – один из таких компонентов и, кстати, основополагающая категория наследия, так как он олицетворяет множество культурных и природных ценностей в их единстве и взаимодействии. Культурные ландшафты представляют национальный дух народов и их традиционный стиль жизни, они заставляют осознать единство окружающей нас среды и составляют основу нашего благосостояния, служат индикатором развития общества и отражают его гуманистическую природу».*

Однако не принято заканчивать «слово от автора» цитатой другого. Не нарушая данное правило, закончим другим принятым установлением – словами признательности. Прежде всего, тем, кто соблаговолил первыми прочесть эту книгу и написать к ней предисловие, дав мне тем самым возможность убедиться в нужности этой работы и её публикации. Поэтому-то эти предисловия и предваряют книгу. Среди них известные писатели Тобольска и Сибири Юрий Сергеевич Надточий, историк и писатель Вячеслав Юрьевич Софронов. А также видный историк из Тюмени Наталья Алексеевна Балюк, которая написала положительную рецензию для издания книги и, по её словам, использовала отрывки из рукописи в своих лекциях в Тюменском университете. И было это еще 10 лет назад и остается сегодня.

Понятное дело, персонально всех и не назовешь, но издательству «Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG» в лице Елены Барбэ, курировавшей настоящий проект, я выражаю особую и персональную

* Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 5.

признательность за возможность публикации этой книги. Мне остаётся ограничиться благодарностью всем тем, кто по духу своему, оказавшись на одном вздохе с дыханием Времени, осуществил данное издание. И также всем тем, кто не сделав исключение из правил, окажется прав, познакомившись с ним.

Первая часть книги написана, повторяюсь, на рубеже тысячелетий. За истёкшее десятилетие в нашей стране и Тюменском регионе произошли, конечно, изменения и немалые. Естественным образом они охватили и город Тобольск с его предместьем, и культурный ландшафт всей Тобольской земли. Однако я не счёл нужным вносить какие-либо существенные изменения в тексты написанных ранее этюдов, оставив «культурологический срез» того времени нетронутым, чтобы потом, спустя какое-то время было бы с чем сопоставить. А вот дополнения сделал – преимущественно во второй этюд, казавшийся мне и прежде каким-то недосказанным. Но как раз в касавшейся в нём теме произошли собственно те изменения, ставшие «событием бытия» (М.М. Бахтин), которые и призвали досказать. Местами, насколько успел со временем, определенным по контракту с издательством, были внесены некоторые дополнения и в другие этюды, но в основном в них учитывались те или иные моменты, появившиеся в соответствующей литературе последних лет. Поэтому дополнилась также и библиография.

С целью сопоставления задумывались было и иллюстрации к книге: с одной стороны, цветные фотографии Тобольска С.М.Прокудина-Горского 1912 года, появившиеся в Интернете. А с другой – снимки 2010–2011 гг., сделанные руководителем общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» А.Г. Елфимовым так же в цвете и тех же самых мест. 100 лет – есть с чем сравнить. Однако выяснилось, что издание и иллюстрации соответственно будут черно-белыми (кроме обложки). Черно-белые фотографии хоть и придают документальность, но лишают яркости и полноты визуальности. Поэтому от этой идеи пришлось отказаться за счет другой: представить между этюдами графические работы тобольского художника–дизайнера С.А. Здановского из серии «Храмы Тобольска», выполненные в смешанной технике.

Ну, что ж, уважаемый читатель, в добрый путь...

Игорь Белич, г. Тобольск

Церковь Михаила Архангела

Прелюдия

«Счастливые таланты Сибири! – около вас раскинуты широкие зрелища природы, ещё свежее, ещё не початой; около вас носятся вековые воспоминания родины: и я не хотел бы предлагать вам поэзию в подругу. Представьте себе явнобрачие и тайнобрачие неизмеримых пространств, необозримых тундр, и ещё цепи гор, скрывающих богатства для счастливого, а трофеи для науки...; не полезнее ли посвятить свою даровитость для науки, а особенно наукам естественным?».

На этот эмоционально-поэтический призыв Петра Андреевича Словцова (1767–1843) заняться краеведением, явившийся результатом его раздумий при «видении весны» 27-го мая 1830 года на Сузгунском крутояре, и прозвучавший со страниц его «Прогулок вокруг Тобольска»¹, уже вскоре откликнулся Петр Павлович Ершов (1815–1869), а вслед за тем и Михаил Степанович Знаменский (1833–1892). Но автор знаменитого на весь мир «Конька-Горбунка», как ведомо, предпочел все-таки взять в подруги поэзию, а воспитанник декабристов – выбрал кисть и науки гуманитарные.

Однако передовые педагогические взгляды П.П. Ершова, его стремление к введению курса естественной истории в Тобольской губернской гимназии, не могли не напомнить М.С. Знаменскому идеи сосланного в Сибирь декабриста И.Д. Якушкина и его борьбу за школу в Ялуторовске². А это уже сближало художника с поэтом, хотя и сказочником. Единодушное же пристрастие к живописным историческим окрестностям города Тобольска стало основой их творческого союза и дружбы, длившейся пятнадцать лет. В конечном итоге, уже после смерти поэта, они – и Словцов, и Ершов, и Знаменский – как бы совместно, совершили «Прогулки по историческим окрестностям города Тобольска»,

¹ Словцов П. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году. – М.: Тип. С. Селивановского, 1834. – С. 77-78.

² Иван Дмитриевич Якушкин, находившийся после каторги на поселении в Ялуторовске, совместно с местным протоиереем, С.Я. Знаменским, основал в 1840 году ланкастерское училище для мальчиков (официально открыто в 1842 г.), а в 1846 году открыл точно такое же училище для девочек. Позднее М.С. Знаменский напишет об этом так: «...полиция была побеждена. С ранней весны 1842 года началась деятельная постройка школы, и 6-го августа 1842 года училище было открыто. Отсутствие телесного наказания, легкость и занимательность ланкастерских приемов обучения привлекали детей в новооткрытую школу, и к концу года в ней было уже 44 человека». Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения / Сост. тома Ю.Л. Мандрики, предисл. и прим. В.А. Рогачева. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 277.

посетив вместе с любознательным читателем такие урочища как Искер, Подчеваш и Сузгун.

Вместе с тем, если о достопамятностях «Искера» и «Городка Махмет-Кула», составивших цикл «Прогулок» М.С. Знаменского, еще в 1881 году поведали «Тобольские губернские ведомости». А его очерк «Чувашский мыс» дополнил их как отдельной брошюрой³, так и эссе, изданном в Тюмени единой книгой в 1901 году⁴. То его очерк «Сузгун» – так и остался в рукописи. В настоящее время эта рукопись (неоконченная) хранится в научном архиве Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ). Но относительно недавно и она была издана на страницах регионального литературного и историко-краеведческого журнала «Лукич» (г. Тюмень), будучи подготовленной к печати автором этих строк⁵.

Публикация очерка «Сузгун» – как завершение эссе «Исторические окрестности города Тобольска», была предпринята к 100-летнему юбилею выхода в свет этой небольшой по объему книги М.С. Знаменского, которая для провинциального города, несомненно, была событием в 1901 году. Однако издание упомянутой рукописи состоялось без этюда «Сузгун-гора», который по своему объему, по-видимому, выходил за рамки обсуждаемых на страницах журнала тем. Но тем самым как бы нарушилась логика подачи всего материала.

А она заключалась не только и даже не столько в публикации самого манускрипта «Сузгун» – его возвращение читателю само по себе оправдано было временем и потому оказалось востребовано во время. Сколько в попытке осмысления с его помощью урочища Сузгун – настоящего природного и исторического объекта-памятника, как своего рода «субъекта» историко-культурного и мифопоэтического пространства Тобольского предместья, персонифицированного в заданных им образах и

³ По данным Ю.С. Надточий, очерки «Искер» и «Чувашский мыс» были отпечатаны Тобольской губернской типографии отдельно и преподнесены цесаревичу Николаю Александровичу – будущему Николаю II в его бытность в Тобольске в 1891 году.

⁴ З [Знаменский М.] Прогулки по историческим окрестностям г. Тобольска // Тобольские губернские ведомости. – 1881. – №№ 17, 37, 39, 45, 47; [Знаменский М.С.] Чувашский мыс. Из археолого-исторических набросков М.С.Знаменского. – Тобольск, 1891. – 15 с.; Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. – Тюмень: Тип. А. Крылова, 1901. – 68 с.

⁵ Белич И.В. Рукописи не горят, рукописи возвращаются // Лукич. – Тюмень, 2001. – № 2. – С. 26-39; Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. IV. Сузгун // Лукич. – Тюмень, 2001. – № 2. – С. 28-39.

персонажах, получившим отражение в русской литературе XIX века, а ранее – в Ремезовской летописи.

Это позволило бы нам, кроме того, затронуть и поразмышлять над темой состояние, сохранение и использование историко-культурного и природного наследия города Тобольска и его окрестностей – как уникальной территории культурного ландшафта. Впрочем, что не делается, то к лучшему. Лучшим – оказалось, изложить её отдельно, здесь и сейчас.

В этой связи необходимо отметить следующий момент или «примету времени». В последние годы, благодаря усилиям литературоведов и критиков, библиотекарей и издателя, объединившихся вокруг «Лукича», произошло возвращение «из тьмы былого» многих некогда известных стране исторических имен и трудов. Среди них Петр Андреевич Словцов – историк, литератор и мыслитель, «Прогулки» которого считаются книгой, открывающей сибирское краеведение⁶. Михаил Степанович Знаменский – художник, историк-краевед и писатель, в своих прогулках продолживший культурологическое освещение Тобольской земли⁷. Их творческое наследие, которое является достоянием отечественной культуры, вновь стало доступно не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей.

Все это не могло не навести на мысль о том, что пришла, очевидно, пора подумать о достойном возвращении из «забытья» и тех объектов историко-культурного наследия, расположенных в окрестностях города Тобольска, которые находились в фокусе поэтического, эстетического, исторического и культурологического (хотя тогда этого понятия и не

⁶ Горбачева Н. «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» П.А. Словцова: проблема жанра // «Словцовские чтения-99». – Тюмень, 1999. – С. 244-247; Словцов П.А. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Коммент. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 256 с.; Белич И.В. «Концепция жизни» Тобольской земли (Культурологический этюд) // Первые Ремезовские чтения. Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX вв. – Тобольск, 2005. – С. 327-336.

⁷ Рогачев В.А. «Гори, гори, моя звезда!» (Критико-биографический очерк жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского) // Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 3-20; Горбачева Н. Возвращение Михаила Знаменского // Лукич. – Тюмень, 2000. – № I. – С. 45-51; Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения / Сост. тома Ю.Л. Мандрики, предисл. и прим. В.А. Рогачева. Тюмень: СофтДизайн, 1997. – 384 с.; Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. IV. Сузгун // Лукич. – Тюмень, 2001. – № 2. – С. 28-39; Белич И.В. К наследию Михаила Знаменского (заметки о провинциальном археологе) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск: Изд. дом «Наука», 2006. – Т. 9. – С. 99-118; Его же. Знамения Михаила Знаменского // «Знаменские чтения»: Филология в пространстве культуры. – Тобольск: ТГПИ, 2007. – С. 7-10.

существовало) внимания столь именитых личностей. Недаром же они собственно к ним обращались, именно в эти места совершали свои «Прогулки» и писали именно о них. Да разве только они одни?

Среди тех самых-самых исторических мест были и существуют сегодня такие, как городища Искер и Подчеваш, Саусканское (Ханское) кладбище и, конечно же, Сузгунское урочище. Каким образом они должны стать или будут востребованы нами сегодня, причем в том объеме наших возможностей и историко-культурного потенциала, которым они, во многом ещё сокрыто, обладают, и который они заслуживают – это особый вопрос. И не сейчас о нем начинать разговор. Речь пойдет о другом.

Если кратко сформулировать суть предстоящего разговора, то ведущую тему настоящих этюдов можно было бы обозначить как поиск «сил земли» и реконструкция «духа ландшафта» (по терминологии евразийцев) Тобольского предместья, на основе одного из живописнейших природно-исторических памятников города Тобольска – урочища Сузгун. Разумеется, этот поиск будет сравнительно-историческим, и то лишь только контрапунктным. Но вполне, на мой взгляд, достаточным для понимания самого «пути», или данной темы. А реконструкция – художественно-обобщенная, даже схематичная. Хотя хорошо известна, например, её предельное художественное, в частности, поэтическое воплощение в поэме Ершова:

*«Где живет луна-царица
Черноглазая Сузге».*

Поскольку этот «дух ландшафта», несмотря на свою привязанность к одному месту, является по своей природе все-таки «духом», а значит, может легко и свободно «перемещаться» как во времени, так и пространстве, то и мы последуем за ним по некоторым из тех мест, к которым он, так или иначе «привязан» самой Природой. Потому как именно в этих местах, где бы они ни находились, зачастую и «носятся вековые воспоминания родины».

Однако прежде, чем отправиться в путь, нам надо будет ещё пробежаться по страницам очерка М.С. Знаменского «Сузгун» и побродить вокруг Сузгуна исторического. Словом, понадобится еще собраться в дорогу и с мыслями.

Подсвечник, найденный на месте бывшей д. Алемасово
близ Сузгунской горы. Бронза, начало XIX века.
Предположительно изготовлен в оружейной мастерской
Никитиных в с. Верхне-Филатово (Публикуется впервые).

Абалакский Знаменский мужской монастырь

Иоанно-Введенский женский монастырь

Этюд первый

СУЗГУН-ГОРА

*«Много поверий сохраняется в народе
об этом живописном холме. Так, говорят,
что в ночь на пасху, здесь зажигается огонь,
и с первым ударом в колокол он потухает;
то показывается белая лошадь,
то белая женщина...».*

М. Знаменский («Сузгун»).

Известно, впрочем, не документально, что Пётр Петрович Ершов, занимаясь изучением местного фольклора, будто обнаружил рукопись с «татарской легендой», перевел её с чьей-то помощью на русский язык и сделал по её мотивам поэму «Сузге», которая была напечатана в журнале «Современник» в 1838 году. В.Г. Белинский оценил поэму Ершова так: «Стих бойкий, плавный – местами гармонический и поэтический – составляет достоинство поэмы»⁸.

Впоследствии эта поэма увлекла Михаила Степановича Знаменского, задумавшего было издать её отдельной книжкой. Он переписал для себя весь её текст, подчеркнув места, которые надлежало, на его взгляд, проиллюстрировать, подготовил и сами рисунки, а также наброски к ним. Художник составил также подробный комментарий к поэме, в котором попутно привел историю её возникновения. Но книжка, по неизвестным нам причинам, так и не была опубликована⁹.

Часть акварельных рисунков, изображающих отдельные сцены из поэмы («Сузге, упрасивающая Кучума построить царский терем на высоком холме», «гора Сузгун», «атаман Гроза подле умирающей Сузге» и ряд других), М.С. Знаменский включил всё же в 1881 году в альбом, посвященный 300-летию присоединения Сибири к России. Некоторые его акварели и наброски к ним из этой серии, к счастью, дошли до наших дней. Ныне они хранятся в фондах Государственного исторического музея (ГИМ), Пушкинского Дома и Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ). Среди них: «гора Сузгун»;

⁸ Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 2. – М., 1977. – С. 391.

⁹ Роцевский П.И. Воспитанник декабристов художник М.С. Знаменский. – Тюмень: Кн. изд-во, 1954. – С. 72-73; Утков В.Г. Сказочник П.П. Ершов. – Омск: Кн. изд-во, 1950. – С. 156.

«Сузге и Кучум»; «Сузге после купания»; «Бегство Кучума»; «Сузге тоскует»; «Сузге убита» и иные¹⁰.

В литературе можно отыскать только краткое упоминание о том, что «татарский» оригинал рукописи не сохранился¹¹. Тем не менее, этот принципиальный и важный момент до сих пор не был подкреплён каким-либо конкретным указанием на источник. Между тем М.С. Знаменский прямо говорит об этом в очерке «Сузгун»: *«К сожалению, нам не удалось найти в бумагах покойного (т.е. П.П. Ершова – И.Б.) списка предания, переложённого им в стихи, и мы не можем сказать – подстрочное ли это переложение или же выправленное на основании истории и летописей»*¹².

И нам не под силу, да и не время сейчас однозначно решить эту задачу или историко-литературную загадку. Можно пока лишь допустить вероятность существования какого-то локального сибирско-татарского предания, которое и было подвергнуто, очевидно, поэтической обработке П.П. Ершовым на основе сибирской «истории и летописей». Однако подлинность «татарского» текста рукописи и /или же существование самой этой легенды по-прежнему не может не вызывать у исследователей некоторые сомнения и вопросы.

Дело в том, что в фольклорных памятниках сибирских татар, в частности, тобольских татар, многие образцы которых были собраны и опубликованы выдающимся отечественным востоковедом, академиком В.В. Радловым, ещё во второй половине XIX века, не содержится даже намёка на бытование этого или подобного ему предания¹³. В исторической антропонимике сибирских татар имя Сузге также не встречается¹⁴. Быть

¹⁰ Швецова Е.П. Исламская тема в творчестве тобольских художников // Исламская цивилизация в Сибири: история традиция, современность. – Тобольск; Тюмень, 2006. – С. 87-91; *Её же*. П.П. Ершов и М.С. Знаменский // Е.П. Швецова /ershov.ishimkultura.ru/page.php?id...; Белич И.В. К наследию Михаила Знаменского (заметки о провинциальном археологе) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск: Изд. дом «Наука», 2006. – Т. 9. – С. 111-116; *Его же*. Знамена М. Знаменского // «Знаменские чтения»: Филология в пространстве культуры. – Тобольск: ТГПИ, 2007. – С. 7-10.

¹¹ Роцевский П.И. Воспитанник декабристов художник М.С. Знаменский. – Тюмень: Кн. изд-во, 1954. – С. 73.

¹² Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. IV. Сузгун // Лукич. – Тюмень, 2001. – № 2. – С. 35.

¹³ См.: Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Т. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. – СПб., 1872. – 411 с.

¹⁴ См.: Алишина Х.Ч. Ономастические данные для изучения этногенеза сибирских татар // Этнографическое обозрение. М., 1994. – № 3. – С. 69-86; *Её же*. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области). – Тюмень: ТюмГУ, 1999. – Ч. 1. – С. 229-239.

может, по этой самой причине М.С. Знаменский – «любитель старины» или краевед, знаток языка и сказаний сибирских татар, в комментарии к поэме «Сузге» П.П. Ершова справедливо заметил, что «*в историческом отношении полностью полагаться на поэму нельзя*»¹⁵.

Отсюда новая трактовка образа «Сузге», предпринятая современным тобольским писателем и историком В.Ю. Софроновым в историческом романе «Кучум», в котором героиня приобрела не только своё второе имя, Зайла, но оказалась сестрой хана Кучума, женой его лютого врага, Бек-Булата, родившей ему сына, и прочие, связанные с ней пассажи¹⁶ – лишена историчности. Поскольку не может подлежать объективной исторической критике. И если, пытливости ради, справиться в исторических источниках на счет сестер или жен Кучума, которых у него было, кстати, восемь, то среди них не найти ни одной с таким именем (именами)¹⁷. Этот персонаж следует воспринимать не более как плод художественного воображения автора данной трилогии, безусловно, талантливый¹⁸.

Возможно, что образ Сузге в народной памяти сибирских татар тождественен образу другой более известной царицы – Сююмбике – татар казанских, как это представляется историку из Казани Г. Файзрахманову. «По преданиям казанских татар, Сююмбике, не желая сдаваться живой в

¹⁵ Цит. по: *Роцевский П.И.* Воспитанник декабристов художник М.С. Знаменский. – Тюмень, 1954. – С. 74.

¹⁶ *Софронов В.Ю.* Кучум. Исторический роман. Часть первая. – М.: Изд-во «Культура», фирма «Эльтра», 1993. – С. 145-162 и др.

¹⁷ *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.* Т. II. 1598–1613. – СПб., 1841. – С. 1-23; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III. – СПб., 1866. – С. 2-5, 192-200, 306-311; *Нестеров А.Г.* Династия Сибирских Шейбанидов // *Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири».* – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. – С. 205-214.

¹⁸ Поскольку в современной научной, а тем более художественной литературе читатель вряд ли встретит более одного-двух имен из восьми жен Кучума – все больше его сыновья [*Файзрахманов Г.Л.* История татар Западной Сибири (с древнейших времен до начала XX века). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 181; *Нестеров А.Г.* Династия Сибирских Шейбанидов // *Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири».* – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. – С. 209-211]. То есть смысл назвать всех благоверных Сибирского хана поименно. Для чего воспользуемся одним редким документом (№ 19), опубликованным в «Актах исторических» (т. II), под заглавием «...о раздаче Кучюмову семейству пожалованного Государем (Борисом Федоровичем – И.Б.) платья и роспись оному», датированным 15 января 1599 года. В Посольском дворе в Москве «платье... царицам по росписи роздано» в таком порядке: «*Кучюмове большей царице Салтаным...; Другой царице Сюйдеджан...; Третьей царице Яндевлет...; Четвертой царице Актолун...; Пятой царице Аксюрюк...; Шестой Шевлели царице...; Семой Кубул царице...; Кучюмове осьмой царице Чепшан...*» *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.* Т. II. 1598–1613. – СПб., 1841. – С. 16-18. Некоторых из них Борис Годунов в 1603 г. отправил обратно в Сибирь, к сыну Кучума – Алею. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 29.

руки русских завоевателей, бросается с высокой башни, сооруженной над могилой ее мужа, хана Сафы Гирея. По преданиям сибирских татар, так же поступила и Сузге – не сдалась, не покорилась врагам и с высокого берега бросилась в могучие волны Иртыша»¹⁹. Но не исключено, что сам Ершов позаимствовал, адаптировав этот сюжет из казанской легенды, между прочим, тоже далекой от реальности²⁰. Нам пока просто не с чем соотнести – нет подлинника текста (ни на русском, ни на татарском языке) этого сибирского предания, которого, возможно, в действительности никогда и не существовало.

Тем не менее, забегаая вперед, необходимо отметить, что «сузгунский образ» с незапамятных времен «культивировался» на местной историко-мифологической почве. Не случайно, что благодаря поэме П.П. Ершова, урочище Сузгун стало самой популярной у тоболяков местностью, а сама поэма прочно вошла в художественную (изобразительную, музыкальную, сценическую и др.) культуру не только русских старожилов края, но и сибирских татар²¹.

По суждению историка и литературоведа П.И. Роцевского, поэма «Сузге» натолкнула М.С. Знаменского на мысль заняться раскопками археологических памятников в окрестностях Тобольска, «что художник и осуществил в 1878-1880 годах»²². Так видимо оно и было. Не случайно же, что поэма органично вплетена в многоплановые и колоритные сюжеты почти всех его очерков, как вошедших в эссе, так и оставшегося рукописи. В «Сузгуне» она вообще явилась преобладающей сюжетной канвой²³.

Как бы то ни было, но поэтическое видение Петра Ершова, очевидно, было сопричастно и/или «созвучно» художественной и исторической созерцательности Михаила Знаменского, что и обусловило «сложную мелодику текста» его эссе. В нем или в ней, по мнению современного литературоведа В.А. Рогачева, можно уловить «археологическую ноту», а

¹⁹ *Файзрахманов Г.Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань, 2002. – С. 161-162. Ср.: *Его же.* История татар Западной Сибири (с древнейших времен до начала XX века). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 145.

²⁰ *Халитов Н.* Очерки по архитектуре ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления. – Казань: Мастер-Лайн, 1999. – 232 с.

²¹ *Гарифуллин И.* Мухаммед. Ислам в Сибири. Кучум и Сузге в народных преданиях. По страницам истории сибирских татар. – Тюмень, 1993. – С. 54 и сл.

²² *Роцевский П.И.* Воспитанник декабристов художник М.С. Знаменский. – Тюмень: Кн. изд-во, 1954. – С. 74.

²³ *Знаменский М.С.* Исторические окрестности города Тобольска. IV. Сузгун // Лукич. – Тюмень, 2001. – № 2. – С. 28-38.

также ноты «этнографическую, мифологическую, стилевую и природно-пейзажную»²⁴. Итого – пять нот.

Задумываясь над этим, заметим: *пентатоника* – пятиступенный звуковой ряд²⁵ – характерна для музыкального строя традиционных культур многих народов Центральной и Восточной Азии, а также для музыки татар, башкир, бурят калмыков и др.²⁶ Эта музыкальная общность возникла у них в «сердце» Азии еще в тот далёкий период, «когда у всех урало-алтайцев было все общее, ...одни чувства, одна музыка», – писал чувашский ученый Н.В.Никольский²⁷. Музыка, которая словно «изогнутый лекалом мысли звук» (по поэтическому выражению О. Сулейменова), была способна вмещать обширное и разнообразное текстовое содержание, присущее эпосу²⁸.

Случайно ли это? По-видимому, нет²⁹. Исследователи отмечают, что «опора на местное, – локальное», национальное становится решающим моментом в литературе, изобразительном искусстве и музыке в России второй половины XIX века». Тогда было создано множество «пейзажных»

²⁴ Рогачев В.А. «Гори, гори, моя звезда!» (Критико-биографический очерк жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского) // Знаменский М. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 20.

²⁵ *Пентатоника* (от греч. *pente* – пять и *tonos* – тон), звуковая система, содержащая пять ступеней в пределах октавы. Основной тип пентатоники – бесполутоновая (ангемитонная, натуральная; также «китайская» гамма). В этом звукоряде между соседними ступенями возможны только два интервала – малая терция и большая секунда. Для неё характерны бесполутоновые трёхступенные попевок – трихорды (например, ми – соль – ля). Из-за отсутствия полутонов пентатонике не свойственны острые ладовые тяготения. Её звукоряд не выявляет определённого тонального центра, поэтому функции главного тона может выполнять любой из пяти звуков. Холотов Ю. Н. Пентатоника // cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/087/823.htm; www.belcanto.ru/pentatonica.html

²⁶ Козлов И.А. Пятизвучные бесполутоновые гаммы в татарской и башкирской народной музыке и их музыкально-теоретический анализ // Изв. общ-ва археол., истор. и этногр. при Казанск. ун-те, 1928. – Т. 34.

²⁷ Никольский Н.В. Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья. – Казань, 1920. – С. 7. Цит. по: Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа (Основные этапы этнической истории). – Чувашск. кн. изд-во, 1965. – С. 154. См. также: Вебер М. Рациональные и социологические основания музыки // Макс Вебер. Избранное. Образ общества.: Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – С. 469-550.

²⁸ Алексеев Э. К построению типологии музыкального эпоса // Музыка эпоса. Статьи и материалы. – Йошкар-Ола, 1989. – С. 24-27.

²⁹ Так, В.П. Семёнов-Тянь-Шанский писал: «Различные человеческие расы и отдельные племена в различных климатах, несомненно, отличаются различной степенью музыкальности и различными количественными соотношениями людей, обладающих высокими, средними и низкими регистрами голосов, различным их диапазоном, различными преобладающими оттенками (тембрами) голосов, наконец, различными интонациями речи, то певучей, то отрывистой...». Семёнов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. – М.; Л., 1928. Цит. по: Андреева Е.Д. Звуковой ландшафт как реальный объект и исследовательская проблема // Экология Культуры: Альманах Института Наследия «Территория». – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 78.

или «географических» музыкальных произведений. «Экзотические для европейцев и малоизвестные Сибирь и Азия фигурируют в европейской музыке как абстрактный Восток». Что, тем не менее «доказывает близость России к европейскому художественному миру»³⁰. Не случайным я имею в виду и то, что Знаменский в своём эссе сделал адекватную «аранжировку» поэтической «партитуры» Ершова, «либретто» к которой послужил все же традиционный тюркский (сибирско-татарский) фольклор и мифология.

Коль скоро, вслед за В. Рогачевым, я воспользовался музыкальной терминологией, весьма кстати, подходящей для понимания стилистики текста М. Знаменского. То обозначу и то, что «акколадой» (музыкальной скобой, объединяющей общий строй) мелодики текста эссе был, конечно, город Тобольск с его историческими окрестностями. Не невзначай опять же, что Тобольск вобрал в себя многие евразийские элементы культуры, например, тобольское, шире – сибирское барокко, определившие его уникальность³¹.

«Самобытность, способность к самостоятельному творчеству как проявление неискоренимой жажды этого творчества воплотились в формах не придуманных, но переплавленных и переосмысленных под влиянием множества факторов тобольской истории и тобольского бытия». Эта вдохновенная фраза, принадлежащая искусствоведу доктору архитектуры С.П. Заварихину, посвящена архитектуре Тобольска³². Не пояснив этого, можно было, согласитесь, отнести её и к творчеству М.С. Знаменского.

Впрочем, она как раз предполагает и настрой творчества тоболяка, отправившегося в живописное предместье города Тобольска с тем, чтобы *«рассказать... легенды и предания, сохранившиеся о той местности»*, имя которой – Сузгун. М. Знаменский связывал *«название этой местности»*, то есть Сузгун-горы с *«именем красавицы Сузге»*. В своём мнении он опирался как на «сказ» С.У. Ремезова, видимо тоже основанный на некоем неизвестном нам предании сибирских татар, и на «Описание Сибирского

³⁰ Галкина Т.А. Россия и Европа. Взаимоотражение в симфонической музыке // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. – М.: Институт Наследия, 2004. – С. 172-177.

³¹ Кириченко В.И. Является ли архитектура «сибирского барокко» действительно архитектурой барокко? К проблеме стиля в архитектуре русской провинции XVIII - первой половины XIX века // Барокко в России. – М. 1994. – С. 36-46. В качестве начальной даты «сибирского барокко» Т.С. Проскурякова предлагает 70-е гг. XVIII в. Проскурякова Т.С. Особенности сибирского барокко // Архитектурное наследие. – 1979. – Вып. 27. – С.147-160.

³² Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. – М: Искусство, 1987. – С. 186.

царства» «отца сибирской истории» Г.Ф. Миллера, его продублировавшим, которыми тоболяк пользовался в своих путешествиях³³. Так, Ремезовская летопись повествует: *«Розсадив царь Кучум жен своих больших во близких местах, взять дочь у Девлетима мурзы и пребывать ей устроив близ градского места на Паньине Бугре, другой же на Сузгунском мысу, именем Сузге; по той жене и город зовом Сузга, ныне же слово Сузгун место то; и ездилши к ним по пятницам»*³⁴.

Однако, как уже отмечалось выше, у нас нет исторических, прежде всего, археологических (об этом ниже), лингвистических и фольклорных данных, которые бы подтвердили этот вывод краеоведа, равно как и сведения летописца. Каких-либо иных мнений по этому поводу в старой литературе не высказывалось. В наше время данной точки зрения, ставшей отправной, придерживаются многие авторы, включая исследователей. Например, в статье современного языковеда Т.А. Барановой о тюркских топонимах Тобольского района читаем: «Здесь, на Сузгунском мысу, находилась резиденция младшей жены хана Кучума – Сузге, ее именем и названа деревня (Сузгун – И.Б.)»³⁵. Как видим: здесь та же самая легенда, но «переадресованная» к поселению, находящемуся под мысом, а не к сопке – месту «резиденции Сузге». Хотя всё понятно – легенда довольно популярная. Однако не будем забывать, что это все-таки легенда, а не достоверный исторический или топонимический факт.

Если говорить о них, то обратимся сначала к данным языка сибирских татар. По моим сведениям 20-летней давности, в говоре тобольских татар этот топоним, точнее, ойконим – название поселения Сузгун, расположенного на правом берегу Иртыша, произносится как *Козгун*. Можно, конечно, попытаться увязать его с сибирско-татарским словом *қозғын (қосқын)* – «ворон», как это делают местные жители, когда их донимают такого рода расспросами. Этой же семантической связи придерживаются и лингвисты.

Так, Т.А. Баранова, в частности, пишет: «Современное татарское население пользуется неофициальным наименованием (деревни Сузгун –

³³ Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. IV. Сузгун // Лукич. – Тюмень, 2001. – № 2. – С. 30.

³⁴ Сибирские летописи. – СПб., 1907. – С. 320; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. – М.; Л.: АН СССР, 1937. – С. 197; Его же. История Сибири. Т. I. – М.: Вост. лит, 1999. – С. 193.

³⁵ Баранова Т.А. Тюркские ойконимы в топонимии Тобольского района Тюменской области // Этимологические исследования /Сборник научных трудов – Екатеринбург, 1991. – С. 81.

И.Б.) – Козгын. В татарском языке *козгын* – «ворон»³⁶. При этом смысловая адекватность между топонимом Козгын и антропонимом Сузге, чьим «именем и названа деревня», ею не проясняется. «Ворон» – определенно не подходило бы для имени легендарной жены Кучума. Рассмотрение этого вопроса языковед оставила за рамками констатации современной реалии в местной топонимике – параллельного бытования названия д. Сузгун – Козгын.

Выяснение языковой принадлежности и значения топонима Сузгун ещё нуждается в дополнительных изысканиях, которые будут лежать, вероятно, в области полеотопонимики. Чтобы разобраться в этом ещё понадобится время, аргументы и версии. Сегодня, как выяснилось, ученые-лингвисты не в состоянии пока толком ответить на центральный вопрос: дошло ли до нас название этого места в своем первоначальном виде, и в каком именно, либо в измененном и переосмысленном значении?

Недавно, правда, тюменская исследовательница языка сибирских татар Х.Ч. Алишина высказалась за «оттопонимное происхождение» имени Сузгэ, указывающее якобы, что эта «царица... была взята из Сузака (средневекового города, существовавшего в нижнем течении Аму-Дарьи – И.Б.) или Сузианы (историческая область на юго-западе Ирана – И.Б.) дипломатическим браком» за Кучума. Поскольку корень *суз* («польза, барыш, прибыль»), лежащий в основе данного антропонима, восходит, на её взгляд, к персидскому языку³⁷.

Но тюрколог при этом почему-то совсем упустила из виду местную историческую микротопонимику, которой пестрят русские письменные источники начала XVII века, зафиксировавшие здесь первые крестьянские поселения и вотчины Софийского дома. Так, в «Книге переписной Софейских монастырских вотчин (1625 года)» отмечены: «Вниз по Иртышу в Сузгуне за рекою Киселевской деревни Балина..., другая деревня архиепископия в Сузгуне ж над рекою Тайменкою», «деревня Знаменского монастыря вниз по реке Иртышу на речке Сузгунке», «деревня Монастырская на горе на речке Сузгунке». «А межа монастырской Кожевниковской деревни сверх Иртыша реки» пролежала «с нижними

³⁶ Баранова Т.А. Тюркские ойконимы в топонимии Тобольского района Тюменской области // Этимологические исследования /Сборник научных трудов – Екатеринбург, 1991. – С. 81; Её же. Топонимия Тобольска и его окрестностей. – Тобольск: ТГПИ, 2005. – С. 138.

³⁷ Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области). – Тюмень: ТюмГУ, 1999. – Ч. 1. – С. 46.

Сузгунскими юртами с служилыми и захребетными татары». И везде, как в этом можно было убедиться, Сузгун-гора, а также речка Сузгунка являлись основными ориентирами для ранних крестьянских поселенцев в Тобольском уезде. «На речке Сузгунке в дубраве», «в близнем Сузгуне в логу», «в близнем Сузгуне за большим Ереком (Ярком)» и т. д. находились их «пашни паханные и сенные покосы»³⁸.

Закономерности же хронологической преемственности топонимов таковы, как указывает сама Х.Ч. Алишина со ссылкой на авторитетное исследование Э.М. Мурзаева (Топонимика и география. М., 1995), что «имена физико-географических объектов старше имен ойконимов»³⁹. Следовательно, название горы (сопки) Сузгун или же речки Сузгунки возникло раньше наименования татарских юрт, появившихся здесь, по мнению историка крестьянства Тобольского края Н.А. Балюк, в конце XVI века, а русская деревня – в 60 годы XVII столетия⁴⁰.

Мне представляется, что этимология топонима Сузгун может лежать в одном семантическом ряду с такими понятиями как половецкий *сазаган* – «дракон» и казахский *сазаган* – «молния», башкирский *һазаган* – «зарницы», древнекыпчакский *сазган*, древнетюркский *сагзаган* и ногайский *сазаган* – «смерч», с их переосмысленными древнекитайскими прототипами – *чжу-лун* («Дракон со свечой», «Освещающий мрак») и *шуй-лун* («Император водных драконов»), являющиеся реминисценциями – «воспоминаниями» архаичных космогонических мифов, которые олицетворяли стихийные силы природы⁴¹ и иные миры⁴².

³⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1086. Л. 33-38 об., 74-76; *Вотчины* Тобольского Софийского дома в XVII веке / Сост. Н.А. Балюк. – Тюмень: ТюмГУ, 2001. – С. 29-30, 50-51; Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI – XIX вв. – Тобольск: ЗАО «Штрих», 1997. – С. 43, 67, 107-108.

³⁹ Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области). – Тюмень: ТюмГУ, 1999. – Ч. 1. – С. 219.

⁴⁰ Балюк Н.А. Родословие – от земли. – Тобольск: ТГПИ, 1992. – С. 25-26.

⁴¹ Ахметзянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1981. – С. 58-61; *Мифологический словарь*. – М.: Сов. Энциклоп., 1991. – С. 613.

⁴² К слову сказать, согласно данным московского этнографа Г.П. Снесарева, в 1962 г. он побывал в старинном кишлаке *Сазаган*, и ныне существующему в Самаркандской области Узбекистана, где наблюдал некоторые архаичные черты в местной погребальной традиции, до сих пор вызывающие интерес. В частности, здесь цирюльники выполняли несвойственные их профессии обязанности: укладывали в могилу тела умерших, выступали на обрядах в роли певцов и музыкантов, отправляя покойников в мир иной. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М.: Наука, 1969. – С. 167, прим.; Абашинов С.Н. Миндонский цирюльник // Среднеазиатский этнографический сборник. Выпуск IV. Памяти В.Н. Басилова. – М.: Наука, 2001. – С. 200.

По мнению казанского тюрколога Р.Г. Ахметьянова, «алтайские народы, с незапамятных времен имевшие тесные культурные связи с китайцами и корейцами (отголоском которых и является пентатонический общий строй татаро-башкирской, монгольской, корейской, китайской и вьетнамской музыки), не могли не заимствовать столь красочную мифологию — дракониады»⁴³. Непосредственное отношение к ней, с его точки зрения, имеет слово *шуликун* ~ *шүлгән* — «подводный царь», за которым скрывается демонологический образ, некогда распространенный в верованиях народов Северо-Восточной Европы и Западной Сибири⁴³. Коми *шулейкин* (или *чуд*) — «водяной»; русский (архангельск., тобольск., сиб. диалект.) *шиликун*, *шуликон* — «ряженный; нечистый дух»; поволжско-татарский, башкирский *шүлгән* — «злой дух», один из двух сыновей первочеловека, впоследствии «подводный царь», имеющий бесчисленные стада скота. Все они — «звенья одной цепи», ниспадающей к монголо-китайской мифологической «экологии». Общим в *шуликуне* и *шуй-лунге* является то, что они — «хозяева» воды и дождя. Сближает их и то, что они имеют по красавице-дочери, которые влюбляются в обычных людей⁴⁴.

Когда и каким народом имя Сузгун было дано этому причудливому Прииртышскому урочищу? — пока остается только догадываться. Но в «сполохах» и «зарницах», что встречает над ним в поэме Петра Ершова красавица Сузге в ожидании возлюбленного, и в том, что вызывало «много поверий в народе об этом холме», одно из которых прозвучало в «мифологической ноте» Михаила Знаменского, высвечиваются смутные очертания центрально-азиатских далей. Туда, по всей видимости, и тянутся семантические корни данного топонима имеющего, быть может, мифологическую природу происхождения.

* * *

Не исключено, что этим народом были те самые *кидане* (*китаи*, *ктани*) — потомки монголоязычной по происхождению группы племен (впоследствии тюркизированные), которые попали в Среднее Прииртышье со стороны Саяно-Алтайского нагорья вскоре после XII века, и вошли

⁴³ Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. — М.: Наука, 1981. — С. 58.

⁴⁴ Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. — М.: Наука, 1981. — С. 58, 59.

затем в состав сибирских татар (а также многих других народов), зафиксировавших их в своих исторических преданиях под именем *хотан*⁴⁵. Это имя можно услышать и сегодня. Этнонимом *хотан(ь)* – «татарин» ханты и манси как в прошлом, так и теперь ещё, называют сибирских татар⁴⁶. От этого же слова *хотань*, кстати, некоторые старики из ляпинских манси, до сих пор производят такие свои исконные фамилии как Шешкины и Хотановы. Хотя последние, по мнению этнолога З.П. Соколовой, на самом деле обязаны своим происхождением именам Хатын и Хотан, означающим по хантыйски «лебедь»⁴⁷.

Но и среди сибирских татар тоже существовали «люди-лебеди». Так, в такой их территориально изолированной группе, как ясколбинские, или «заболотные» татары, проживающие к северо-западу от Тобольска, и длительное время контактировавшие с манси р. Конды, можно и в наши дни встретить представителей «на-рода лебедей» – *аккош тугум* (букв. «белой птицы порода»). Местные старики-«лебединцы», по-прежнему, считают эту птицу священной и строго настрого запрещают на неё охотиться. И вовсе не потому, что она прекрасна, а по поверьям, согласно которым лебедь может «проклясть» охотника его убившего, вплоть до самого последнего человека в роду⁴⁸. А кто способен навлечь такое страшное проклятие, как ни почитаемый предок-тотем рода? Согласно нормам традиционной культуры, пожалуй, никто.

Некоторые этнологи сопоставляют тугумы «лебедей» и «журавлей» «заболотных» татар с древними осколками самодийской народности – предки ненцев или же с угро-самодийцами – предки селькупов, которые проникли в этот район из Нарымского Приобья ещё в первой половине I тыс. н.э. Их потомками, по мнению археологов, в какой-то степени явилось

⁴⁵ Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского музея) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 14. – Тобольск, 1905. – С. 21; Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX вв. – Томск: ТГУ, 1981. – С. 122; *Его же*. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. – Новосибирск: НГУ, 1992. – С. 45-46.

⁴⁶ Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX - начале XX вв. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. – С. 22; *Его же*. Сибирские татары: культура и быт. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – С. 19.

⁴⁷ Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв. Проблемы фратрии и рода. – М.: Наука, 1983. – С. 18, 117.

⁴⁸ Еремин Г.И. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири (К вопросу об этногенезе) // Вопросы истории СССР. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – С. 425, 432; Белич И.В. Природа в доисламских верованиях сибирских татар // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Сб. научных трудов. – Новосибирск: НГПИ, 1989. – С. 136-137.

население, создавшее, например, городище Подчеваш, расположенное на южной окраине Тобольска⁴⁹. Может оказаться, что этногенетические «мотивы» самодийцев, считающиеся, между прочим, также выходцами из Южной Сибири, как и киданей, ещё не «пропеты» в их «лебединой песне».

Но вернемся к сочинению М.С. Знаменского. В очерке «Сузгун» звучит, как уже отмечалось выше, и «археологическая нота». Хотя, по имеющимся у нас литературным данным и архивным источникам, не видно, чтобы тоболяк производил какие-либо раскопки этого памятника. Из рукописи следует только то, что он визуальным образом обследовал его, собрав некоторые артефакты, в частности, керамику, которая отличалась от фрагментов, обнаруженных им на Подчевашском городище и на Искере, а также составил небольшую палеонтологическую коллекцию. Этот подъемный материал, тем не менее, позволил М.С. Знаменскому высказать предположение о существовании на Сузгунской сопке татарского поселения – *«терема царицы, от которого теперь можно только найти какие-нибудь угольки да обожженные кирпичи»*⁵⁰.

Но эта гипотеза не согласуется с последующими археологическими материалами, согласно которым нижний горизонт культурного слоя Сузгуна (городище Сузгун I) относится к эпохе бронзы, а верхний, что самое важное – остался от «остяцкого городища XIII–XIV вв.»⁵¹. Кто же его оставил – не угры ли это были «сыбыры» ~ «сыпыры»? А почему бы и нет. Во всяком случае, известно, что эти всё еще загадочные аборигены края обитали к приходу русских в низовьях Тобола, сохраняя при этом своё древнее наименование *сыбыры* ~ *сыпыры*. И даже казаки Ермака застали их в тех же местах во время похода в Сибирь в 80-х годах XV века. Некоторые ученые считают, что *сыбыры* были уже ассимилированы и, значит, большей частью тюркизированы ещё задолго до прихода русских⁵².

⁴⁹ Васильев В.И., Могильников В.А. Основные проблемы этнической ретроспекции исторического прошлого Западной Сибири. Эпоха железа // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований. – Томск: ТГУ, 1981. – С. 60-61; Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: НГПУ, 2004. – С. 92-93.

⁵⁰ Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. IV. Сузгун // Лукич. – Тюмень, 2001. – № 2. – С. 31.

⁵¹ Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 35. – М., 1953. – С. 268; Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 21.

⁵² Небольсин П.И. Покорение Сибири // Отечественные записки. – СПб., 1848. – Т. 60. – С. 259; Бояришинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск: ТГУ,

По мнению историка Д.М. Исхакова, *сыбыры* ~ *сыпыры* (от *савиры*) и угорского же происхождения *иштяки* входили в состав ясачных татар Сибирского ханства⁵³. Вероятно, с этим можно бы и согласиться.

Но вот что крайне любопытно. По полевым материалам, полученным мной среди «заболотных» татар в 1986-1987 годы, ясколбинцы отчетливо помнят и охотно показывают места прежнего обитания сыбыров. Прежде всего, это те или иные речушки, которые так и называются – *Сыбыр елга* («речка сыбыров»); поселения и городища, именуются татарами *Сыбыр тора* («горд, городище сыбыров»); их древние захоронения, известны здесь под названием *Сыбыр туба* («курган сыбыров»), а фрагменты средневековой керамики – *Сыбыр таи* («камень сыбыров»). Упоминаются даже бывшие культовые места сыбыров или иштяков. Среди них, например, есть озеро *Оптылы куль* («Язевое озеро») – «там, у сыбыров, иштяков ли священное место когда-то было, там они свои жертвы приносили»⁵⁴.

Московскому ученому и журналисту Г.И. Еремину, работавшему в этих местах в начале 1970-х годов, «информаторы сообщили, что когда-то на территории Заболотья жил народ карликов – сыбыров, оставивший после себя в крае множество городищ и могильников (они нанесены им на карту – около 20 объектов – И.Б.). Многие пункты до сих пор называются в крае именем этого мифического народа...», которые уже были приведены мною выше. Большинство сыбыров, по его данным, входили в состав *Торна-тухума* («Рода журавля» – И.Б.), а «центр *Торна-тухума* находился на северо-западе края» (юрты Ишменево, Иземеть). «Любопытно, - пишет Г.И. Еремин, - что и в антропологическом отношении «журавли» были несколько отличны от остальных «заболотцев»: рыжие в веснушках, со светлыми глазами, низкорослы, подвижны, темпераментны, отличные следопыты и охотники, прекрасные ходоки по болотам»⁵⁵.

1960. – С. 109, 111; *История Сибири*. Т.1. Древняя Сибирь. – Л.: Наука, 1968. – С. 368; Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX вв. – Томск: ТГУ, 1981. – С. 67-68.

⁵³ Исхаков Д.М. О так называемых «остяках» Среднего Приуралья и их этнических связях с населением Западной Сибири // Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999. – С. 96-97; *Его же*. Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотоордынский периоды) // Сибирские татары. Сб. статей. – Казань: ИИ АН РТ, 2002. – С. 27-52.

⁵⁴ Полевой дневник автора. 1986 г. Юрты Ишменево /сиб. тат. Нәшшә-авыл /, Суюндуков Камиль, 1944 года рождения.

⁵⁵ Еремин Г.И. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири (К вопросу об этногенезе) // Вопросы истории СССР. – М: Изд-во МГУ, 1972. – С. 431.

Автору этих строк однажды удалось лично убедиться в этом. Фенотип одного моего 40-летнего в ту пору информатора, Муртазина Ревхата, поразительно отличался от остальных обитателей юрт. При всём том глаза у него были не просто светлыми, а голубыми, и трудно было отвести от него взгляд, а рассматривать – как-то неприлично. Я, было, попросил его сфотографировать, и не раз, но он упорно отказывался без объяснения каких-либо причин. Но я-то знаю: хотел уберечь свою душу-двойника (*аврак*) от фотокамеры-«ловушки».

По моим полевым этнографическим данным середины 1980-х годов, в исторических преданиях ясколбинских татар, постоянно присутствуют сюжеты о военных столкновениях «заболотцев» не то с сыбырами, не то с иштяками и, наконец, с остяками. Причём иногда упоминаются не просто иштяки. По рассказам местных старожилов: *«Была какая-то особая нация чиру-иштяк, они сюда пришли на берестяных лодках с Андреевского озера драться; с Тәңыта они спускались тоже, там есть мыс, о котором говорят, что это беспокойное место – раньше, будто жен крали. Татары в дно речек тычки (колья – И.Б.) поставили и лодки дальше не могли ни плыть, ни причалить, а их с берега с луками стрелами стреляли»*⁵⁶.

Не менее примечательно и то, что, по сведениям вышеупомянутого Г.И. Еремина, сыбыры вели нескончаемые войны не только с тюрками-татарами, но и с *торна-журавлями*. «Нет ли связи между *торна*, нападающими (в татарских сказаниях – *И.Б.*) на сыбыров, и современным «торна-тугумом»? Или это следы каких-то действительных исторических событий, имевших место в далеком прошлом края?» – задается резонным вопросом этот автор⁵⁷. Но поиск ответа на него, бесспорно, увлекательный, не входит в задачи данного этюда. Впрочем, мы также не будем далее внимать и «археологическую ноту», применительно к очерку «Сузгун»; тем более, что в рукописи М.С. Знаменского она прерывается, а перейдем к следующему.

* * *

⁵⁶ Полевой дневник автора. 1986 г. Юрты Иземеть /сиб. тат. Нәңчи-авыл/, Муртазин Ревхат, 1946 года рождения.

⁵⁷ Еремин Г.И. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири (К вопросу об этногенезе) // Вопросы истории СССР. – М: Изд-во МГУ, 1972. – С. 431, 432.

Сузгун вошел в историю археологии Сибири как памятник, давший имя своеобразной культуре эпохи поздней бронзы, существовавшей в южно-таежном Тоболо-Иртыше в пределах XII – VIII столетий до н.э. «Сузгунская культура» – яркий показатель синтеза традиций культур Тайги и Степи: местных охотников-рыболовов и пришлых пастухов-скотоводов и ранних земледельцев, явившегося следствием резких колебаний климата, который и обусловил продвижение скотоводческого населения далеко на север – до Тобольского Прииртышья и Васюганья, и встречный отток групп охотников и рыболовов на юг – лесостепное Тоболо-Иртыше.

Экологические изменения породили эволюцию хозяйственно-культурную. Миграции, сопровождавшиеся неизбежным смешением населения, привели к формированию гибридных культур и праэтносов. В эту и последующие эпохи Зауралье и западные лесные области Сибири в основном занимали племена, говорившие на древних угорских языках, а северные и восточные районы были заселены самодийцами или угро-самодийцами. Под влиянием степных племен – первых азиатских наездников, у «сузгунцев» сформировалось комплексное хозяйство, включавшее присваивающие и производящие отрасли. Упряжь и мотыга с серпами потеснили сеть и лук со стрелами. Главным животным в стаде стала лошадь, а всадник появился в их мифологии и культовой практике. Здесь сложились и свои бронзолитейные центры, впоследствии сыгравшие большую роль в распространении металла в таежной зоне. Возникли и первые укрепленные поселения – городища, где обосновались отдельные семейно-клановые группы и первые жрецы – вероятно, кузнецы-шаманы⁵⁸.

Не случайно опять же, что на Сузгунском городище, в ложке под сопкой, находилось культовое место (Сузгун II) – огромное кострище с мощным слоем золы, углей и обугленной бересты, остатки которого были раскопаны археологами в 1948-1950 годы. По южной и северной сторонам от него обнаружены глиняные сосуды, стоявшие вертикально. По другим

⁵⁸ Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.Л. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 35. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 7-71; Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – С. 215-265; История Сибири. – Томск: ТГУ, 1987. – С. 32-35; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. 1. Поселения и жилища. – Томск: ТГУ, 1995. – С. 203-251; Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 34-38; Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск, 2008. – С. 37-40.

сторонам – горшки лежали на боку, как будто они разбились, скатываясь с каких-то возвышений. Среди обломков наиболее крупных сосудов часто встречались мелкие круглые гальки белого цвета, специально принесенные сюда для какого-то древнего ритуала. По характеру и расположению находок археологи констатировали: Сузгун II – является памятником культового назначения, функционировавшего с XI по VIII века до н.э.⁵⁹

В честь чего или кого «сузгунцы» совершали там свои огненные обряды с приношениями? Не духам ли или божествам земным, водным и небесным стихиям они посвящались? Кто в них участвовал: все ли жители городища или же только «сузгунки», чей внешний облик приобрел тогда, по данным антропологов, тонкие черты азиатских красавиц? Принято считать наиболее обоснованным тезис о том, что гончарное ремесло, горшки – первоначально были уделом и предметом сугубо женским. Святилище располагалось внизу, у подошвы сопки, а «низ» во многих древних и традиционных культурах всегда был противоположен «верху» как в социальном, так и в сакральном его мировоззренческом статусе⁶⁰.

Интересно было бы взглянуть с этой позиции на места расположений мужского и женского монастырей, находящихся неподалеку от города Тобольска. В частности, Абалакский Знаменский мужской монастырь (XVII–XIX веков) воздвигнут на «горе» – возвышенном правом берегу Иртыша. А вот Иоанно-Введенский женский монастырь (XVIII–XIX веков) приютился, можно даже сказать сокрылся внизу – в распадке глубокой долины речки Шанталык, высокие лесистые склоны которой создают почти горный пейзаж. Он и назывался-то в прошлом не иначе как «Ивановский Междугорский монастырь». Есть, стало быть, возможность обратиться за аналогиями.

Полярная традиция в устройстве мужских и женских культовых мест, а также связанных с ними ритуалов, по-прежнему сохраняется, например, у малой северо-самодийской народности – тазовских селькупов. На площадке перед главным святилищем этих «лесных людей» – *Лōзыль лака* (букв. «Чёртова сопка»), имеющей более низкий, чем «Шаман гора»

⁵⁹ Мошинская В.И. Сузгун II – памятник эпохи поздней бронзы лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). – № 58. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 114-135; Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – С. 33.

⁶⁰ Вардиман Е. Женщина в древнем мире / Пер. с нем. М.С. Харитоновой. Послесл. А.А. Вигасина. – М.: Наука, 1990. – С. 3, 221.

(второе название) священный ранг, собирались у костра на периодические обряды с жертвоприношением оленя – одни женщины. Подъем наверх сопки им был строго запрещен. Туда восходили и делали приклады для *Нума* – «Неба» и *Тэтты имия* – «Земле-бабушке» (небесному и земному божествам) – лишь только мужчины, оставляя медные бляхи (в прошлом), монеты (сегодня) у корней деревьев, а светлой тканью подвязывая их стволы и ветви⁶¹.

Не к эпохе ли поздней бронзы уходит эта культовая практика, одним из памятников которой, возможно, и являлось сузгунское святилище? Ведь этническую общность населения, сложившегося, по крайней мере, в эпоху финальной бронзы в Восточном Зауралье, некоторые археологи связывают с самодийцами. А проблема их раннего пребывания на территории Нижнего Притоболья и участия в этногенезе тех же «заболотных» татар, всё еще является спорной. Освоение этого района, к слову, началось тоже лишь только в «сузгунское время»⁶².

В мае 1962 года в Сузгунском логу, на склоне с соседней с Сузгэ-Турой сопкой, школьники обнаружили несколько десятков бронзовых дисков (зеркал). «Сузгунский клад»⁶³ нашли под огромным корневищем некогда вывороченной ветром сосны. Не под «защиту» ли прежних духов один из обитателей уже нового прибрежного селения, обосновавшегося неподалеку, припрятал там свое «богатство», датированное археологами VII–IV вв. до н.э.?⁶⁴ Но, может быть, это был вовсе не «клад», а воздаяние за покровительство уже новым божествам, унаследовавшим лики и могущество старых духов?

⁶¹ *Белич И.В.* Святилище тазовских селькупов // Проблемы этнической истории самодийских народов. – Омск: ОмГУ, 1993. – Ч. 2. – С. 57-59.

⁶² *Галкин В.Т.* Этапы миграции населения Нижнего Тоболо-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: ТГУ, 1987. – С. 27-30; *Косарев М.Ф.* К вопросу о возможностях этнической интерпретации древних западносибирских культур // Проблемы этногенеза народов Западной Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. – С. 59-61; *Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 153-155; *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 184-185; *Соколова З.П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв. Проблемы фратрии и рода. – М.: Наука, 1983. – С. 117.

⁶³ «Сузгунский клад» ныне хранится в Тобольском музее-заповеднике (ТМ 11788). Подробнее о нем: *Адамов А.А.* Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 22.

⁶⁴ *Адамов А.А.* Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 22; *Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г.* Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск, 2008. – С. 33.

31 бронзовый диск – что бы это значило? Возможно, в них заключался какой-то «числовой код»: $30 + 1$; $3 \times 3 + 3 = 12$, связанный с цикличностью бытия, или «числовой текст», пояснявший мифологическую картину мира? Поскольку, по мысли видных знатоков такого рода вопросов, «число всегда есть получившее образ и при помощи формы подчиненное мироощущению»⁶⁵.

Как здесь не вспомнить, к примеру, сказать о «триаде» хантов, реконструированной этнологом из Екатеринбурга А.В. Головневым: «Там, где происходит рождение или возрождение, преобладает троичность. Она же символизирует умиротворение или спасение. По легенде нижнеобских хантов..., после потопа на Сей-пугоре осталось три человека, от них и родились местные ханты... Совершать жертвоприношение принято не реже трех раз в год. Посещение святилища начинается с его троекратного обхода посолонь. Многие праздники продолжаются не менее трех дней...»⁶⁶ и т.д.

Не в районе ли Сузгэ-Туры во времена хана Кучума были погребены одни из первых мусульманских миссионеров в Сибирском ханстве – Хучам Шукур-шейх и Мамэ Шукур-шейх, а также их жены – Хадбия и Хадия, чьи имена донесли до нас обрывки предания тобольских татар, записанные автором этих строк?⁶⁷ Недаром же ещё петербуржец В. Дмитриев, автор ставшей потом крылатой фразы: «Кто хочет видеть нечто прекрасное в Натуре, тот поезжай в Тобольск», вспоминал на страницах влиятельного «Сибирского вестника» в 1818 году: «Во время заката солнечного и восхода луны я находил в Сузгуне, недалеко от сих мест (Тобольска – И.Б.) лежащего, молящихся татар»⁶⁸. Не посредине же одной единственной тогда улицы «Сузгунских чистеньких юрт, расположившихся у подножия холма», как много позднее напишет М.С.Знаменский, публицист наблюдал эту сцену? Конечно, нет. Скорее всего, моления проходили где-то на Сузгунской горе или перед ней.

⁶⁵ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М: Мысль, 1993. – С. 41.

⁶⁶ Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – С. 548-549.

⁶⁷ Белич И.В. Золотое кольцо Тобольского предместья. Короткие зарисовки туристского маршрута // Альманах «Памятники Отечества». № 56. Первая столица Сибири. – М., 2002. – С. 23-24.

⁶⁸ Дмитриев В. Вспоминание о Тобольске и его окрестностях // Сибирский вестник, издаваемый Гр. Спасским. Ч. 1. – СПб, 1818. – С. 114.

Правоверные и по сей день обращаются в своих молитвах к этим *авлия* – «святым», предполагая, что их прах покоится в мавзолеях – *астана* Сузгунского урочища. Ещё в недавнем прошлом, а порой и в наши дни, проплывая по реке мимо него, им следовало непременно бросить монетку в Иртыш, сделав тем самым приношение – *садака* на своё «счастье и удачу» в делах. «*Котлы булсын*» – говорили татары в таких случаях – «Пусть будет счастливым» твой день, путь, дело, жизнь. Где под словом *кот* ~ *кут* сохранилось одно из доисламских значений понятия «душа»⁶⁹.

Не случайно выходит, что «окрестные татары, - как отметил в свое время М.С. Знаменский в «Сузгуне», - и дали этой горе название *Катая*». Данный термин можно этимологизовать из слов *коту* – «охранять» и *йап* – «холм возвышенность»⁷⁰, – то есть «охраняемый холм» в языке (диалекте) сибирских татар. В культе местных мусульманских святых у сибирских татар надгробья-мавзолеи *авлия*, а также территория вокруг них, являющиеся, по существу, национальными святынями, ныне возрождаемыми в народе, были всегда связаны с определенной охранной традицией. Она обуславливалась как запретами сакрального характера (сбор ягод, рубка дров и проч. здесь строго запрещались), так и нормами ритуального порядка (уборкой, ремонтом). Эту функцию обычно выполнял «смотритель» астаны – *шық* – «сторож кладбища святых»⁷¹.

Лики или образы этих «святых», по рассказам, «приходили» к отдельным людям. Причем являлись они к ним, как правило, во сне, как бы давая понять, напомнить и передать, чтобы их (*авлия*) не забывали. Попутно также отметим, что такими вот «экстраординарными» случаями инициировались, по-видимому, многие мавзолеи-астана сибирских татар, приуроченные к более древним святилищам: сопкам, курганам и др. или древним поселениям – городищам⁷². Но может быть, под именами этих

⁶⁹ Валиев Ф.Т. О религиозных представлениях западносибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 322; Белич И.В. Аврак // Народы Сибири и сопредельных территорий: Межвузовский сборник научных статей. – Томск: ТГУ, 1995. – С. 254-255.

⁷⁰ Тумашева Д.Г. Словарь диалектов языка сибирских татар. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. – С. 63, 103.

⁷¹ Белич И.В. Ханское кладбище // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; Уфа, 1997. – С. 9-14; Его же. Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. – С. 93-98.

⁷² Белич И.В. Культовые места сибирских татар как историко-этнографический источник // Роль Тобольска в освоении Сибири. – Тобольск: ТГПИ, 1987. – С. 40-41.

«святых» скрываются не реальные лица, а мусульманизированные образы древних богатырей и их верных друзей – персонажей давно забытого тюркско-татарского эпоса?

Как тут обойти вниманием красивую сопку вблизи села Цингалы (Ханты-Мансийский Автономный округ), подле которой еще во времена Семёна Ремезова, пролегало русло Иртыша. У старожилов она носит непонятное для них сегодня название «Чугас». Согласно местной хантыйской легенде, записанной в конце XIX века, в «былинный период» (X–XII вв.) на сопке располагался древний городок «*Сыновей Мужчины с Размашистыми руками и Тяпарской женичины*», который в XV веке был занят пришедшими сюда татарами. Остатки этого городища и остяцкого, позже, татарского святилища, находившегося у подошвы и, частично, на северном склоне Чугаса, исследованные археологами, датируются ими на период с IX – XII по XIII – XV века⁷³.

Но тобольские татары помнят об этом святилище и поныне. По их преданиям, на том месте некогда жил и был захоронен какой-то легендарный «предок-богатырь» – *алын*, образ которого с началом ислама сменил персонаж местной мусульманской агиологии – «*девица Хадица-Биби, дочь ахуна Аллогула*». Её останки, по поверьям, покоятся в астана на склоне сопки; к покровительству этой «святой» взывают бесплодные женщины. А ханты ещё в начале XX века считали это святилище – местом обитания «духа-покровителя» Цынгалинских юрт и призывали его по имени *Astanai*. И те, и другие посещали Чугас с близкими, хотя и разными ритуалами, но с одинаковыми надеждами на защиту и благополучие⁷⁴.

Рассматриваемая Цингалинская Чугас-гора, «воплотившая» тюркско-угорские мировоззренческие традиции, в чем-то близкие, и затронутые влиянием мировых религий, представляла собой феномен межэтнического и межконфессионального святилища, которое только недавно вошло в историю культуры народов Западной Сибири как северный культовый

⁷³ Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и героическим сказаниям // Живая Старина. Вып. 3-4. – СПб., 1891. – С. 85-116, 67-108; Зах В.А. Культовое место у д. Цынгалы // Сибирские татары. Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 1998. – С. 18-19; Его же. Цингалинское святилище // Материалы по археологии Обь-Иртышья / Сб. научных трудов. – Сургут, 2001. – С. 139-146.

⁷⁴ Белич И.В. Цингалинская астана // Ислам, общество и культура. – Омск, 1994. – С. 28-30.

памятник, находившийся на периферии исламского мира в Сибири⁷⁵. А сколько таких памятников всё ещё безмолвно взирают на нас? Они в нас давно не нуждаются. Мы нуждаемся в них. Не верите?

«Вы не поверите, - пишет в своем письме, адресованному в 1998 году в Тобольский музей-заповедник из г. Ханты-Мансийска, коренной цингалинец И.Н. Каскин, - а мне подсказала сама интуиция – откуда появилось в наших местах слово «Чугас». Помог мне разгадать эту загадку сон. Да! Да! Сон! Я ведь об этом даже и не думал. Сон помог в какой-то степени. Я не суеверен и не колдун, и не экстрасенс. Сновидениям не верю, но почему-то в мое сонное состояние неизвестно откуда вклинилось происхождение слова «чугас». Так вот, версия этого происхождения исходит из Греции. По-гречески – всё, что относится к возвышенности: сопка ли, курганы ли на ровном месте – называется «чугасами». Правда ли, – я не настаиваю. Но меня интересует, какое будет ваше мнение?»⁷⁶.

Свою точку зрения на этот случай или вопрос изложу чуть позже. А сейчас отмечу другое. Хотя историко-лингвистические построения нашего краеведа «по сновидению», собравшего, судя по его письму, немало достоверного фактического материала, носят в чем-то наивный характер: возникновение названия Цингалы (тюрк. *чинг* ~ *цинг* ~ *шинг* – «высокий крутой обрыв») он связывает «со случившимся здесь при татарах мором – цингой», дело в не этом. Но в том, что преклонных лет Иван Николаевич, появившийся на свет в 1915 году в семье охотника-ханта и русской крестьянки, уроженки д. Горно-Слинкиной, что недалеко от Тобольска, неожиданно для себя вспомнив (увидев во сне) услышанное им когда-то в детстве от «бабы Тони и старых людей» (как следует из письма), стал собирать сведения о своем родном Чугасе. Даже поехал туда. Поехал, чтобы вспомнить и помолиться..., как это тайно делали его предки.

Вот – пример того, как родная сторона забирает. Не помню, кто именно из великих сказал, но в память отчетливо «запала» фраза: «Мифы играют в обществе такую же роль, как сны в жизни индивидуума». Сны – это нечто от бессознательного, из детства человека. Мифы – порождение коллективного бессознательного, из «детства» человечества. Как знать?

⁷⁵ Белич И.В. Сибирское ханство // Сибирские реликвии: Из собрания Тобольского музея. – Тобольск; Верона: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2000. – С. 37-138.

⁷⁶ Письмо И.Н. Каскина хранится в научном архиве Тобольского музея-заповедника.

Быть может, они когда-то и встречаются на «перекрестках» Мироздания. А вот вам, читатель, другой пример.

— *«Знаете ли Вы татарскую легенду об астана в Цингалах? – задористо спрашивает меня любитель истории сибирских татар, тобольский педагог и краевед Усманов Нурулла Абдулхаевич, переступая порог моего рабочего кабинета несколько лет назад.*

— *Да, вроде, что-то приходилось писать об этом, - нерешительно отвечаю я, блуждая взглядом по книжным полкам.*

— *Знаю, знаю, читал..., но там ещё не хватает кое-что из той легенды о великане-богатыре, жившим на этой горе. Про неё мне в детстве рассказывал отец. Тогда мы жили ещё в юртах Исеневских (сиб. тат. Паргар), что за Иртышем, за Подчувашами. Там ведь, вы, наверное, слышали, тоже есть своя астана. Я, правда, уже мало, что помню из той легенды – несознательный был, понимаете...*

— *Ну, все равно, садитесь, пожалуйста, рассказывайте...*

Значит, помнят. Ещё помнят. Уже мало, но всё же помнят. Стараются вспомнить. Из каких глубин памяти она напоминает о себе, о чем-то главном? Что ж, как говаривал Словцов, «вековые воспоминания родины» ещё «носятся» над головами и в умах краеведов. Они – вспышкой ли сновидений или разума, осознанного либо бессознательного его импульса, почти одновременно соединяют их, – находящихся почти за тысячу верст друг от друга, и за тысячи лет от его источника – прообраза Микрокосма.

* * *

Любая тема или ее частный мотив, которая затрагиваются и реконструируются нами, ставят больше вопросов, нежели ответов на уже имеющиеся. Каждый шаг в восстановлении одной единственной семантической цепи открывает неисчислимые связи, уходящие в разных направлениях, влечет за собой новые сближения и параллели, дает зачин новым сюжетам. Поскольку мировоззрение, в особенности традиционное, по метафоричному выражению этнолога А.М. Сагалаева, есть «сеть, сплетенная разумом вопреки геометрии трехмерного пространства, и наброшенная на мир, объемля все его возможные смыслы и лики»⁷⁷.

⁷⁷ Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 23.

На многие вопросы, касающиеся исторического Сузгуна, ещё предстоит ответить, хотя на некоторые из них мы попытались сейчас задуматься и выйти к пониманию подходов их решения. Но на часть из них получить ответ, увы, – уже невозможно. В конце 1960-х годов городище, а в 1986-м – святилище были полностью уничтожены при строительстве железнодорожной колеи и моста через Иртыш⁷⁸.

Но главный ответ – очевиден. Самой Природой здесь был возведен её «Храм», который «достраивался» Человеком в соответствии с его духовными воззрениями, образами и ритуалами. При всём их разнообразии, параметры этого *со*-природного храма были едины. Они не выходили за рамки понимания «картины мира», сложившейся в культуре урало-алтайских народов. Доминантными символами в ней, «опорными столпами» Мироздания, творящими множество мифопоражающих обстоятельств, генерирующими мифы, сказки и сказания, определяющими строй мифологического Космоса, были гора и река – реальные объекты⁷⁹.

Эти архетипы со временем, естественно, обрастали всё новыми и более усложненными образами и сюжетами, несущими многозначную и этнически окрашенную нагрузку. Однако они неизменно составляли ведущую той или иной мифологемы нить, «вязь узелков» которой «в сети, брошенной на мир», была наиболее густа. Поэтому они всегда распознаваемы – будь то мифы и предания обских угров и самодийцев или же легенды, верования и мифы сибирских татар и южносибирских тюрков. Основное в них – утверждение глобальной идеи – а в т о х т о н н о с т и (К. Леви-Строс), или земного происхождения Человека⁸⁰.

Для нашего понимания историко-мифологической темы «Сузгун-горы» отметим ещё и следующее важное обстоятельство. Анализ наиболее близкой к ней мировоззренческой традиции южносибирских тюрков, предпринятый этнологами, свидетельствует о том, что любое укромное место: пещера, расщелина ли в скале либо ложбина между сопок, словом любой алломорф «земного лона», мог стать местом возникновения новой жизни. А там, где это когда-либо происходило, обязательно проявлялось

⁷⁸ Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск, 2008. – С. 33.

⁷⁹ Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 27-28.

⁸⁰ Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1993. – С. 193.

женское начало – лики и образы, персонифицирующие «прародительницу» и «жизнедательницу» человека – Землю, в её объектах-символах⁸¹.

Так вот, стало быть, в чём кроется понимание смысла архитектоники «сузгунского образа». Вот оказывается, где таятся глубинные истоки мифопоэтической образности Сузгун-горы, а, следовательно, и «Красавицы Сузге». Ну и, разумеется, всех тех легендарных «Девичьих городков» – *Кызлар турасы* татарских преданий – разбросанных в округе Тобольска, о которых упоминали ещё С.У. Ремезов и Г.Ф. Миллер. Да и сам Тобольск, как известно, частью простёрся на горе – горе Алафейской⁸². Впрочем, известно, что у «Горы-прародительницы» (как и у всей Природы), нет явного мужского или женского начала. Она – «предок» рода и каждого его отдельного члена.

Напомним также, что в мифологии большинства народов, «союз» Неба (чаще мужского начала) и Земли (богини-матери) – фундаментальной стихии Мироздания, или «священный брак» мифологического «верха» и «низа», олицетворенный в образах различных божеств, «закреплялся» такими явлениями-символами как дождь, «небесные воды», падение метеорита и «освещался» молниями. Связывающими и, одновременно, разделяющими их вещественными символами служили гора («мировая гора») и дерево («древо мировое»), а в шаманских мифах – река⁸³.

Так, в мифологии и ритуальной практике тюрков Южной Сибири гора была одним из самых многозначных объектов. Проанализировав хакасский фольклор, тюрколог и археолог И.Л. Кызласов, обозначил круг тем, разрабатывающих этот архетип. Среди них выделяется мотив рождения героев внутри горы. С ним неразрывно связаны разнообразные сюжеты о спрятанных и выросших в горе богатырских детях, которые отправляются на поиски и находят себе красавиц-невест. Гора служит жилищем эпическим персонажам и зачастую их могилой. Внутри горы находятся конь богатыря, его одежда, сокровища и душа⁸⁴.

⁸¹ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 21.

⁸² Краевед Н.А. Абрамов в 1862 г. писал: «Название это... произошло от арабско-татарского слова Алафга, значащего корону..., или коронный, в переносном значении – ханский, хану принадлежащий». Абрамов Н. Гора Алафейская // Тобольские Губернские Ведомости. – 1862. – № 21-22. – С. 148. Но эта этимология ошибочна, т.к. *алаф* по-арабски «тысяча», а по-персидски – «травя».

⁸³ Мифологический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1991. – С. 666-669.

⁸⁴ Кызласов И.Л. Гора-«прародительница» в фольклоре хакасов // Советская этнография. – 1982. – № 2. – С. 82-93; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество /

Не правда ли, что эти мотивы перекликаются, где-то близки, в чём-то аналогичны историческому Сузгуну, «Сузгуну» М.Знаменского и сказаний тобольских татар, так или иначе вошедшим в «Сузге» П.Ершова? Возьмём ещё раз для наглядности «Сузгун» М.С. Знаменского, строки из которого были вынесены в качестве эпиграфа к этюду: *«Много поверий сохраняется в народе об этом живописном холме. Так, говорят, что (в ночь) на пасху, здесь зажигается огонь, и с первым ударом в колокол он потухает; то показывается белая лошадь, то белая женщина. Такие народные сказания, конечно, были указанием народу искать здесь зарытый клад»*⁸⁵.

Не смотря на приметную связь этих поверий с календарной обрядностью русских крестьян, воспетой, например, в «Красной Горке» К.Д. Бальмонта:

*«Красная Горка радостей Пасхальных
Брызги веселья и влажностей живых
Светлые встречи взглядов обручальных
С Неба на Землю – в лучах идущий стих»,*

они имеют очевидную связь как с воззрениями южносибирских тюрков, так и урало-алтайских народов в целом. Эти мотивы близки и потому, что они формировались, помимо прочего, в общей тюркской этнокультурной среде, вероятно, кыпчаков-половцев, которые с конца IX по 30-е годы XIII веков расселились на обширных просторах от Алтая до Дуная, включая и Тобольское Прииртышье. Сродни и потому, что после поражения хана Кучума, отдельные группы сибирских, в том числе тобольских татар, продвинувшись далеко юго-восток, в предгорья Алтая, вошли в состав алтайцев и хакасов⁸⁶.

Но главное, что их сближает – это собственно прообраз Горы. Этот природный фактор или феномен предопределил и историко-культурный феномен урочища Сузгун. Он заключается в том, что Сузгун-гора – есть своего рода «храмовая» территория историко-мифологического и поэтического пространства Тобольского предместья, тесно связанная как с

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 22

⁸⁵ Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. IV. Сузгун // Лукич. – Тюмень, 2001. – № 2. – С. 36-37.

⁸⁶ *Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л.: Наука, 1969. – С. 60, 90; *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX вв. – Томск: ТГУ, 1981. – С. 122.

его природным, так и культурным ландшафтом. Важно только всегда помнить о том, что пространственно локализованные в нем представления, запечатленные в литературе, являются активной частью информационного слоя культурного ландшафта, имеющего своё происхождение в прошлом, но также существующего и в современности⁸⁷.

В наши дни вид Сузгунского крутояра приобрел, конечно, совсем иные очертания, нежели во времена М.С. Знаменского, П.П. Ершова и П.А.Словцова. Его «подбрюшье» подрезала «железка», в «набашье» давит «антропогенный фактор». Что тут скажешь... Вечное всегда носит следы времени. Но «бить в набат», наверное, не стоит. Пока не стоит. В целом, ситуация здесь, как и в других исторических окрестностях Тобольска, сложилась несколько лучше, чем, например, под Сургутом.

Там, на Барсовой горе, с 1971 года явившей миру истинный «клад», превзошедший по своему значению все известные в Сибири концентрации древностей, самые ранние из которых относятся к V тысячелетию до нашей эры! – с лица земли исчезли под дачи сургутян «без искры исторической памяти» в голове, сотни памятников, о которых ученые уже никогда ничего не узнают. Там археологи и краеведы уже забили тревогу⁸⁸. Но и нам, тоболякам, надо тоже задуматься над этим.

А сюда, в Сузгун, и сегодня ещё можно и нужно приходить как «во храм», дабы духовно очиститься, и на свидание с возлюбленной – за возрождением новой жизни, и за своим жизненным возрождением. И весна здесь по-прежнему девственно прекрасна, и каждый сможет встретить здесь своё «видение весны» – прообразы Мироздания. Поскольку Сузгун-гора – один из его вечных символов, знак максимальной сакральности и чистоты. Ибо так заповедано поэтикой мифа, микро- и макро-Космом, получившим свое осмысление в искусстве и литературе, формирующих ментальность отечественной культуры.

⁸⁷ Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII - начала XX веков. (Геокультурный аспект). – М.: Институт наследия, 1998. – С. 75; Веденин Ю.А. Введение // География искусства. Сб. статей. Вып. II – М.: Институт наследия, 1998. – С. 3-8.

⁸⁸ Древний город на Оби: История Сургута. – Екатеринбург: «Тезис», 1994. – С. 18-20.

Алемасовская сопка. Фото конца XIX – начала XX в.

Сузгун-гора в 8 верстах от Тобольска. Фото конца XIX – начала XX в.

Рентеря. Прямской взвоз

Этюд второй

ВОСХОЖДЕНИЕ К ТОБОЛЬСКУ

«В Тобольске... всё так тесно и близко связано с самыми значительными событиями государства Российского, всё, казалось бы, из малого и местного непременно переходит в большое и великое, что этому приходится удивляться чуть не на каждом шагу, с робостью оглядываясь на настоящее: а мы? что же мы? Чем ответим на бурные и плодотворные начала и продолжения? Ответим хотя бы проснувшейся памятью. А проснувшаяся память есть начало продолжения дела».

Валентин Распутин. «Возвращение Тобольска». 2009 г.

Когда Михаил Степанович Знаменский писал свой очерк «Сузгун» к эссе «Исторические окрестности города Тобольска» – эту полифоническую картину личного мироощущения дорогих и любимых им мест, чтобы настроить на гармонию их восприятия молодых тоболяков и сибиряков, тогда уже звучало кредо нигилистов: «Природа – не храм, а мастерская...». Спустя десятилетия, дело дошло до храмов рукотворных, затем «человек прошелся как хозяин...» по сибирскому краю и России в целом. Но, вот он вроде вновь направился в реконструируемые храмы и обители – большей частью для интереса, как кажется. Настала пора возвращаться к истокам.

Реконструкция, по сути – то же повторение, безусловно, вчерне и с неизбежными огрехами, но «того же пути, что проделала когда-то мысль, постигавшая мир и воссоздавая его в знаке» или образе и вещи⁸⁹. Вместе с тем известно, что технологическая или вещная сторона культуры и её «идеологическое» обеспечение всегда находятся в некоем расхождении, доходящим порой до антагонизма в освоении среды её бытования⁹⁰.

Выходит, что культура – «вторая природа» и её составляющие, в том числе духовно-интеллектуальная, содержит в себе как созидательные, так и разрушительные механизмы. Вероятно, самой природой они генетически заложены в человеке и обществе. Разве что, в одном активнее действует один из них, а в другом – иной⁹¹. Согласно тезе крупного социолога и

⁸⁹ Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 25.

⁹⁰ Иорданский В.Б. Хаос и гармония. – М.: Наука, 1982. – С. 301-332; Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 25-26.

⁹¹ Денисов В.В. Творческие и деструктивные механизмы культуры // Философия и культура. XVII Всемирный философский конгресс. – М.: Наука, 1987. – С. 195-216.; Семенов В.С. Личность и культура в современном мире // Философия и культура... – С. 131-145.

философа современности Рэндалла Коллинза о культурно-исторической природе человеческой психики и мышления: «Интеллектуальная жизнь – это в первую очередь конфликт и несогласие»⁹².

Конфликт вечный движитель любого процесса, тем более прогресса. Поэтому и реконструкция не менее противоречива, чем процесс созидания и сознания того и другого. Осознание, если и приходит, то наступает много позднее, когда реконструкция на проверку оказывается лишенной первоосновы, некогда заложенной в знаке, образе, вещи или в слове. Но там, где создается гармония, неизменно воссоздаются «вечные» ценности. Их не так много, особенно в Сибири, где природа определила жесткие пределы на пути прогрессивного развития общества. «Но и здесь, а может быть, именно здесь – проявилась уникальная способность человеческой мысли создавать многое из малого, восполнять действительность и обеспечивать полноценную духовную жизнь общества, развиваясь относительно независимо от экономических условий бытия»⁹³.

Такой непреходящей ценностью является и город Тобольск с его культурным ландшафтом и памятниками культуры, с природными и историческими предместьями – «музей-заповедник под открытым небом», вступать в который надобно не билетом запасаясь, «а воображением, вниманием, сосредоточенностью». Но это не означает, что «былинный Тобольск» требует воображаемое путешествие вглубь времени. «Всякий любознательный путник убедиться: можно видеть старый Тобольск как современную реальность»⁹⁴.

И «парадный вход» в мир старого Тобольска лежит как раз из-под подгорья. Он проходит вверх по «Прямскому взвозу» – географический и исторический ориентир. Пролегает далее под аркой Рентереи (известной

⁹² Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С. 45. Позиция социолога В.Н. Кузнецова от неё существенно отличается: «Интеллектуальная жизнь в XXI веке опирается на каждодневные практики, в которых есть основание для надежды на достойную жизнь каждому – надежда в поиске и осуществлении компромиссов, в реальности и конструктивности культуры партнёрства через сотрудничество, диалог, доверие, честность, ответственность». И далее: «Есть реально функционирующий и плодотворный (для всех людей и народов, исповедующих разные религии, идеологии, образы жизни) феномен – культура жизни. Его знают все». Кузнецов В. Культура партнёрства как культура жизни // Безопасность Евразии. – 2010. – №. 2. – С. 10. Здесь интересна и важна сама научная проблема «культура жизни», которая только становится предметом и объектом изучения общественных наук.

⁹³ Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 20.

⁹⁴ Баранова Л.П. Этюды о заповедном городе. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. – С. 18,19

также как «Дмитриевские ворота», «Шведские палаты») – архитектурный, функциональный, исторический и символический центр природно-рукотворной композиции, объединяющий две части Троицкого мыса и обе части крепости, служащий одновременно входом в «Верхний город» и «Вратами в Азию»⁹⁵.

Иначе говоря, «вход» в прошлое города Тобольска – есть не что иное как в о с х о ж д е н и е к нему. И этот путь начинается со стороны реки. Отсюда же распахивается панорама и историческая, и поэтическая. «Здесь то ли река протекает у подножия городских стен, то ли город вовлечен в движение реки и проплывает вдоль ее берегов... То ли кремль приютился на отвесном яру, то ли сам этот яр – дело человеческих рук... Выходит, наше удивление подготовлено тем взаимным действием природы и зодчества, где природе отводится роль не живописного фона, но активного начала. Именно она задает масштаб, меру, ритм человеческому жилью и храму, и крепости. Она и сама, если хотите, уже крепость...»⁹⁶.

Да, конечно, гора-крепость, причем «сияющая гора» (как примерил её в XVIII веке пленный шведский капитан Ф.-И. Страленберг к значению своей фамилии⁹⁷), обустроенная «второй природой», на вершине которой экологией зодчества словно вписан в камне архитектурный ансамбль Тобольского кремля: комплекс крепостных (оборонительных), дворцовых (гражданских) и культовых (церковных) сооружений XVII–XIX веков, сочетающий в себе символы светской и духовной власти. Словом, всё то, что и положено было на Руси – в Московии еще с XV века Кремлю – символу Российской державности.

А символ, как известно – есть знак, употребляемый для обозначения той или иной реальности, взятой в настоящем или историческом времени, и функционирующем в индивидуальном или общественном сознании⁹⁸. Само слово символ (*symbolon*), кстати, происходящее из Древней Греции, означало там вещественный знак для той или иной общественной группы,

⁹⁵ Баранова Л.П. Этюды о заповедном городе. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. – С. 14-19; Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества: О некоторых объективных основах «второй природы». – СПб.: Стройиздат, 1995. – С. 123-124.

⁹⁶ Баранова Л.П. Этюды о заповедном городе. – Свердловск: Урал. кн. изд-во, 1986. – С. 12.

⁹⁷ Белич И.В. Страленберг и Мессершмидт: Из истории научных открытий (Историко-биографический очерк) // Тобольск и вся Сибирь. Альманах. Кн. 10. Триста лет учреждения Сибирской губернии. – Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска»; Верона: GRAFIC, 2008. – С. 188.

⁹⁸ Лосев А.Ф. Символ // Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – Т. 3. – С. 10.

и изначально оно было связано со сферой политики⁹⁹. К теме символики Тобольского кремля в культурной политике мы ещё вернёмся.

Теперь же о том, что эта «самородная музейная среда» (Баранова) Тобольска, особенно её историческая часть в подгорье, давно нуждается в реставрации, реконструкции и ландшафтной рекультивации. Об этом мне неловко сейчас говорить. К тому же, прозвучавшая относительно недавно «Недопетая песня...» – посмертное издание известного в городе историка и краеведа Бориса Олеговича Эристов (1948–1995) – целиком посвящена этой проблеме¹⁰⁰. Это особый, сложный и деловой разговор, который не раз начинался и ведётся ныне разными специалистами на всевозможных форумах и претворяется в жизнь в ряде программ. Например, в программе «Экологический город будущего»¹⁰¹. И мы не будем заводить его здесь.

Однако, справедливости ради, отмечу, что реставрация памятников в Тобольске тоже давно ведётся. С большим трудом и малыми средствами, благо, прирастающими год от года. Со всевозможными сложностями и противоречиями, но ведётся и есть результаты. Кроме зданий Дворца наместника, Рентереи и Губернского музея на ремонте и реставрации находятся: Штабной корпус, больница «Тюремного замка», Губернская мужская гимназия, дом Корнилова, дом Фонвизина и благоустройство «Александровского сада»¹⁰². И это – лишь «только часть основательных комплексных работ по восстановлению историко-культурного наследия Тобольска» (Сибирская панорама. 19.IV.2001).

Много, как всегда, не хватает, и не будет хватать, многое ещё надо сделать и не одним реставраторам, а «всем миром» – в простонародном и социально широком значении этого словосочетания. Прежде всего, нужны изменения в законодательстве Российской Федерации в сфере культуры и по части объектов культурного наследия. Необходимы новые подходы к сохранению наследия не как отдельных памятников, а всего культурного ландшафта как объекта наследия исторического города и законодательное определение понятия «исторический город»; проведение единой политики

⁹⁹ Бочаров В.В. Власть и символ // Символы и атрибуты власти: Генезис, семантика, функции. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. – С. 16.

¹⁰⁰ Эристов Б.О. «Недопетая песня...». Очерки, статьи, воспоминания и размышления о Тобольске и тоболяках. – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2000. – 200 с.

¹⁰¹ Гринив В. «...Верю в возрождение сибирской жемчужины» // Строительный вестник Тюменской области. – 2000. – № 1 (10).

¹⁰² Речь шла о периоде рубежа тысячелетий. Сегодня большинство из этих объектов введено в эксплуатацию.

в сфере сохранения и развития его наследия¹⁰³. Конечно, без значительного финансирования мероприятий под эти задачи тоже никак не обойтись.

Между тем, на сегодняшний день, как и десять лет назад, всем ясно, что город – это «живой единый организм», а потому основная сложность заключается в том, чтобы найти «золотую середину» между сохранением и использованием культурного наследия города, тем более исторического города в его социально-экономическом развитии. Тема «Исторические города: вопросы сохранения и социально-экономического развития» как раз недавно обсуждалась на форуме «Историко-культурное наследие России», проходившем в Костроме. Он собрал представителей Совета Федерации, профильных министерств, а также региональных органов власти. По мнению выступившего на пленарном заседании замминистра Регионального развития А. Викторова, пока «маятник качается от полного сноса в угоду интересам бизнеса до превращения города в музей. Надо, наконец, понять, что мы сохраняем – отдельные памятники или городскую «жизнь». При этом в масштабе каждого индивидуального города»¹⁰⁴.

Да, Тобольск – исторический город Всероссийского значения. Хотя здесь сосредоточены историко-культурные и мемориальные, в том числе памятники – знаковые и для мировой культуры. Чего стоит всего только один Тобольский кремль, один лишь Семён Ульянович Ремезов, а Петр Петрович Ершов, а Дмитрий Иванович Менделеев? Это – дорогого и дорого стоит. Но чувство и отношение к дорогому – родному, памяtnому – формируется с детства, и без этого внутреннего «механизма» исторической памяти всякая реставрация памятников будет тщетной полумерой. Иными словами, любая реставрация, тем более реконструкция, должна опираться на культурологическую преемственность, исходящую изнутри традиции. В противном случае, мы вновь столкнемся с тем, о чём, например, пишет патриарх тобольских поэтов Н. Сухов в «Балладе о древнем Тобольске»¹⁰⁵ – как ни называй Тобольск:

*«...Жемчужиной края»,
Благодатной сибирской земли.
Но “сыны” и доселе не знают
Всей утраты святой старины».*

¹⁰³ См.: Торишин А. России нужен новый Закон о культуре // yuga.ru/news/222485/

¹⁰⁴ Малые города России... // itartass.ur.ru/analytics/malye

¹⁰⁵ Сухов Н. Баллада о древнем Тобольске // Сибирская панорама. – 2000, 2 ноября.

И всё же, думается, что главное – у нас (и в нас), тоболяков, есть, что реконструировать. И будем надеяться на то, что это – главное – останется. Пришла пора возвращаться к истокам.

Но какими путями? Как преодолеть на этом пути извечный конфликт между созиданием и разрушением, между вещной и мировоззренческой сторонами культуры в освоении и реставрации исторической и природной среды её бытования? Каким образом сочетать при этом «былинность» и бытовой комфорт дня сегодняшнего? Как сделать так, чтобы соблюсти тот оптимальный баланс здравого смысла, заданного образа и современного ритма и образа жизни, который позволил бы избежать ошибок прошлого и исключить последствия непродуманных деяний в настоящем и будущем?

Напомню, что деструктивный прецедент уже имел место, например, когда в 1966 году на Троицком мысу построили здание уже бывшего ныне общежития «Рыбного техникума». Но здание так и стоит тут как «бельмо» в историческом центре Тобольска – в настоящее время там проживают учащиеся Тобольской духовной семинарии. Хотя ещё в 2002 году на совещание архитекторов в Комитете по культуре города было принято решение разобрать эту «хрущевку». Однако она стоит?! И затем в 1972 году, когда к Тобольскому кремлю вздумалось присоседить телебашню! – кому могла прийти в голову эта абсурдная мысль (наверняка заезжему «технарю»). Благо, она не прошла – здравый смысл возобладал.

К великому сожалению, всё это повторилось вновь и там же. В 2000 году произошло непоправимое – ценнейший культурный слой той части Троицкого мыса, где исторически находился «второй острог»: частокол, воеводский двор, государева «съезжая изба», рубленая церковь во имя «Живоначальные Троицы», жилища казаков и иных «служилых людей», казенные амбары и погреба¹⁰⁶ – был уничтожен! 4-х метровый слой земли, содержащий неявленные остатки четырех вековой истории «Отца городов сибирских», многие из которых явились бы реликвиями Отечества – был попросту срыт в Иртыш!¹⁰⁷

Там, где с 1600 года начинался Тобольск собственно как «град». Там, где с 1974 года была установлена «охранная зона» города. Там, где научными сотрудниками Тобольского музея-заповедника на основании проведения археологических раскопок предполагалось исследовать и

¹⁰⁶ Кочеданов В.И. Тобольск (Как рос и строился город). – Тюмен. кн. изд-во, 1963. – С. 8-9.

¹⁰⁷ Нескоров А. Что мы теряем? // Сибирская панорама. – 2000. 25 ноября.

реконструировать раннее историческое «ядро города», о котором только и осталось, что предание, опирающееся на скудные факты летописей. Там, где во все времена, во всех культурах, религиях и морально-этических нормах находилось максимально сакральное и чистое. Там был заложен – что бы вы подумали? – железобетонный фундамент банно-прачечного комбината Тобольско-Тюменской епархии¹⁰⁸!

Воистину не ведают, что творят. Ибо первоосновой *заповедного* является древнерусский корень «вѣдь» в значение *ведать* – «знать»¹⁰⁹, а лишь потом – «заповедь». Хотя в научной литературе чаще используется определение знания, как простого классификационного понятия, реже – как подтвержденное практикой отражение действительности¹¹⁰. Но если понимание знания ограничить в жизни лишь гносеологией и богословием, то в тени останутся многие его социальные и культурологические аспекты, в частности и тот из них, на который только что было обращено внимание.

Разумеется, автор этих строк ни в коей мере не взывает к ответу, но подразумевает ответственность за решение вопросов, поставленных выше. Особенно, когда их решение предполагает компромисс и альтернативу, а не спускается «свыше». Тем более, когда вопрос «о благе» является спорным, когда люди расходятся во мнениях, какими средствами должна быть достигнута «благая цель». Тем паче, когда «благая цель» является групповой, келейной, а последствия её достижения – социально широкими.

Что касается самого этого факта, то выскажусь словами английского философа и общественного деятеля Бертрانا Рассела (1872–1970): «Одним из недостатков традиционной религии (имеется в виду христианство – И.Б.) является её индивидуализм, и этот изъян присущ также связанной с нею морали. <...> Индивидуализм представлял ценность на определенных этапах истории, но в современном мире мы нуждаемся скорее в социальной, чем в индивидуальной концепции блага»¹¹¹.

Можно соглашаться или не соглашаться с этим высказыванием выдающегося мыслителя XX века, но истина в его словах, несомненно,

¹⁰⁸ Антипенко А. Крест на прошлом Тобольска // Сибирская панорама. – 2000. 2 ноября; Софронов В. Смута в Тобольске, или О том, как Софийское подворье делили // Сибирская панорама. – 2000. 23 ноября.

¹⁰⁹ Для любознательного читателя: русское *ве́даю*, санскр. *vid*, укр. *віда́ти*, др.-русс., ст.-слав. *вѣдѣти*, словен. *védeti*, чеш. *věděti*, словц. *vedet'*, польск. *wiedzieć* – «знать».

¹¹⁰ *Философский энциклопедический словарь*. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 199.

¹¹¹ Рассел Б. Во что я верю // Бертран Рассел. Почему я не христианин. – М.: Политиздат, 1987. – С. 83.

есть. Сама логика истины в том и заключается, что её могут разделять либо нет, она не нуждается в этом. Но мы – не наше государство, – а мы сами и каждый из нас истинно нуждаемся в ней. Перефразирую нашу популярную поговорку: «На государство надейся, а сам не плошай!». Это также и проблема культуры жизни вообще и во все времена. Ибо, универсальный закон человеческого бытия гласит: *«всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит»* (Мф. 12: 25).

* * *

Наше время словно демонстрируют отмеченное выше высказывание британского философа. Начался процесс нового *восхождения* к Тобольску – как к туристическому центру Западной Сибири, где преобладает явная «социальная концепция блага»¹¹². Причём «при выборе предпочтительных направлений развития города во главу угла ставится глобальная цель высшего уровня – **повышение качества жизни людей**»¹¹³.

Вообще на пороге XXI века предстала разработка новой «Концепции Сибири». Ученым предстояло решить: *«Можно ли вообще ставить вопрос о новой концепции развития “могущества” Сибири, или исторический “поезд” уже ушел, и окружение “близкое и далекое” не позволит этого сделать?»*. И анализ глобальной ситуации позволил оценить возможности Сибири оптимистически. Ответ был однозначным: «объективные условия определяют не только возможность, но и необходимость разработки новой Концепции развития Сибири в XXI веке»¹¹⁴.

Социологи констатировали, что «лишь население такой территории, как Сибирь, может претендовать не просто на региональную идентичность, но и на особую региональную общность, которая формировалась в течение 300 лет её освоения и экономического, а также культурного развития»¹¹⁵. Мы ещё вернёмся к этому тезису «нео-областничества» позднее.

¹¹² См.: *Областная целевая программа «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска»*. – Тюмень, 2004.

¹¹³ *Концепция стратегии социально-экономического развития города Тобольска до 2020 года*. – Тобольск: Администрация г. Тобольска, 2009. – С. 3 (выделено авторами «Концепции» – И.Б.).

¹¹⁴ *Бойко В.И.* Сибирь – XXI век: Рамочная платформа разработки концепции // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и социология. – 1998. – № 1; То же: Электронный ресурс: www.philosophy.nsc.ru/journals/hums (Курсив – В.Б.).

¹¹⁵ *Сибиряки и «сибирство»* // Восточно-Сибирская правда. – № 23827 от 07 октября 2000. То же: Электронный ресурс: vsp.ru/pravda/paperpost/2000/10... См. также: *Сверкунова Н.В.* Феномен

Привлекает внимание следующая позиция: «мировое сообщество с нарастающей активностью отстаивает точку зрения, что любая территория Планеты, обладающая ресурсами, должна быть субъектом своего развития. Политическая, правовая, экономическая и гуманитарно-культурная бессубъектность не может сохраняться в XXI веке». Геополитическая ситуация включает Россию и Сибирь «в процессы поиска новой модели мироздания. Сибирь... обязана использовать этот шанс и зафиксировать свое место в сценариях мироустройства»¹¹⁶. В самом деле, если Сибирь будет оставаться исключительно сырьевым придатком некоего целого, по сути Планеты, и вестеризация региона продолжится – мы её потеряем.

В структуре концепции «могущества Сибири» в XXI веке выделяется несколько (семь) крупных направлений. И первое место занимает такое значимое из них как «Система ценностей устойчивого развития». Потому как отсутствие «Общественного идеала» неизбежно влечет за собой глубочайший кризис не только в экономике и политике, но и в культуре, духовности гражданина России. Поскольку «Общественный идеал» выражен системой ценностей, постольку «необходим поиск нового представления о ценностях, их структуры в общественных системах, их системообразующих, целенаправляющих функций» в развитии общества. Признаётся «необходимость разработки «ядра ценностей» устойчивого развития, а, следовательно, общезначимых целей и ориентиров»¹¹⁷. Однако – это пока декларация (насколько мне известно) и не более.

Но может быть, мы увидим и перспективы. Нам просто необходимо знать, что будет с этими территориями лет через 20–25. Для того мы живем, надеемся и верим. В общем: «В этом и есть наша вера Великой державы не с точки зрения её силы и величия цензуры или политической власти, а в планетарнокосмической духовности. Эта духовность дана России и потерять её мы не имеем права перед будущими поколениями»¹¹⁸.

сибиряка // Социол. исслед. – 1996. – № 8. – С. 90–94; *Бороноев А.О.* Проблема динамики сибирской идентичности // Общество • Среда • Развитие. – 2010. – № 3(16). – С. 81–85.

¹¹⁶ *Бойко В.И.* Сибирь – XXI век: Рамочная платформа разработки концепции // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и социология. – 1998. – № 1; *Его же.* Сибирь на рубеже веков: к концепции развития // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск: Наука, 1998. – С. 25–31.

¹¹⁷ *Бойко В.И.* Сибирь – XXI век: Рамочная платформа разработки концепции // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и социология. – 1998. – № 1; *Костюк В.Г.* Народы Сибири в современной геополитике // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 1; То же Электронный ресурс: philosophy.nsc.ru/journals/hums...

¹¹⁸ *Казначеев В.П.* «О будущем» // newhumanity.ru/koncept_material...

Академик В.П. Казначеев утверждает, что «Сибирь будет новым центром мировой цивилизации», где «сформируется новая философия устройства Мира и места Человека в нем». Она станет «источником величайших научных открытий и образцов культуры в XXI веке»¹¹⁹.

Но этот прогноз, а скорее – предсказание, подхваченное средствами массовой информации сибирских регионов¹²⁰, не внушает мне доверия. Не надо слепо верить даже академикам. И вообще: «Нужно рассматривать всю информацию, которую мы получаем через СМИ, как заведомую ложь, если нет специальных оснований считать иначе» (А. Штейнзальц).

Уровень индустриального и интеллектуального потенциала общества тесно взаимосвязаны – это очевидно. Одна из основных задач российского социума и, следовательно, общества российских регионов, использовать эту связь для повышения своего духовно-интеллектуального потенциала и его мобилизации для формирования общественного интереса. Развивать далее этот тезис не является предметом нашего, уважаемый читатель, разговора. А по сему – оставим его и вернемся к теме города Тобольска как туристического центра Западной Сибири.

Надо сказать, что в отличие от социально-экономического развития, в культурном отношении Тобольск в значительной мере сохранил свои позиции одного из ведущих духовных и культурных центров Сибири в XX веке. Культура Тобольска была богата своими традициями и опиралась на социокультурный потенциал, накопленный с начала основания города и со времен «стольного» прошлого в особенности. В литературе справедливо отмечается, что Тобольск значительно раньше Томска и других сибирских городов сформировался как культурный и духовный центр. В результате чего, «в то время как в Томске еще в 1852 году продолжали обращать внимание на –несочувствие к образованию и неподвижность городского населения», в Тобольске более четверти века подобное не имело места»¹²¹. Но первый Сибирский университет был открыт, тем не менее, в Томске.

Лежащее в основании исторического фундамента Тобольска «плато культур» – квинтэссенции угорского и тюркского этнокультурных начал,

¹¹⁹ Общий форум. Редакция проекта www.pk.ru/ismi/cena/html

¹²⁰ Например, см.: Из Сибири с любовью // [russia-today.ru/archive/2005/no_08/...](http://russia-today.ru/archive/2005/no_08/)

¹²¹ Алисов Д.А. Инфраструктура города Тобольска во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. – 1999. – № 2. – С.17; Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – М., 1995. – С. 67.

дополнялась и расширялась из века в век в ходе становления и развития города как европейскими и азиатскими этнокультурными компонентами, так и общероссийскими национальными традициями (включая субэтносы – казачество), оформившись в особый социокультурный тип «старожила» – «тоболяка» – «сибиряка». Этот процесс имеет продолжение и даже усиливается в современной истории Тобольска и Тюменской области, где живут представители 120 этносов (из 150 национальностей России). Среди них и коренные народности Севера, и свыше 400 тыс. мусульман¹²².

Традиционный (ортодоксальный, коранический) ислам здесь всегда был и остается существенным конфессиональным явлением, оказывающим заметное влияние на национальные традиции (являясь их неотъемлемой частью) этнических мусульман, прежде всего сибирских татар. Интересно отметить, что мусульманские традиции (впрочем, как и православные) оказались тут более живучими, чем прочая религиозная обрядность¹²³.

Формирование социокультурной среды города происходило также под непосредственным влиянием важнейших тенденций в философской, религиозной и общественно-политической общероссийской и европейской мысли Нового времени. Это вскрывает феномен тобольской политической ссылки в преломлении идей эпох Просвещения и Романтизма, как и судеб русской интеллигенции вообще в истории Тобольска и Сибири. Будучи городом ссыльных, Тобольск стал культурно-просветительским центром, так как большинство ссыльных – высокообразованные люди (протопоп Аввакум, Ю. Крижанич, А. Радищев, декабристы, П. Грабовский и др.)¹²⁴.

Урбанизация и индустриализация Сибири вызвали громадный рост культурных потребностей городского населения и изменение социально-культурного вида исторической столицы Сибири. Но Тобольск сохранил удивительно прекрасный архитектурно-художественный облик, благодаря

¹²² См.: *Дмитриева Л.В.* Культурная антропология Сибири и Тобольска конца XVI – начала XVIII веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 5 (10): Общественные и гуманитарные науки (философия): Научный журнал. – СПб., 2005. – С. 299-308; *Тюменская область: народы, языки, культуры.* – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2007. – 410 с.

¹²³ Подробнее см.: *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: Изд. дом Марджани, 2009. – 216 с.; *Клюева В.П.* Жизнь в атеистическом государстве: мусульманские общины Тюменской области (1940–1960-е гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 10. – Тюмень, 2009. – С. 117-121.

¹²⁴ *Дмитриева Л.В.* Город Тобольск в истории культуры России: Дис. ... канд. культурол. наук. – СПб., 2001. – 244 с. О многих выдающихся личностях России, оставивших след в истории Тобольска, см.: *Тобольский биографический словарь.* – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2004. – 576 с.

которому вошел в «золотой фонд» градостроительного искусства России. Он сохраняет своё очарование, несмотря на видоизменившийся характер и масштаб застройки новой, да и старой части города. «Тобольск сохраняет при всей сложности градостроительной ситуации, несмотря на потерю ценных для исторического контекста города сооружений, своё лицо, своеобразный и неповторимый облик русского города, - пишет московский архитектор В.Н. Белоусов, - По Тобольску приятно пройти, посмотреть его достопримечательности, полюбоваться полноводным Иртышем»¹²⁵.

На исходе XX столетия культурное место-значение Тобольска вновь оказалось востребовано и в большей степени, чем промышленное. Поиски исторических и духовных констант русской национальной самобытности заставили обратить взоры общества на бывшую столицу Сибири. Первой была Русская православная церковь. В 1989 году в городе вновь открыта единственная в Западной Сибири духовная семинария, в 1990 году была образована Тобольско-Тюменская Епархия. В 1994 году Тобольск посетил Святейший Патриарх Алексий II. Решением Святейшего Синода Тобольск был провозглашён одним из трёх главных духовных центров России – это звание принадлежит ему исторически и по праву.

За РПЦ последовали и мусульмане Сибири. В 1997 году в Тобольске состоялась конференция исламских лидеров сибирских регионов. На этом историческом Курултае была учреждена Централизованная религиозная организация – Духовное управление мусульман Азиатской части России (ДУМ АЧР), куда вошли религиозные общины мусульман Урала, Сибири и Дальнего Востока, вплоть до Камчатки и Сахалина¹²⁶.

Материальным олицетворением богатого исторического прошлого Тобольска служили более 300 памятников истории и культуры, в том числе 16 соборных, монастырских и приходских храмов. Важнейший среди них – Тобольский кремль, на территории которого стоит Софийско-Успенский собор, являющийся первым храмом Сибири в камне. Этот разнообразный и редкий по ценности историко-архитектурный потенциал, давно привлекал внимание российских и зарубежных туристов и духовных паломников. Тобольск может и должен стать туристической «меккой» Сибири и России,

¹²⁵ Белоусов В.Н. Город, в котором отдыхает душа // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 461-462.

¹²⁶ Духовное управление мусульман Азиатской части России // oneislam.ru/?cat=23

и центром паломничества, учитывая наличие здесь центра православной и мусульманской конфессий, святынь и святых мест.

Тут надо напомнить, что в определенном смысле таковым Тобольск и был в свое время. «Былая столица Сибири, овеянная преданиями русской старины, Тобольск с его белокаменным Кремлем, с чудесной каменной вязью архитектурного узорочья соборов, с его замечательным архивом... представляет собой подлинную жемчужину культуры Сибири»¹²⁷, – писал академик А.П. Окладников в 1968 году, когда Тобольск был включен во Всесоюзный туристический маршрут. С тех пор сюда и приезжали самые разные гости из различных уголков страны и земли – не менее 200 тысяч ежегодно при численности населения города – менее 100 тысяч человек.

Но СССР – не стало, не стало и целенаправленно организованных туристических потоков, почти замерло централизованное финансирование на цели сохранения и развития объектов наследия. В результате чего число памятников истории и культуры сократилось с 300 – в начале 1990-х годов до 204 – в 2010 году¹²⁸. Мы стали жить в другой стране – 20 лет как живем, но долго не осознавали, что другая страна – уже реальность. От прошлого многим хотелось отвернуться, но к нему нельзя становиться спиной, как и к Стене плача – оно всегда настигнет, плакать будет поздно.

Но уже в 1992 году под началом Министерства культуры Российской Федерации был образован Институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, в основание деятельности которого легло положение о фундаментальной роли наследия в сохранении культурного и природного разнообразия страны и в её устойчивом развитии. Институт начал работы в исторических городах, в том числе Сибири. Постановление правительства РФ по Тобольску было вовремя¹²⁹. И череда научно-исследовательских работ Института по возрождению наследия дошла до Тобольска. В итоге были разработаны «Концептуальные положения Программы комплексного социально-культурного развития исторического г. Тобольска»¹³⁰.

¹²⁷ «Ах, этот Кремль!» // tobolsk.net/2010/03/120-lax-etot-kr...

¹²⁸ См.: *Перечень объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также выявленных объектов культурного наследия, расположенных в городе Тобольске*. – Тобольск: Комитет по культуре, 2010. – 10 с.

¹²⁹ Постановление Правительства РФ (от 13.10.1997. №1307) «О первоочередных мероприятиях по сохранению историко-архитектурного наследия, экологическому оздоровлению и комплексному социально-культурному развитию г. Тобольска Тюменской области».

¹³⁰ Здесь и далее см.: *Исторический город как историко-культурная территория*.

Концептуальные положения Программы комплексного социально-культурного развития

В этой «Программе» отмечается, что город обладает уникальной насыщенностью объектами наследия, «что ставит Тобольск на одно из первых мест по богатству памятниками среди исторических городов России». Но ситуация со многими из них признавалась «плачевной»: в исторической части Нижнего города «идет подтопление территории, часть заброшенных деревянных памятников страдает от пожаров». За 1993–2003 «в городе было утрачено несколько десятков памятников». Намеченные ранее постановлениями и решениями меры по воскрешению памятников «не были полностью реализованы». Оказалось, что «от общей стоимости заложенных реставрационных работ выполнено менее 30%»!

«Программа» предусмотрела: «Развернутую систему мероприятий по сохранению памятников истории и культуры Тобольска» и поэтапный подход к осуществлению реставрационных и восстановительных работ; «дальнейшую работу по выявлению памятников истории и культуры» с их научным обследованием и особенно «изучение археологического наследия Тобольска, исследованного крайне недостаточно». Пристальное внимание отводилось «проблеме использования памятников истории и культуры» и ставилась задача разработки «общей стратегии приватизации памятников местного значения в Тобольске».

Отмечу только разделы «Программы», демонстрирующие основные концептуальные подходы современной культурной политики к наследию города: «Исторический город Тобольск как целостный объект наследия»; «Тобольск – культурно-гуманитарный центр Тюменского нефтегазового и производственного региона»; «Тобольск – религиозная столица Сибири»; «Тобольск – центр традиционных промыслов и современной культурной жизни»; «Тобольск – сосредоточение национальных культур»; «Тобольск – историческая столица Сибири»; «Туристический потенциал Тобольска»; «Комплекс историко-культурного наследия как особая отрасль экономики города»; «Правовой статус Тобольска как исторического города»¹³¹.

Прочитав также сотрудников Института Наследия, работавших в городе в начале 2000-х годов, потому что ещё тогда они предвосхитили грядущее, и эти слова становятся вещими: «Тобольск по праву можно

исторического г. Тобольска на долгосрочную перспективу // Ориентиры культурной политики. Информац. вып. № 7. – М.: Институт Наследия, 2003. – С. 40-53.

¹³¹ *Исторический город* как историко-культурная территория. Концептуальные положения Программы комплексного социально-культурного развития исторического г. Тобольска на долгосрочную перспективу. – С. 42-52.

назвать одним из лучших туристических объектов Сибири и России в целом. Красота города и его окружения, богатство и разнообразие его памятников, уникальность ряда объектов и культурных явлений – все это создает необходимые предпосылки для превращения Тобольска во всемирно известный туристический центр»¹³².

«Концептуальные положения Программы комплексного социально-культурного развития исторического города Тобольска» так и остались бы, наверное, на бумаге и положены «в стол». Если бы в 2003 году в Тобольске не побывал глава государства В.В. Путин. Говоря о своих впечатлениях, он сказал: *«Я удивлен и поражен Тобольском! Такую красоту мы обязаны беречь! Совершенно неожиданно для себя я открыл город Тобольск»*. В беседе с тогдашним губернатором Тюменской области С.С. Соболевым В.В. Путин высказал убеждение в том, что Тобольск *«при определенном внимании со стороны городских и региональных властей может стать одной из культурных доминант Сибири»*¹³³.

Вскоре после этого во исполнение поручений Президента России (№ Пр-516 от 26.03.2003) и правительства Российской Федерации (№ МК-П12-03518 от 29.03.2004) была составлена областная целевая программа «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска», утвержденная постановлением Администрации Тюменской области (№ 165-пк от 6.12.2004)¹³⁴. Через год она было дополнена в аспекте сохранения и развития этнокультурного наследия сибирских татар¹³⁵. Затем это «Дополнение», которое получило позитивную оценку замдиректора Института Наследия П.М. Шульгина¹³⁶ использовалось при разработке Абалакского проекта и стратегии развития туризма в этом Тобольском предместье¹³⁷.

¹³² Основные направления и пути развития туризма в целях сохранения и более эффективного использования объектов культурного наследия // Культурное наследие и туризм. – М.: Институт Наследия, 2005. – С. 83.

¹³³ Живая история. Журнал «Наследие» июль 2006 года // gubernator.admtymen.ru/governor_to...

¹³⁴ Областная целевая программа «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска». – Тюмень: Департамент стратегического развития, 2004.

¹³⁵ Белич И.В. и др. Дополнение к областной целевой программе «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска». – Тобольск: Администрация г. Тобольска, 2005. – 60 с.

¹³⁶ Шульгин П.М. Рецензия на работу И.В. Белича «Дополнение к областной целевой программе —Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска». Тобольск, 2005». – М.: Институт Наследия, 2005. – 6 л.

¹³⁷ Отчет о научно-исследовательской работе по проектированию заказника «Абалакский природно-исторический комплекс». – М.: Институт Наследия, 2005. – 160 с.; Стратегия

В 2005 году на реализацию целевой программы, включая ремонтно-реставрационные работы в Тобольске, была выделена невообразимая ещё несколько лет назад сумма – 7 млрд. рублей. На проведение мероприятий по сохранению объектов культурного наследия из областного бюджета выделено 669,7 млн. рублей, из них на объекты федерального значения – 441,5 млн. рублей или 66% от общего объёма финансирования. Городу предстояло стать крупным туристическим центром. Согласно прогнозам, к 2020 году поток туристов возрастет до 678 тысяч человек, что в 4 раза выше уровня 2007 года¹³⁸.

За минувшие годы в Тобольске были проведены масштабные работы по благоустройству города, ремонту, реконструкции и реставрации ряда наиболее ценных памятников истории и культуры – особенно в Кремле; строительству новых объектов – скажем, введен туристско-рекреационный комплекс «Абалак». Тобольск быстро преобразается. Исчезают с главных улиц обветшавшие дома, их место занимают заборы новостроек, гладкие копии резных особняков или вычурные новоделы. Упрочены разрушаемые эрозией склоны Троицкого мыса, вырублены заросли Прямого взвоза, а подъем по нему к Красной площади ведёт по обновленной лестнице и по новому вымощенному булыжнику. Убрали стадион при Красной площади, превратив его в просторную площадь с фонтаном, где я с семьёй в числе прочих тоболяков с удовольствием слушали выступление «Песняров» год назад, а нынче – Филиппа Киркорова. Идет формирование туристской инфраструктуры города. Благодаря активной совместной работе городских и областных властей, а также поддержке заинтересованных министерств и ведомств Тобольск постепенно, но уверенно становится центром туризма в Западной Сибири, известном также и в мировом туристском сообществе.

Многие эти примечательные преобразования отметил в свой второй приезд в Тобольск в марте 2008 года Президент Российской Федерации Д.А. Медведев. В первый свой визит, состоявшийся в марте 2003 года, он в качестве главы президентской администрации сопровождал В.В. Путина. Тогдашний президент страны и дал указание отреставрировать Тобольский

развития туризма на территории архитектурно-ландшафтного заказника «Абалакский природно-исторический комплекс». – Тюмень: Департамент стратегического развития, 2006. – 105 с.

¹³⁸ Концепция стратегии социально-экономического развития города Тобольска до 2020 года. – Тобольск: Администрация г. Тобольска, 2009. – С. 17.

кремль. Спустя пять лет уже в качестве Президента России Д.А. Медведев «проинспектировал» Тобольский кремль и был удовлетворен его видом¹³⁹.

На Всероссийском форуме «Реализация государственной политики в области культурно-познавательного туризма в России», проходившем в 2010 году в Тобольске, руководитель Федерального агентства по туризму А.И. Ярочкин в своём выступлении на пленарном заседании в частности произнес: «Сегодня мы можем доложить, что поручение Президента выполнено. Проведение Всероссийской конференции в городе Тобольске, активность, проявленная в ходе её подготовке местными властями, стала ярким подтверждением этому»¹⁴⁰.

Свидетельством тому является также проведение в городе фестиваля «Музыкальное лето в Тобольском кремле», ставшим ежегодным. В 2006 году в естественных декорациях Софийского двора Кремля с большим успехом прошла опера «Борис Годунов» в постановке московского театра «Новая опера». В июле 2007 года здесь состоялся концерт звезды мировой величины Дмитрия Хворостовского, на следующий год сибиряки внимали талантливому солисту Мариинского театра. В связи с экономическими сложностями в 2009 и в 2010 годах фестиваль не проводился. В июле 2011 года под открытым небом Тобольского кремля прозвучала фантазия по опере М.И. Глинки и поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» и вновь в исполнении «Новой Оперы». Лучшие певцы, высокопрофессиональные хор и оркестр в составе труппы всего театра представили грандиозное зрелище слушателям фестиваля, составивших более двух с половиной тысяч тоболяков и гостей города со всей страны.

* * *

На этой пафосной ноте можно было бы закончить этот этюд, но мне хотелось выяснить мнение горожан обо всём этом. А как это сделать: пойти с диктофоном «в народ» – нелепо и субъективно. И тут осенило: а не пролистать ли мне историко-познавательный журнал «Град Тобольск» (издается с 2006 г.), может, там я и найду интересующее меня мнение тоболяков. Полистал и нашел. Кроме публикаций об успешной реализации

¹³⁹ Визит Президента Медведева в Тобольск // vtobolsk.ru/medvedev-tobolsk.sh...

¹⁴⁰ Ярочкин А.И. Реализация государственной политики в области культурно-познавательного туризма в России // IV Всероссийская конференция «Реализация государственной политики в области культурно-познавательного туризма в России». – М.; Тобольск, 2010. – С. 6.

программы «Тобольск туристический», главным образом написанных журналистами, имеются и проблемные статьи. Суждения, высказанные в них людьми, имеющими в основном отношение к сохранению и развитию историко-культурного наследия Тобольска, явились острыми раздумьями. Ниже я изложу эти размышления и местами дополню их.

Так, Г.А. Кондакова, отмечая неблагополучное состояние отдельных объектов наследия, обращает внимание на постройку 3-этажных домов на одной из самых старых улиц нижнего посада – имени Розы Люксембург (в прошлом – Богоявленская) «Но это абсолютно чуждая нам архитектура! - восклицает она, - напоминающая мне дома в Амстердаме». Для сравнения предлагает взглянуть на здание бывшей мужской гимназии (1892 г.), где ныне размещен корпус социально-педагогической академии: «Дворец! Мог бы вписаться в любой столичный город». И задается вопросом: «А как же историческая достоверность в заповедном городе?»¹⁴¹. Совершенно никой – отвечу я. И добавлю: текущая здесь речка Курдюмка из полноводной реки с некогда росшей по её берегам плакучей ивой, куда до 1950-х годов заходили баржи, превратилась в обложенный бетонными плитами канал, нет, не похожий на – амстердамский, а скорее в аридной зоне.

На одноименном этой улице переулке сегодня из старых знаний остался только жилой дом № 5А (бывшая богадельня). На государственной охране он состоит с 1988 года. До начатой в 2006 году новой застройки этого участка исторической территории в нём ещё жили. При возведении здесь элитного жилья этот архитектурный памятник XVIII века оказался на задворках. Дом стоит без крыши и дверей. «Его ни в коем случае нельзя потерять! Он единственный свидетель того, что на этой территории стояла раньше Богоявленская церковь (1691), - пишет Г.А. Кондакова, предлагая и креативные варианты его использования.

«Почему при проектировании нового квартала не было уделено надлежащего внимания памятнику древнерусской архитектуры, стоящему здесь с середины XVIII века? Сегодня он по милости проектировщиков и строителей находится в руинном состоянии. И почему никто не несет ответственность за насильственную гибель памятника? Стоит ли впредь доверять этой проектной организации, которая спокойно выбрасывает на –евалку истории» уникальные сибирские дома XVIII века, благополучно

¹⁴¹ Здесь и далее: Кондакова Г. Куда уходят домовые // Град Тобольск. – 2010. – № 2 (39).

дожившие до наших дней?», – задает ряд взаимосвязанных вопросов автор статьи, адресуя их абстрактным лицам.

Но застройщик известен – одна из заметок журнала так и называется: ««Квартирный вопрос» в Тобольске решают тюменцы». В ней сказано, что в 2006 году началась застройка исторической части города. ««Молодежные кварталы» (а в реальности элитное жильё – *И.Б.*) сегодня привлекают к себе внимание *продуманностью дизайна, удачно вписывающегося в облик нижнего посада...*». Тот самый объект, о котором пишет Г.А. Кондакова, «молодежный квартал № 3 – результат совместной деятельности инвестора – ОАО «Тюменьэнергобанк», застройщика – ООО «Аметист» и подрядчика – ООО «ЖК Тюменьгазмеханизация»»¹⁴². Видно и проектная организация из Тюмени. Вот к кому следует адресовать вопросы. Но, если тюменским и иным иногородним ООО нет никакого дела до застройки в историческом Тобольске, то отвечать за содеянное ими должны будут власти Тобольска. Должны, но будут ли? – чиновники у нас ответственности не несут.

«Под самой горой, на месте покосившейся деревянной застройки, на территориях, относящихся к разрушенной церкви, невиданными темпами стали возводиться бетонные таун-хаусы... типовых трехэтажных строений, слегка стилизованных под голландскую архитектуру. Так возник в старом Тобольске целый квартал элитного жилья. Речку Слесарку... загнали в бетонный лоток. Извека растущие по её краям раскидистые ивы были спилены, вокруг все было «облагорожено» английским газоном... Что ж, специалисты «Омскводпроекта» создали весьма качественный и надежный проект, пригодный для любого поселка «новорусского» типа. А причем тут старый Тобольск, который из-за семи его живописных речек именовали не иначе как Сибирской Венецией? – пишет о том же Андрей Фефелов. Итак, превратив в арык одну из старинных речек, вломившись с элитным кварталом в заповедные исторические зоны, городские власти представили свою декларацию о намерениях» – превратить Нижний посад «в одну сплошную сибирскую «Рублевку»»¹⁴³.

В исторической подгорной части Тобольска сегодня делается много. «Хочется, чтобы с умом. Как там, в клятве Гиппократы: лечи по принципу «не навреди». А ведь новая застройка под горой – это и есть лечение старого города, – мыслит в сравнении председатель фонда «Возрождение

¹⁴² Град Тобольск. – № 8, август 2007 (курсив мой – *И.Б.*).

¹⁴³ Фефелов А. Драма старого Тобольска // zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/...

Тобольска А.Г. Елфимов, - Только вместо врача – архитектор – умный, высокопрофессиональный. К сожалению, в России упразднена служба главных архитекторов. А нужно, чтобы над каждым городом со стороны ведущего художника осуществлялся жесткий контроль!»¹⁴⁴.

«Застройка здесь должна вестись особенно осторожно, а дома будут повышать свои этажи только по мере удаления от Троицкого мыса, чтобы не закрыть лучи главных улиц города, которые сходятся к кремлю», - так объяснял главный архитектор Тобольска Б.А. Ферштатер корреспонденту журнала «Вокруг Света» Л. Мешковой подходы к застройке города в 1986 году. «Должен быть сохранен неповторимый силуэт города – с перепадами рельефа, с доминантой кремля, с планировкой улиц, заложенной еще екатерининским планом 1784 г., с природой, наконец, вольно шагнувшей в город. Мы дорожим традициями сибирского градостроительства...». И добавил: «Правда, мы сейчас научились проектировать в пространстве, но не во времени»¹⁴⁵. Нынче видно и с проектированием в пространстве также проблемы немалые и вообще некая ландшафтная невменяемость проектов.

К слову о «вольно шагнувшей в город» природе, а вернее – о тех её заповедных уголках, что невольно гибнут при его «благоустройстве». Всем тоболякам известна Кедровая роща Журавских в верхнем посаде. Отсюда сегодня ведёт главный туристический маршрут к Кремлю. Говорят, более 100 кедров, как-то посаженных ссыльным поляком Журавским, царственно украшали её зелёное убранство. Даже в годы войны и после вся завальная улица заботилась о роще. «Здесь всегда было уютно, чисто, прохладно и светло. В изобилии росли белые грибы. Ежегодно собирали урожай орехов. Разрешалось косить траву, благо её росло тогда в изобилии»¹⁴⁶. В 1968-ом лесной массив получил статус Ботанического памятника природы. На 01.01.1999 года он ещё был таковым¹⁴⁷. Но по подсчетам специалистов кедров оставалось 38. Года полтора назад территорию «облагородили»: обложили кедры тротуарной плиткой, при этом сняв слой дерна¹⁴⁸.

¹⁴⁴ «Родина-ты-опорой-судьбы-и-души-на-добро» // <http://www.tumentoday.ru/2011/06/17/>

¹⁴⁵ Мешкова Л. «Против устья Тоболу...» // Вокруг Света. – 1986. – № 5 (2547).

¹⁴⁶ Форум «Тобольск-Информ» • Улицы Тобольска // forum.tobolsk.info/viewtopic.php?p=...

¹⁴⁷ Кедровая роща Журавских Тюменская обл. // outdoors.ru/russiaoutdoors/show_obj...

¹⁴⁸ Между тем согласно «Генеральному плану городского округа Тобольска», разработанному Институтом Урбанистики из Санкт-Петербурга в 2004 г. и скорректированного в 2006 г., этот участок отмечен как «памятник природы», со всеми вытекающими отсюда требованиями его сохранения и использования. См.: Генеральный план городского округа г. Тобольск // admtobolsk.ru/tob_grad/gen_plan...

Но ведь здравому ясно, что так делать никак нельзя – деревья погибнут. На днях еду мимо рощи и вижу – пять кедров высохли, шестой – досыхает! Кто ответит за это? – смотри выше.

Г.А. Кондакову удручает также, что давно нет главного архитектора, который отстаивал бы интересы исторического Тобольска. Есть только должность, лишь функция. Отсутствует и должная инспекция по охране памятников, которая находится в ведении областного комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия. Последние годы этот комитет наделен большими полномочиями, но, увы. «Ничего толком не охраняется, - по её мнению, - а если и восстанавливается, то с большими погрешностями. После такой реставрации ни один памятник уже не имеет первоначального вида».

Не надо быть знатоком – приводимые автором статьи образцы такой «реставрации» известны и бросаются в глаза всем тоболякам. Например, «позолотили центральный купол Софийско-Успенского собора. Такого никогда не было в истории Тобольска. <...> Старая мужская гимназия (ул. Р. Люксембург, 14) осталась без колонн и балкона на центральном фасаде. Вход в одноэтажный дом купцов Корниловых (Дом культуры «Ветеран») был со стороны улицы Семакова... Сегодня центральный вход в здание сделан на месте прежнего балкона. Вспомните картину Карла Брюллова «Всадница» 1832 года. Там девочка стоит на таком же балконе и смотрит на гарцующую на лошади женщину. Вот и в Тобольске был такой дом».

И подобных примеров, когда при такой вот «реставрации» памятник архитектуры, по сути, перестает быть памятником, в Тобольске довольно много. А как обстоит дело с охраной памятников на самом деле? Здесь выясняется, что долгие годы сохранение своих памятников город доверяет тоже областным специалистам, полагаясь на их компетентность. Трудно, конечно, даже предположить, что в Тобольске таковых не нет. Но дело не в специалисте своего дела, а в вертикали власти, её структурирующую и монополизирующую в реставрации и охране памятников культуры. В чём тут суть дела? – в деньгах и немалых. Там, где «крутятся» большие деньги, расходы бюджета на эти цели превращаются в доходы тех, кто ими распоряжается. А кому охота делиться доходом...

Так как же у нас дела с охраной недвижимых памятников культуры. По мнению Г. Кондаковой, из рук вон плохо: «года через два в подгорной части погибнет последний старый дом – разберут. Люди ломают каменные

стены снаружи и изнутри». Так как прежде в строительстве использовался известковый раствор, «выбирают кирпич, как семечки из подсолнуха. Так ~~у~~ходят» дома по Базарной площади, 5; Семакова, 8; Мира, 18; Подшлюзы, 2... Цена кирпича – 3 рубля за штуку. Здания бесхозные. Остаются руины. <...> По подгорной части, будто смерч прошел. Улицы Мира, Хохрякова, Декабристов – тому подтверждение. Из домов давно ушли люди...».

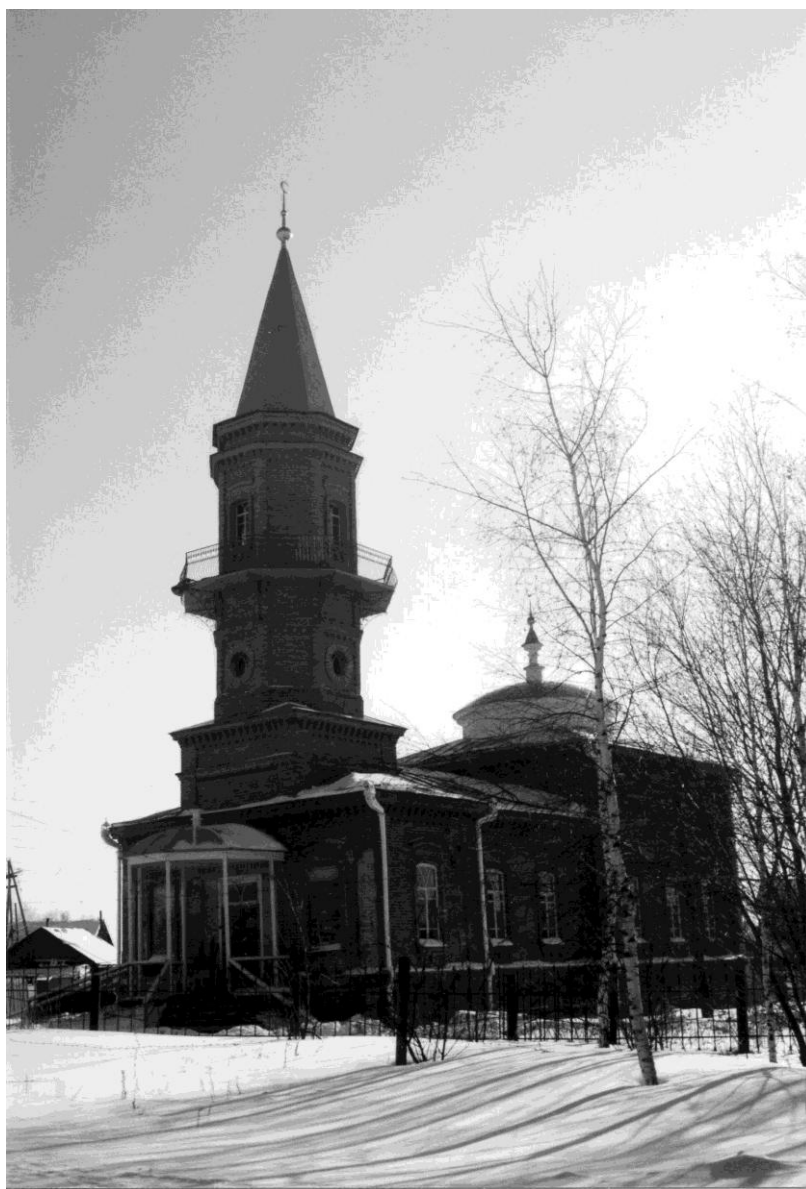
И это на самом деле так. Я сам, когда по каким-либо делам езжу под гору, то из года в год наблюдаю такую разруху. «Вот, чёрт возьми, и тут стену разобрали! Ах, и тут дом сгорел! – чертыхаюсь, - Куда же смотрит комитет по охране и использованию объектов наследия?!». Так за 225 верст от Тобольска разве устроишь, разве сохранишь. Так и гибнет это наследие исторического Тобольска без присмотра. «Город, именуемый в путеводителях ~~ж~~емчужиной», ~~г~~ородом-сказкой», сегодня не имеет даже собственной инспекции по охране памятников. Тюменские дяди и тети наблюдают за происходящим в Тобольске из своего «прекрасного далёка», - процитирую и тут А. Фефелова¹⁴⁹.

«Туристы, если приедут, не будут ходить только по верхнему городу, - справедливо продолжает далее краевед и защитник наследия Тобольска Г.А. Кондакова, - Они спустятся под гору, и здесь им откроется истинный старый Тобольск. Безлюдный, сгоревший, в разрушенном состоянии. Дворцового вида постройки обшарпаны, утопают в зловонном болоте. Одно – видеть исторический посад с высоты птичьего полета, другое – вблизи. Это два разных мира. Один сказочный, другой реальный».

Два различных мира мы наблюдаем и в деле сохранения памятников истории и культуры: один – реальность историко-культурного наследия, другой – пользующийся, а зачастую и паразитирующий на нём. Скажите, мол, наговариваю. Да я сам знать не ведал и не к чему мне это. Пока однажды, проходя мимо одного «зашторенного» лет 5 как строительными лесами памятника архитектуры, не обратил внимания на обновление этого «декора». Подойдя к группе работяг, спросил: «Зачем леса то меняете, реставрация будет?». Сама наивность. «Да нет, - ответил один из них, видимо бригадир, - начальству надо срочно ~~б~~абки» срубить». Оказалось, что таким способом «осваиваются» средства, выделенные на реставрацию объекта. На деле – никакой реставрации, сами понимаете, а лишь ширма, за которой живут те, кто живёт за счёт этого.

¹⁴⁹ Фефелов А. Драма старого Тобольска // zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/...

Г. Кондакова заканчивает эту статью словами: «Охрану памятников город должен взять в свои руки». Я бы поставил в конце предложения три восклицательных знака, сделав его лозунгом тоболяков. «Что происходит с нами, нашей совестью, – это предательство самих себя», – пишет она в другой статье, в которой говорит о некоторых памятниках архитектуры на улице Пушкина в Нижнем городе¹⁵⁰. В частности, о доме № 38, где жил Тохтасын-хаджи Айтмухаметов до 1917 года.

Тобольская Соборная мечеть. Фото В. Сухарева, 2000 г.

Это тот меценат, на средства которого в 1890 году в городе была построена каменная Соборная мечеть. Это тот самый «почетный бухарец», кто в 1891 году в бытность Цесаревича Николая в Тобольске подносил ему

¹⁵⁰ Кондакова Г. Улица Пушкина // Град Тобольск. – 2010. – № 3 (40).

«хлеб-соль на обыкновенном фаянсовом блюде»¹⁵¹. С 1990 года дом состоит на государственной охране (ныне там расположен филиал детской библиотеки), был внесен в каталог «Архитектурное наследие Тюменской области» (Тюмень, 2008). Но «сейчас он находится под угрозой сноса. Стоит ли говорить, что утрата таких домов – невосполнимая потеря для будущих поколений?!». Разумеется, нет – отвечу я и любой тоболяк.

Однако, эта «Заабрамовская» часть города – в прошлом «Татарская ~ Бухарская слобода» – «самая благополучная, - констатирует автор статьи, - В этом большая заслуга Совета общественности микрорайона и огромная воспитательная роль Средней общеобразовательной школы № 15. Сегодня улица Пушкина переживает второе рождение. В дома пришел природный газ. Здесь стали строить свое жилье молодые семьи». Значит, можно жить, как и развивать Тобольское подгорье. «А это значит, что в нижний город возвращается жизнь, - подытоживает эту статью Г. Кондакова,- Молодежь принялась обживать и обустраивать земли своих предков. Люди пришли сюда надолго. Навсегда»¹⁵².

Эта часть нижнего посада Тобольска, кстати, получила название от Абрамовского моста через речку Монастырку (ныне – Абрамка). Бытует версия, быть может не столь далёкая от истины, что мост был сооружен крестником Петра I и прадедом А.С. Пушкина Абрамом Петровым (Абрам Петрович Ганнибал), который дважды бывал в Тобольске. Первый раз «инженер гвардии поручик Авраам Петров» пробыл здесь недолго – с 30 июля до 3 августа 1727 года по пути на китайскую границу «для досмотру» состояния крепостей. Во второй раз – в 1730 году он провёл тут несколько месяцев. И за это время тогда уже «майор Петров, человек деятельный и, конечно, стремившийся упрочить свою репутацию инженера с парижским образованием, мог не только проверить состояние тобольских укреплений и коммуникаций, но и построить что-то, может, и мост через Монастырку. И этот мост вполне мог неофициально получить название «Абрамовского», в честь своего строителя», - предполагает географ А. Беликов¹⁵³.

Здесь мало что изменилось за последние сто лет. «Заабрамка – это не что иное, как татарская слобода. Современная, а не историческая! Кажется,

¹⁵¹ См.: Путешествие наследника Цесаревича Николая II на Восток в 1890–1891 годы. – СПб, 1897.

¹⁵² Кондакова Г. Улица Пушкина // Град Тобольск. – 2010. – № 3 (40).

¹⁵³ Беликов А. Абрамовский мост через речку Монастырку // Тобольская правда. – № 194 (16632), 19.12.2002. См.: Абрам Ганнибал – «Арап Петра Великого»/offtop.ru/castles/v13_270062

такого нет уже ни в одном городе России – существование настоящей слободы! А ведь в XVI–XVII веках почти все крупные города были конгломератами слобод. В общем-то, за Абрамкой кончается посад – это уже пригород по классификации того времени... Но Заабрамка интересна и как полноценная слобода», - читаем сегодня в Интернете¹⁵⁴.

Мало кто знает, но проекты или скорее намерения по регенерации исторической Подгорной части Тобольска были. Так, в 2004 году в рамках Международного семинара «Арх-десант», организованного Московским центром современной архитектуры и администрацией Тюменской области при содействии Фонда Форда, в Тобольске работала команда молодых архитекторов из России, Голландии, Франции и США. Они знакомились с градостроительными проблемами города и искали нестандартные пути их решения. Было подготовлено восемь архитектурно-проектных решений по созданию нового облика Тобольска, на их взгляд, способных улучшить комфортность проживания для горожан и повысить привлекательность города для туристов. Среди них выполнен и проект градостроительной ревитализации подгорья под девизом «Тобольский Парк» (архитекторы – А. Левчук и Н. Токарев)¹⁵⁵

«Кому-то всё это может не понравиться, но заметьте: архитекторы из Москвы и Питера предложили целостную концепцию развития старого Тобольска. К сожалению, у властей – городских, областных, федеральных – какой-либо концепции на сей счет не было и нет», - написал в этой связи А. Фефелов в 2009 году. К тому же присовокуплю от себя, что креативные намерения против намерений коррупционных... И дом в подгорье, где жил известный тобольский художник М.С. Знаменский (1833–1892) – на что указывала мемориальная табличка, в 2010 году разломали! – «очистив» территорию видимо под очередной магазин тобольского коммерсанта.

И все-таки ныне «приоритетным направлением градостроительного развития Тобольска является регенерация исторической Подгорной части города». Основные цели её возрождения *как бы* определены: «воссоздание исторической градостроительной среды в максимально возможном объеме, включая регенерацию исторической планировочной структуры, отдельных объемов (? – И.Б.) культурного наследия, а также системы исторических

¹⁵⁴ Тобольск. Часть 3 – Подгора // www.wise-travel.ru/russia/Тюменская...

¹⁵⁵ Тюменская линия - Международный десант архитекторов в Тобольске // t-l.ru/75453.html
Алексей Левчук // theoryandpractice.ru/presenters/120...

водотоков: развитие каркаса общественной застройки – административных объектов, зон и узлов коммерческой деятельности, туристской деревни (? – И.Б.) и сопутствующих сервисных функций»¹⁵⁶.

Это *как бы* и мои знаки вопроса в цитируемом тексте вызваны тем, что официального документа по данному приоритетному направлению я не смог найти. В источнике, на который ссылаюсь, указано – «Источник: <http://www.tobolsk.info/zavtra>». Но это – та же городская интернет-газета, а не концепция некоего Генерального плана реконструкции подгорной части Тобольска. Такового никогда не было, насколько мне известно, и до сего времени нет. А посему будем считать это неофициальным документом, опубликованным из надёжного источника, и вновь запомним в него.

«Одной из важнейших задач данного проекта (?– И.Б.), - сказано там, - является максимально возможное восстановление утраченных историко-градостроительной среды и исторической объемно-пространственной композиции «нового и старого» города». С этой целью предлагается:

«• Завершение ремонтно-реставрационных работ на территории Кремля.

• Воссоздание и реставрация в полном объеме сохранившихся (руинированных) зданий – исторических доминант: церковей Захария и Елизаветы, Михаило-Архангельской, Рождественской, Крестовоздвиженской, Андреевской в Подгорной части, церкви Спасской и Петра и Павла в Нагорной части.

• Воссоздание ансамблей исторических площадей с реконструкцией и реставрацией зданий формировавших площади и выносом расположенных на них в настоящее время дисгармонирующих объектов (напр. Спортивный стадион на Красной площади и др.).

• На территории Подгорной части и в исторической части Нагорного района зон регулирования застройки, в соответствии с рекомендациями «Проекта охранных зон памятников истории и архитектуры и зон регулирования застройки» (Ленгипрогор, 1973 г.).

• Установление контроля над строительством и реконструкцией, так называемой фоновой застройки в зонах регулирования. Контроль должен осуществляться не только в части ее этажности, но также в части внешнего облика, для сохранения ее именно фонового характера по отношению к объектам культурного наследия и исключения возможности появления в исторической среде дисгармонирующих и диссонирующих объектов.

• Организация видовых площадок на замыкание перспектив улиц Декабристов, Дзержинского, Гагарина при выходе их на дорогу – дамбу. Строительство в этих местах (в одном уровне с дамбой) небольших деревянных павильонов в стиле древнерусских крепостных построек, используемых для разного рода обслуживания туристско-экскурсионных потоков. Тем самым улучшается как внешняя, так и внутренняя панорама Парадной части, а также создаются условия для улучшения нарушенной дамбой визуальной связи города с рекой и левобережными ландшафтами.

• Устройство зеленой прогулочной набережной вдоль обрывистого берега р. Иртыш в Нагорной части с организацией видовых площадок и размещением парковых павильонов, для активного формирования речного фасада города в Нагорной части. Все

¹⁵⁶ *Тобольск завтра*. Будущее города Тобольска // vtobolsk.ru/tobolsk_future.shtml...

постройки в этой зоне выполняются в единой пространственной связи с ансамблем Кремля, при безусловном сохранении его общей доминирующей роли.

- Устройство пешеходной прогулочной дороги по бровке Троицкого мыса в обход Кремля с обзором внутренней и внешней панорамы города.
- Устройство прогулочных дорог по западному склону Паниного Бугра (Панина бугра – И.Б.) с фиксацией точек наиболее благоприятных для визуального восприятия ансамбля Кремля и Подгорной части города»¹⁵⁷.

Судя по тексту, речь идет о реализации нескольких программ. Во-первых, областной программы «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия г. Тобольска». Во-вторых, «Стратегического плана Тобольска», который разрабатывался РГНИИПИ Урбанистики вместе с «Генеральным планом городского округа Тобольска» с целью обеспечения его устойчивого развития¹⁵⁸. Хотя лишь несколько из задач в названных пунктах (п. 1, 3, 8) отчасти выполнены. О «контроле над строительством и реконструкцией» (п. 5) мы говорили выше. А большая часть указанных мероприятий находится в перспективе их исполнения. Но пути устойчивого развития Тобольска всё же намечены и они выполнимы.

К этому можно добавить, что авторский коллектив этого Института предложил также идею разработки и приоритетной реализации пилотного проекта – «Район Базарной площади» в Подгорной части с сохранившейся исторической планировкой XVII века «как зоны активной регенерации историко-градостроительной среды города, наиболее древней и ценной в градостроительном отношении». После реализации проекта, по мнению его авторов, он «призван служить моделью для разработки и внедрения последующих подобных проектов»¹⁵⁹. По итогам публичных слушаний «Генерального плана Тобольска», прошедших в Городской думе Тобольска в 2006 году, он был принят за основу и рекомендовано «в районе Базарной площади создать музей заповедник под открытым небом – Носольский город»¹⁶⁰. Решением Городской думы (от 30.10.2007) «Генеральный план городского округа Тобольск» был утверждён¹⁶¹.

В 2010 году был создан «Исторический Совет Тобольска», который возглавил заместитель главы администрации города В. Плесовских. За три года город получит 1,5 миллиарда рублей на реставрационные работы под

¹⁵⁷ *Тобольск завтра*. Будущее города Тобольска // vtobolsk.ru/tobolsk_future.shtml...

¹⁵⁸ Разборы проектов // urbanistika.ru/qualification/st...

¹⁵⁹ Щитинский В.А. Российский опыт и зарубежная практика стратегического территориального планирования // Управление развитием территорий. – 2007. – № 1. См. то же: Геоинформационный портал ГИС-Ассоциации // gisa.ru/38029.html

¹⁶⁰ Рекомендации по итогам (результатам) публичных слушаний от 24.05.2006.

¹⁶¹ Генеральный план городского округа г.Тобольск // admtobolsk.ru/tob_grad/gen_plan/

горой. Совет подготовит списки объектов историко-культурного наследия, требующих первоочередную реставрацию. Каков критерий отбора зданий? По словам В. Плесовских: «Это перспективная работа, так как реставрация преобразит и маршруты туристов по Тобольску. Из всех 204 памятников необходимо сделать градацию с учетом туризма: что ремонтировать в первую очередь (объекты, находящиеся на пешеходном туристическом маршруте), что во вторую (объекты, которые расположены на маршруте, который запустится позднее). То есть, если создается туристический центр, нужно исходить из необходимости наполнения туристических маршрутов. Например, улица Мира попадает в туристический пешеходный маршрут. Отрезок этой улицы от Базарной площади до улицы Ершова захватывает памятники, которые нуждаются в реставрации в первую очередь и т.д.». И добавил: «Скажу откровенно! Не нужно останавливаться в этой работе, которую мы делаем сейчас. Мы идем в нужном русле, в нужном темпе.¹⁶²

Что же – будем надеяться, что так и будет. Однако в этой работе необходимо учитывать и те ошибки и недостатки, о которых тоболяками – устами и пером Г. Кондаковой (кстати, вошедшей в состав Исторического совета Тобольска), А. Фефелова и других авторов было сказано выше. Надеюсь, и наш, уважаемый читатель, разговор тоже поспособствует этому делу. Ибо *восхождение* к Тобольску – путь трудный и нелёгкое испытание, обязывающее действовать бережно и бережливо на этом пути, и вовремя опереться, ухватиться за надежную опору как во вне, так и внутри себя.

Далее остановимся на рассмотрении ещё одного явления, сегодня наблюдаемого в регенерации культурного ландшафта, а по существу – рекультивации его отдельных участков в исторических городах страны, в том числе и Тобольске. Это явление замечалось многими и давно, но лишь недавно его актуализировал видный географ-теоретик В.Л. Каганский¹⁶³. Среди множества процессов в культурном ландшафте России отмечается им явное превращение церковных зданий, сооружений, комплексов и даже территорий «в особые части культурного ландшафта», которых отличает «процветающий вид, особый статус и непроницаемость для посторонних».

Во многих регионах страны в разных городах и селах, бросается в глаза богатство отреставрированных или выстроенных заново храмов

¹⁶² *Мэрия Тобольска* // nakanune.ru/articles/plesovskix...; См. также: *Итоги социально-экономического развития города Тобольска за 2010 год* // <http://admtobolsk.ru/itogirazv2010>.

¹⁶³ *Каганский В.* Клерикализация // *Русский журнал*, 11.4.2005 / russ.ru/pole/Klerikalizaciya

разных конфессий. «Крупные городские храмы и монастыри притягивают взгляд яркостью и чистотой своих стен и красок на... сером фоне обычной ветшающей застройки». Такого контраста прежде не было: «стояли храмы на обычном фоне, и рядовая застройка не хирела и не косилась». Всё больше территорий становятся труднодоступными для рядового человека без благословения церковных властей, а режим посещения доступных из них порой «зависит всего лишь от внешнего облика, от конфессиональной принадлежности и даже её внешнего выражения»¹⁶⁴.

Общеизвестно в иные места нельзя попасть, не осенив лоб крестным знаменем; а то, что от женщин требуется платок и юбка для входа в православный храм, – общее место. Это напоминает мне режим посещения советских и партийных органов власти, куда было в джинсах – ни ногой. Тогда как в 1976 году посещение участниками нашей этнографической экспедицией Покровкой церкви в Тобольске было куда демократичным и с девушек не требовалось ни юбок, ни платов.

Это явление В. Каганский определил как *клерикализация* – «усиление в культурном ландшафте роли церковных комплексов, превращение их в новые центры и полюса организации и жизни ландшафта с особым режимом посещения, осмотра, пересечения; подчинение ландшафта таким объектам». Символическим её выражением является то, что чаще и больше официальными и неофициальными символами и эмблемами мест, городов и целых регионов становятся церковные сооружения. «Это – *клерикализация символической компоненты культурного ландшафта и культурного ландшафта как символа*. Культурный ландшафт все больше оказывается в тени соборов, мечетей и дацанов; почти в каждом селеньице Башкирии или окрестностей Тобольска (сибирские татары) – новая мечеть, но винные магазины там, кажется, пока не закрываются»¹⁶⁵.

Клерикализация при этом не сводится лишь к занятию религиозными институтами ведущих позиций и/или особых мест в ландшафтной среде, созданию ими особых компонентов ландшафта. По мнению В. Каганского, это органично для культурного ландшафта, когда монастырь или мечеть «являются особыми местами и в этом смысле особыми компонентами ландшафта». Но клерикализация идет ещё дальше, когда сам культурный

¹⁶⁴ См.: Клерикализация и ландшафт России // «С христианской точки зрения». 22.03.200: 8krotov.info/yakov/3_vera/3_radio/20...

¹⁶⁵ Каганский В. Клерикализация // Русский журнал, 11.4.2005 / russ.ru/pole/Klerikalizaciya

ландшафт начинает осмысливаться и восприниматься людьми «как именно КУЛЬТУРНЫЙ ландшафт лишь в меру его клерикализированности...» теми или иными конфессиональными структурами. Причём эти структуры сами «начинают занимать в ландшафте место и играть роль партийных структур ландшафта советского пространства¹⁶⁶».

Но ценность культурного ландшафта «отнюдь не отблеск ценностей отдельных объектов, размещенных в этом ландшафте, какой бы высокий культурный, социальный или конфессиональный статус они ни имели», - считает В. Каганский. Это не сумма ценностей отдельных объектов. Даже тогда, «когда в конкретном месте нет «признанных» ценностей вроде храмов, мест жизни культурных героев... и даже просто культурно маркированных красот природы, ландшафт содержит определенные ценности и сам является таковой». Но всё чаще он понимается «как сеть «оазисов духовности», каковыми считаются преимущественно, если не исключительно церковные места». Такое представление о ландшафте – «как наложении точек и маршрутов «духовности» на исконную природную основу», на его взгляд, разрабатывается в Институте наследия¹⁶⁷.

Независимо от каких-либо разработок именно такое представление о культурном ландшафте становится нормой в туристической деятельности. Эту ситуацию отметил «легенда отечественной географии» Б.Б. Родоман: «Клерикальность современного экскурсионного туризма выражается не столько в обилии религиозных объектов и сведений, сколько в недостатке у преподносимой туристам информации обширного светского контекста». Преобладание в российском недвижимом культурном наследии, а стало быть, и среди объектов экскурсионного осмотра «религиозных артефактов само по себе естественно и закономерно». И «старейшим видом туризма, - на его взгляд, - несомненно, является паломничество». Дело вовсе не в этом. Но в том, что сложившаяся сегодня практика проведения туристских маршрутов, экскурсии гидов и сам характер посещения архитектурных памятников, в частности православных храмов и монастырей, даёт повод высказываться о «фактическом слиянии нерелигиозного познавательного туризма с конфессиональным паломничеством». По мнению Б. Родомана, «преподносимая ныне провинциальными экскурсоводами упрощённая

¹⁶⁶ Каганский В. Советское пространство – наше наследство // Русский журнал, 20.08.2004 / russ.ru/layout/set/print/pole/S...

¹⁶⁷ Каганский В. Клерикализация // Русский журнал, 11.4.2005 / russ.ru/pole/Klerikalizaciya

картина российской истории и культуры на все сто процентов является клерикальной, монархической и военно-патриотической¹⁶⁸.

В этом мне самому пришлось убедиться, будучи как то участником экскурсии в село Абалак близ Тобольска, известного своим монастырем. Памятниками архитектуры здесь является комплекс монастырских зданий в Абалаке, а также Преображенская церковь в селении по дороге к нему. Хотя территория созданного здесь недавно заказника «Абалакский природно-исторический комплекс» насыщена памятниками культурного наследия – ядра веков как минимум Сибирского ханства и «взятия» Сибири, как исламизации, так русской колонизации края и последующих времён, в которых вплетены множество культурных героев, культовых мест и просто красоты природы. Но об этом мы ещё поговорим и не раз в дальнейшем.

Так вот, содержание экскурсии местного гида почти не затрагивала этих славных страниц отечественной истории, а если и касалась, то весьма поверхностно и упрощенно. Канву экскурсии составила: церковная легенда о явившейся иконе Божьей Матери, деяния тобольских архипастырей по возведению храмов, ежегодный крестный ход с Абалакской чудотворной иконой, закрытие монастыря при большевиках и его возвращение Церкви, значении монастыря в жизни православных региона. При этом – ни слова о стиле памятников архитектуры. Из исторических лиц, кроме настоятелей монастыря и архиепископов фигурировал Григорий Распутин и семья Николая II, содержащаяся в Тобольске, продукты для которой доставлялись отсюда. При посещении находящегося за монастырем туркомплекса «Абалак» гид поведал нам о возможностях превосходного отдыха и кухни, а также о ристалище воинов – «Абалакское поле», которое здесь проводится.

Но вернемся к размышлениям В.Л. Каганского. Клерикализация, как и сакрализация чего-либо, по его мнению, «не плоха и не хороша сама по себе, но вот ее универсальность и нормативность сомнительна». Учитывая, что моноэтнических и моноконфессиональных территорий в России теперь почти нет – «в некотором масштабе все места ландшафта полиэтничны и поликонфессиональны» – клерикализация ландшафта в такой ситуации «может превратить его в поле борьбы символов и компонентов среды,

¹⁶⁸ Родоман Б. Клерикализация российского экскурсионного туризма // Здравый смысл. – 2009. – № 4 (53): atheismru.narod.ru/humanism/journal...

разорвать и фрагментировать ландшафт, признаки чего наблюдаются уже во многих местах»¹⁶⁹.

Они очевидны в Тобольске и Тобольском районе. На трассе Тюмень – Тобольск, следующей по территории татарских, русских и этнически спешенных селений встали огромные православные кресты. Мусульмане взирают на это с возмущением и требуют установки символов других вероисповеданий¹⁷⁰. На дороге Тобольск – Абалак водружен баннер с описанием территории Абалакского природно-исторического комплекса, но с изображением Абалакского монастыря. По требованию региональной татарской организации «Наследие» водрузили и баннер, знаменующий этноконфессиональную значимость этой территории.

При встрече с главой Духовного управления Азиатской части России Нафигуллой-хаджи Ашировым (ДУМ АЧР), состоявшейся в 2006 году, представители мусульманской общины Тобольска выразили серьезную обеспокоенность «стремительной клерикализацией города» со стороны РПЦ. Дело не только в том, что в городе, треть населения которого составляют татары, только лишь одна мечеть. Но также и в том, что православные храмы реставрируются за счет бюджета, а мусульманской общине города бюджетных средств вообще не выделяется. «Создается впечатление, что мы уже живем не в правовой демократической светской стране, а в теократическом церковном государстве», - заявили участники встречи с Н. Ашировым¹⁷¹. И они по-своему, конечно, правы.

В. Каганский считает, что если наблюдаемые процессы продлятся, а оснований думать иначе, на его взгляд, нет «ткань культурного ландшафта будет вся разобрана и даже разодрана на отдельные места, связанные с отдельными конфессиональными и квазиконфессиональными группами», а сам культурный ландшафт «окажется в тени конфессиональных объектов (если не их придатком) и будет признаваться реальным и полноценным лишь в меру его клерикализованности». Кроме того, немалый вклад в этот процесс «внесет и уже вносит новое язычество, переживающее за разговорами о «традиционных конфессиях» бум». Но собственно «такая редукция ландшафта, такое раздробление, смысловая, а то и физическая парцелляризация ландшафта противоречит его исходному смыслу. Более

¹⁶⁹ Каганский В. Клерикализация // Русский журнал, 11.4.2005 / russ.ru/pole/Klerikalizaciya

¹⁷⁰ См.: <http://islam.ru/press/rus/2004-02-24/#4276>

¹⁷¹ demos-center.ru/news/11353.html?mod...

того, именно такая ценностно-конфессиональная фрагментаризация ландшафта противоречит и самой наметившейся сейчас реабилитации культурного ландшафта и в культуре, и в природе...»¹⁷².

На этой до-мажорной ноте мы и завершим тему ре-сакрализации – в смысле клерикализации культурного ландшафта, дабы не «делать хорошей мины при плохой игре», деликатно обходя вопрос заигрывания с Церковью в духе от *a la* «православные» до *a la carte travel* познавательного туризма. Этот путь не «ведет к Храму» и Тобольск не «богоспасаемый град», но всё ещё позволяет «видеть прекрасное в природе» и *восходить* к ней (к нему) с внутренним чувством, основанном на общечеловеческой нравственности и ценностях бытия. И на этом пути недостаточно повторять набор формул, чтобы стать другим человеком. Есть «универсальный закон», который справедлив в теологии, физике, экономике, культуре, и «заключается он в том, что невозможно сделать что-то из ничего» (А. Штейнзальц).

¹⁷² Каганский В. Клерикализация // Русский журнал, 11.4.2005 / russ.ru/pole/Klerikalizaciya

Софийско-Успенский кафедральный собор

Этюд третий

ЭСТЕТИКА ПРОСТРАНСТВА

«Один из декабристов скажет, что нет города более картинного, чем Тобольск. И это правда до сей поры... Но Тобольск был “картинен” с самого начала, еще до Софийского собора, до рентереи и всего кремлевского ансамбля. Лишь не до такой вдохновенной высоты, не до духовного совершенства, не до полной слиянности рукотворного с нерукотворным, не до грудного распора при взгляде снизу от Иртыша – эх, живая былина, да и только!».

Валентин Распутин. «Сибирь, Сибирь...».

«Вчера только удалось мне видеть подлинную весну. Хотите знать, где видел ее? На зеленом холме, осияемом с запада пахучими пихтами, на высоком холме, на котором за 250 лет жила нежная и верная Сузге, подруга повелителя Кучума... Вижу красу благородную, как Майскую розу после утренней росы, красу высокого стана, в мантии персикового цвета, небрежно накинутой на плечах сверх легкого хитона, в мантии... как паутина. Вижу, как краса эта, с медальоном солнца, блистающим на девственных грудях, бросает прекрасные руки к закатывающему светилу – к отцу своему, к отцу света и теплоты...

В светлом лице ее нет ни восторга, ни горести, а одна дышит веселость чистая. Краса не успела улыбнуться, как и прикрылась ветвью блестящей зелени; она потекла к северу, по долам и горам, как румяная стыдливость по ланитам юной девы, как очаровательная гармония по струнам арфы. Стремиться ли за девою солнца, – разлился в душе вопрос? Но, как и куда стремиться за красою идеальной?»¹⁷³.

Этот вопрос Петр Андреевич Словцов адресует и нам, читатель, с вами. Несмотря на давность лет его постановки и персонифицированность изысканным романтизмом личностных ощущений историка, былинность вопроса лишь оттеняет его вечную суть, а метафора – проявляет вещный локус заданного образа. Ибо человек всегда стремился к определенному эстетическому идеалу, некоему «эталону красоты», предопределенному природой и культурой.

¹⁷³ [Словцов П.] Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году. – М.: Тип. С. Селивановского, 1834. – С. 74-77.

Поэтому нам никак не обойти этот вопрос стороной. Но речь пойдет не об абстрактном представлении некой «красе-красоте». А об эстетике того места, в котором мы живем, поскольку от визуальной качества этого пространства и зависит, в конечном счете, наше понимание и видение красоты – свой её идеал¹⁷⁴. Уместно будет в этой связи ответить здесь и на вопрос Ивана Н. Каскина из Ханты-Мансийска. С него, пожалуй, и начнем.

Но прежде напомним, что по мысли нашего краеведа, пришедшей к нему интуитивно или во сне, название красивой сопки близ его родного села Цингалы, именуемой «чугас», *«исходит из Греции. По-гречески – всё, что относится к возвышенности: сопка ли, курганы ли на ровном месте – называется «чугасами».*

И цингалинский краевед будет прав в том смысле, что «исходит из (Древней) Греции» наиболее натуралистичное и, вместе с тем, «идеальное» восприятие красоты. Ибо «это (античное – И.Б.) восприятие – насквозь эстетическое» (А. Лосев). Поэтому почти во все времена эталоном красоты в западноевропейской культуре являлась греческая «классическая» эстетика. И дело здесь не в «первородной» чистоте, или «в «детскости» греческой культуры», являвшейся, по выражению известного русского философа А.Ф. Лосева, «апофеозом биологически-прекрасного, идеально-божественного *тела*». А в том, что «античный мир, - по его же словам, - есть мир «*етавшего*», а не «*етановления*»», как наш мир¹⁷⁵.

Но греческий язык, как оказалось, не знает термина, обозначающего понятие *пространство*. «Равным образом у греков отсутствовало наше чувство ландшафта, чувство горизонтов, видов, дали, облаков, а также понятие отечества, распространяющееся на большое пространство и охватывающее большую нацию», - писал классик цивилизационной историографии Освальд Шпенглер (1880 – 1936) . «Родина для античного человека – это только то, что он может обозреть с высоты Кремля своего родного города. То, что лежит по ту сторону оптической границы..., было чужим, даже враждебным»¹⁷⁶.

¹⁷⁴ *Идеал* (гр. idea – идея, понятие, представление) – представление о совершенстве, которое, будучи высшей целью и образцом, определяет способ мышления и деятельности человека, общественного класса.

¹⁷⁵ *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. – М: Мысль, 1993. – С. 60, 68, 84, 87-88, 96-99.

¹⁷⁶ *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. I. Образ и действительность / Пер. Н.Ф. Гарелина. – М.; Петр., 1923. – С. 95. Цит. по: *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. – М: Мысль,

Получается так, что нашему краеведу «по сновидению» интуитивно было правильно «ниспослано» то, что «по-гречески – все, что относится к возвышенности», могло именоваться одним словом. Наверное, даже наверняка в детстве Иван Каскин испытывал такие же чувства с высоты своего родного Чугаса. Те же ощущения родины возникали в её обозрении-осознании с высоты Тобольского кремля и у юного Бориса Эристов, который описал их в «Мыслях о Тобольске»¹⁷⁷. Да у каждого из нас в детстве была своя высокая «точка отсчета» родных мест. С неё мы начинали осваивать, познавать и любить свой край, свою Родину, до каких бы пределов оптических границ она не доходила, оказавшись даже по ту сторону границ от неё.

И это прекрасное чувство было неразделимо с чувством прекрасного. И это чрезвычайно верно, поскольку исторические памятники, «наряду с другими приметами местности (лес, река, луг) являются признаками Родины. Здесь ты родился и –на глазах” у этих памятников и строений вырос. Они окружали тебя с малолетства и идут с тобой по жизни. Поэтому исчезновение того или иного культурного шедевра является частичной утратой самого себя»¹⁷⁸.

«Малая родина» является источником и прообразом Отечества и определяет основные критерии взаимоотношений личности и «Большой родины». Известный историк, публицист и философ Г.П. Федотов (1886 – 1951) высказал аналогичную мысль таким образом: «Что ощущалось всего сильнее в образе родины? Ее природное земное бытие: линии ландшафта и воздух родных полей и лесов. И мы томились – кто по берегам и соснам северных сторон, кто по суровым просторам степей, по безбрежной Волге и дыханию восточных песков <...> В родине впервые приоткрывается лицо России»¹⁷⁹.

И в самом деле, будучи социокультурным окружением, малая родина одновременно становится первой и основной аксиологической нишей и

1993. – С. 46. См. также: *Шпенглер О.* Закат Европы. Том 1. Образ и действительность // lib.rus.ec/b/141740/read

¹⁷⁷ *Эристов Б.О.* Мысли о Тобольске // *Эристов Б.О.* «Недопетая песня...». Очерки, статьи, воспоминания и размышления о Тобольске и тоболяках. – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2000. – С. 77-83.

¹⁷⁸ *Эристов Б.О.* «Недопетая песня...». Очерки, статьи, воспоминания и размышления о Тобольске и тоболяках. – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2000. – С. 80.

¹⁷⁹ *Федотов Г.П.* Лицо России // Судьба и грехи России. М., 1994. – С. 27. Цит. по: *Сайко Е.А.* Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – С. 40.

критерием для личности. Современные культурологи утверждают: «Малая родина подобно компасу определяет её ориентиры на пути к достижению идеала и нередко сама отождествляет нечто идеальное, олицетворяя собой красоту и свободу»¹⁸⁰. И с этим жизненным компасом мы выходили на большую дорогу жизни и отправлялись в дальний путь.

«Рожденные в глухих таежных углах, среди могучих гор, дыблящихся в небо на многих сотнях километров, возле великих рек, несущих воду, которой омывается земля, в океанскую колыбель, рожденные в тундре и на границе с песчаной пустыней, мы все, в конце концов, пробиваемся к ней, главной дороге. По тропам и проселкам, по речным рукавам и снежным заносам, по путикам и большакам выходим мы из своего детства в тот обжитой и подшитый в одно целое мир, где пролегают рельсы. И садимся в поезд, лучше всего в поезд дальнего следования. Он трогается, и душа наша взлетает. И все стесненное, не успевшее раскрыться, все начальное, не успевшее сказаться, вдруг испытывает счастливый подъем и волнение, в груди становится просторно...» – так говорит в своей книге «Сибирь, Сибирь...» наш современник – писатель Валентин Распутин¹⁸¹.

Вполне естественно, что ответы на вышестоящий вопрос, заданный П.А. Словцовом, как бы самому себе и, одновременно, обращенный к потомкам, будут различными. Кто-то выскажется за то, что «эта красота находится вокруг нас», другой скажет – «внутри», а третий категорично заявит, что «идеальной красоты не бывает». И каждый будет по-своему прав. Вполне понятно, что все ответы будут сугубо индивидуальными, ибо вопрос о красоте, в частности, красоте того или иного места, объекта, города, микрорайона – оценочные вопросы субъективного порядка.

Вместе с тем, ответы на этот вопрос имеют «массово-субъективный» в формулировке Ю.А. Левады характер¹⁸², который должен составлять предмет изучения и научной оценки городской среды – «города в человеке»¹⁸³, в особенности сопряженной с природным и историко-

¹⁸⁰ Сайко Е.А. Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – С. 40.

¹⁸¹ Валентин Распутин • Из книги "Сибирь, Сибирь..." // (Наш современник ... // nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006&n=...

¹⁸² См.: Левада Ю.А. От мнения к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 576 с. То же: Левада-Центр > Издания центра > Книги // levada.ru/levadaocherki.html

¹⁸³ Вешинский Ю.Г. Аксиология постсоветского культурного пространства ea рубеже тысячелетий: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – М., 2010. – 27 с.

культурным наследием города постсоветского культурного пространства. Тем более такого исторического города, как Тобольск – «уникальной историко-культурной территории», на которой сконцентрировано свыше трех сотен только одних памятников истории и культуры. В городе, где «сама подгорная часть является уникальным архитектурно-планировочным историческим памятником XVIII – XIX веков, которому не было и нет равных в Сибири»¹⁸⁴.

Кроме того, здесь существуют охраняемые природные территории, которые признаны частью эталонного, то есть типичного, а частью эндемичного, или иначе – местного, неповторимого ландшафта. Так, в Тобольске и его окрестностях еще в 1968 году были организованы десять памятников природы. В частности, такие как: «Окрестности дома отдыха «Тобольский», «Киселевская гора с Чувашским мысом», «Вершинский лог», «Широкий лог», «Сузгунская сопка», «Бор около деревни Ломаево» и другие. Недавно зарегистрирован еще один, находящийся непосредственно в черте города – «Панин Бугор»¹⁸⁵.

Однако, как показывает практика, «многие горожане, не зная об их существовании, рубят там лес, жгут костры, порой из редких растений..., вывозят бытовые и промышленные отходы, способствуя уничтожению уникальной растительности. В результате... часть памятников утратила свое значение...»¹⁸⁶.

Несомненно, именно городская среда в первую очередь в процессе её освоения человеком под давлением сегодняшних техногенных процессов, и вырабатывает у горожанина своего рода «современную городскую и региональную мифологию» (Ю. Левада). А вместе с тем и отношение к памятникам культуры и природы. Очевидно, что *действие – воздействие* эстетических оценок не ограничивается только сознанием. Они играют существенную роль в ориентации соответствующих форм массового поведения: направления потоков миграции, маршрутов внутреннего туризма, отдыха и т.д. Очевидно также и то, что с учетом научного анализа этих оценок должны (стать нормой) разрабатываться хозяйственные,

¹⁸⁴ Общественный фонд «Возрождение Тобольска» о своем городе. Сопроводительный текст к альбому «Сибирские реликвии». – Тобольск; Верона: ОБФ «Возрождение Тобольска», 1999. – С. 39.

¹⁸⁵ Распоряжение администрации Тюменской области... // bestpravo.ru/tumen/data06/tex20...

¹⁸⁶ Белослуцева О., Климова Л. Еще раз о памятниках... // Лукич. – Тюмень, 2001. – № 1. – С. 134-130.

архитектурные, туристические и прочие проекты, которые рассчитаны на реализацию как в черте города, так и в его предместьях¹⁸⁷.

В этой связи замечу, что ещё в 1970-х годах – в самый разгар научно-технической революции – российскими учеными были сформулированы теоретические положения об аксиологической дифференцированности и поляризованности культурного пространства, а также о неравномерности распределения эстетических переживаний внутри него. Отмечалось, что «иерархия культурной значимости различных пространств дополняется иерархией степеней их ценности (зависящей от внутренней структуры данного типа культуры); так выделяются пространства, предназначенные для государственно-политической деятельности, частной жизни, отдыха и прочее». Причём эти «эстетические переживания также, отнюдь не равномерно распределяются внутри культурного пространства»¹⁸⁸. Тогда же социологи пришли к выводу, что «вся территория видится людьми как своеобразное поляризованное культурное поле с фокусами притяжения и отталкивания», и что «дальнейшее изучение системы показателей социальных оценок территории позволит перейти к составлению специальных оценочных карт»¹⁸⁹.

И это, подчеркну, в середине 70-х годы прошлого века. Тогда для составления специальных аксиологических карт территорий на советском пространстве было больше условий и определенных критериев. Поскольку это социализированное и идеологизированное пространство «советского мира» предполагало полноту включенности каждой личности в общее дело, охватывавшее собой все сферы жизни человека и государства. Но мощнейший план по переустройству всех форм освоения и осмысления пространства, начиная с географического и оканчивая художественным (например, соцреализм), оказался несостоятельным.

На смену амбициозной доктрине советского общества, сплоченного целью построения идеального государства, пришли и стали чрезвычайно модными различного рода идеологии, мистические, псевдорелигиозные

¹⁸⁷ Вешинский Ю.Г. Аксиологическая география городской среды регионов России // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 8. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 122.

¹⁸⁸ Лотман Ю. Художественный ансамбль как бытовое пространство // Декоративное искусство СССР. – М., 1974. – № 4 (97). – С. 49.

¹⁸⁹ Ахизер А.С., Ильин П.М. Задачи разработки социальных оценок в условиях научно-технической революции // Известия АН СССР. Серия географическая. – М., 1975. – №1. – С. 87, 91. См. также: Вешинский Ю.Г. Аксиология постсоветского культурного пространства на рубеже тысячелетий: Автореф. дисс. ... канд. культурологии. – М., 2010. – С. 4.

идеи и культы, компенсирующие фундаментальную потребность личности в самоопределении. Современный российский социум характеризуется состоянием переходности, радикальной смены ценностных ориентиров, дроблением жизненного пространства на множество самодостаточных локусов. Неслучайно говорят о «постсоветском пространстве», которое подразумевает не столько географические константы, сколько культурно-психологические факторы¹⁹⁰.

При этом, как отмечают отечественные культурологи, «до сих пор нет сколько-нибудь целостного исторического исследования эстетических представлений, взглядов, идей всех народов или регионов России. И это заметим притом ещё в условиях, когда «традиционная аксиосфера многих этнических общностей разрушена», а «новые аксиологические скрепы России не созданы»¹⁹¹. По мнению философа К.С. Пигрова, «Российская цивилизация находится в сложном положении, представляет собой крайне неустойчивое, невероятное состояние. И чем она становится больше, объемнее, тем больше энергии необходимо для того, чтобы поддерживать ее внутреннюю связность». С его же точки зрения, эта потенциальная неустойчивость обнаруживается, «прежде всего, по краям, а не в центрах. После распада СССР именно на окраинах стало трудно поддерживать цивилизованное состояние»¹⁹².

В этой обстановке полагает Л.М. Мосолова «особенно нужна энергия и пафос новой аксиологии». Стратегические задачи сохранения и развития геокультурного пространства России, по её мнению, требуют добротной и достаточно «хорошо отрефлексированной аксиологической системы и новой программы аксиологических исследований народов и регионов России». Причём исследований, проводимых в «исторической диахронике, а также в синхронии функционирующих сегодня этических, эстетических, религиозных и иных ценностей в изменившейся ситуации»¹⁹³.

¹⁹⁰ Журавлева А.А. Эстетика пространства: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2005. – С. 3-25.

¹⁹¹ Мосолова Л.М. К вопросу об актуальных аксиологических исследованиях // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Материалы научной конф. Сер. «Symposium». Вып. 16. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 40.

¹⁹² Пигров К.С. Спуск по горной реке (техногенная цивилизация как проблема философии истории) // Философия истории и культуры. Научные доклады ассоциации «Диалог культур». – СПб., 1999. – С. 59.

¹⁹³ Каган М.С. О перспективах развития эстетики как философской науки // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Материалы науч. конф. Сер. «Symposium». Вып. 16. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 4-5;

В настоящее время проблематика пространства прямо или косвенно, но достаточно активно обсуждается в философской, культурологической, социологической, психологической и искусствоведческой литературе. Это обусловлено общенаучной категорией «пространства» в её философско-эстетическом смысле, а также междисциплинарным характером проблемы в «эстетосфере культуры» (М. Каган). Множественность различных точек зрения, подходов и концепций, высказываемых в этой полемике, видимо ещё потребует осмысления и философско-эстетической интерпретации. В современной эстетике вопрос об эстетических чувствах, их роли и ориентационно-познавательных функциях пересматривается вновь, что совершенно естественно. Ведь эстетика – не догма и признается даже «самой неточной из всех неточных наук» (Н. Акимов). Но это вполне соответствует также принципам гуманитарных наук, обращающихся к проблемам личности и исследующих её место, возможности и роль в общественной жизни и культурном творчестве¹⁹⁴.

Ценностно-смысловая ориентация в бытии, тяга к конструированию целостного, по возможности непротиворечивого, соразмерного человеку образа мира, «осуществляется в процедурах пространственно-временного моделирования идеальной реальности», - справедливо считают философы. «Соответствие этой модели действительному положению вещей, - по их суждению, - обеспечивает человеку стабильность душевных состояний, уверенность в себе и своих действиях, упорядочивает деятельность и наполняет жизнь смыслом». В изучении глубинных процессов созидания духовного пространства личности и общества «поиск обращается к чувству пространства как присущей всем людям эстетической способности, активно участвующей в конструировании жизненного мира личности, структурируя ценностные ориентиры и способы деятельности, социальные и культурные взаимоотношения»¹⁹⁵.

В настоящее время отдельные специалисты, по сути, только начали заниматься такими исследованиями – «аксиологической географией», «или «аксигеографией»», под которой подразумевается «картографирование и

Мосолова Л.М. К вопросу об актуальных аксиологических исследованиях // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Материалы науч. конф. Сер. «Symposium». Вып. 16. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 41.

¹⁹⁴ Журавлева А.А. Эстетика пространства: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2005. – С. 3. То же: lib.ua-ru.net/diss/cont/182710...

¹⁹⁵ Журавлева А.А. Эстетика пространства: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2005. – С. 3-4.

изучение закономерностей распределения в пространстве оценочных суждений респондентов социологических опросов о разных свойствах территорий (или объектов на них расположенных)», которые подлежат оцениванию этих опросов. Речь идет о возможности выделения такой вспомогательной дисциплины, расположенной «на стыке» географии, экономики, социологии, культурологии и психологии, «в самостоятельную область социогеографического и культурологического знания, имеющую свой предмет и инструментарий»¹⁹⁶.

Первые и пока ещё скромные результаты проведенных исследований показали, тем не менее, оперативные возможности аксиогеографии в выявлении позитивных «визуальных ресурсов» городов и регионов России, которые не могли не вызвать особый интерес, например, туристических фирм и других заинтересованных структур. Не менее важным, по мнению авторов этих исследований, представляется также сбор сведений и о негативных «визуальных ресурсах» с целью картографирования городов с «визуальным дискомфортом». В первую очередь это необходимо для паспортизации не только по «плюсам», но и по «минусам» их визуальных качеств, составляющих неотъемлемую часть «качества жизни» на территории того или иного города и региона. Это поможет, на их взгляд, выявлению «проблемных» регионов, с последующим решением в них такого рода проблем, разумеется¹⁹⁷.

«У нас уже привилось выражение –зона экологического бедствия». Но, возможно, удастся дать –права гражданства» и новому выражению: –зона визуального бедствия», - весьма и весьма справедливо считает в связи с этим член-корреспондент Академии имиджелогии Ю. Вешнинский. «И, думается, что это бедствие – не менее трагично (особенно с точки

¹⁹⁶ Вешнинский Ю.Г. Картографирование социальных оценок территорий (возможна ли аксиологическая география?) // Картография на рубеже тысячелетий: Доклады 1 Всероссийской научной конференции по картографии. – М.: ИГРАН, 1997. – С. 137-140; *Его же*.

Аксиологическая география городской среды регионов России // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 8. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 122.

¹⁹⁷ См.: Вешнинский Ю.Г. О плюралистичности средовых эталонов в различных социально-культурных группах // Городская среда (Материалы Всесоюзной конференции ВНИИТАГ и Союза архитекторов СССР). – М.: ВНИИТАГ, 1989. – Ч. 2. – С. 36-42; *Его же*.

Аксиологическая география городской среды регионов России // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 8. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 135-136; *Его же*.

Аксиология постсоветского культурного пространства на рубеже тысячелетий: Автореф. дисс. ... канд. культурологии. - М., 2010. – С. 9-10.

зрения долгосрочного воздействия на массовое сознание!))»¹⁹⁸. И с этим нельзя не согласиться.

Одним из наиболее показательных результатов анализа вопроса об эстетической привлекательности (или непривлекательности) городской среды является, например, шкала «эстетического рейтинга», составленная научным центром «СОЦЭКСИ» по разным городам бывшего Советского Союза, на основе опроса респондентов, проведенного 1990 году в разных регионах России по заказу агентства POSTFAKTUM¹⁹⁹. Не вдаваясь в частности, отметим лишь наиболее интересные фрагменты.

Так, сибирские города, например, в большинстве своем решительно не признавались респондентами красивыми. Однако и здесь частичное исключение делалось для городов с особой историко-культурной аурой: Иркутска (0) и Красноярска (–4). Любопытно также сравнить оценку Новосибирского Академгородка (+3) и самого Новосибирска (–9). По этому же «эстетическому рейтингу» (или рангу шкалы) Тюменская область занимает 50-ю позицию (из 60-ти) с «негативной» оценкой в –14 (Тюмень: –7, Новый Уренгой: –7). Соседняя Омская область, например, в меньшем «минусе» (–4), она на 26-й позиции (Величины «плюсов» и «минусов» здесь – среднеарифметический бал)²⁰⁰.

А вот самым «самым умышленным городом в мире», по меткому определению Петербурга, данному еще Ф.М. Достоевским в «Записках из подполья»²⁰¹, по-прежнему является в нашей стране город на Неве – город «отличник» (+222)²⁰². Не зря ведь в русской литературе с конца XVIII века его и прозывали «Северной Пальмирой», сравнимой именно по своей красоте и богатству с одноименным античным городом в Сирии. Кстати сказать, как идеал – эталон («парадиз») Петербург замышлялся и строился изначально.

¹⁹⁸ Вешинский Ю.Г. Аксиологическая география городской среды регионов России // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 8. – С. 136.

¹⁹⁹ В частности, респонденты ответили на два вопроса: «Какие города бывшего СССР Вы считаете самыми красивыми?» и «Какие города бывшего СССР Вы считаете самыми некрасивыми?».

²⁰⁰ Вешинский Ю.Г. Аксиологическая география городской среды регионов России // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 8. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 130, 131, 133.

²⁰¹ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // ilibrary.ru/text/9/index.html

²⁰² Вешинский Ю.Г. Аксиологическая география городской среды регионов России // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 8. – С. 218, 129.

Тот факт, что по результатам проведенного опроса, общероссийским идеалом – «эталон» городской среды был признан город, подчеркнуто европейского (точнее, западноевропейского) облика, свидетельствует, по мнению культурологов что, «вопреки нынешней моде на «евразийство», основная доминанта современной художественной культуры не только собственно русских, но и вообще россиян носит именно европейский, а не евразийский характер. Так, опрошенные в 1990 году казанские татары, не меньше русских готовы были восхищаться красотой Ленинграда (как тогда называлась северная столица – *И.Б.*) и были не очень высокого мнения об эстетической привлекательности своей родной Казани»²⁰³.

Полагаю, если бы такой опрос провели в настоящее время, то оценка эстетической привлекательности Казани большей частью изменилась бы вместе с ней и, несомненно, в положительную сторону. Предполагаю по собственному впечатлению от посещения этого города осенью 2009 года. Впрочем, к чему гадать – заглянем ради любопытства в Интернет, коли есть такая возможность.

«Старейшая улица Баумана в Казани сейчас является главной торговой артерией города, деловым и развлекательным центром. Здесь и благоухающие липы, и освежающие фонтаны, навесы-павильоны со скамейками и два ряда невысоких фонарей. В теплое время улица напоминает одно большое летнее кафе. Вас приветствуют «Часы влюбленных» с арабской графикой, Аллея звезд (как в Голливуде), персонажи татарских сказок. На Баумана оживает целый учебник по архитектуре: барочная церковь Богоявления, Большой (в размерах и по значению) Драматический театр. Неоклассической улыбкой приветствует здание Национального банка (раньше здесь жил Лобачевский), а советский конструктивизм, как он есть, является в образе Дома Печати.

Далее – поздний ампи́р гостиницы «Казань», в которой останавливались В. Маяковский, М. Горький, А. Толстой, и почти модернистский отель «Совет». Улица Петербургская – продолжение Баумана – кусочек Питера в Казани. Узнаваемые питерские символы особенно заметны здесь в скульптуре и в архитектуре – декоративная ротонда здесь «подражает» своим куполом Казанскому собору на

²⁰³ Вешинский Ю.Г. Аксиологическая география городской среды регионов России // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 8. – С. 128.

Невском»²⁰⁴. Как видим, и тут не обошлось без влияния Питера – сказался европейский, а не евразийский характер «эталона» городской среды.

Парадоксально, но факт – в рассматриваемом ранее «эстетическом рейтинге» город Тобольск вообще и никак не фигурировал. Между тем, в 1990 году в городе, составлявшем годом ранее более 110 тысяч жителей, побывало, примерно, до 100 тысяч туристов. Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник в 1998 году принял около 180 тысяч посетителей²⁰⁵. Так что получается: как ни называй Тобольск «Жемчужиной края благодатной сибирской земли», а на деле выходит... как в той пресловутой поговорке про «болотного кулика»?

Безусловно, в последнее десятилетие минувшего века, да и в начале нынешнего столетия произошли значительные изменения, на которых незачем нам здесь останавливаться – многим они итак хорошо известны. Тобольск и вся Сибирь, и вся страна в целом, пережили тяжелейшие времена развала и смуты, экономических реформ и кризиса, ухудшения здоровья и роста смертности 1990-х годов.

Ныне является общепризнанным факт того, что за годы реформы наша страна «по уровню социально-экономического развития оказалась отброшенной на десятилетия назад, а по некоторым показателям – в дореволюционный период. Никогда за обозримый период, даже после разрушений от гитлеровского нашествия, не наблюдалось столь продолжительного и глубокого снижения уровня производства почти во всех отраслях отечественной экономики»²⁰⁶. Наиболее негативным последствием системного, в первую очередь экономического кризиса в России явился рост смертности населения. В 1990-е годы число умерших превысило уровень 1980-х на 4,9 миллиона человек. Сверхсмертность за период 1991 – 2000 годы составила примерно 3–3,5 миллиона человек. Для сравнения взять: в годы Великой Отечественной войны, включая гибель населения в блокадном Ленинграде, она составляла около 4,2 миллиона человек²⁰⁷.

²⁰⁴ См.: senat-perm.livejournal.com/145990.h...

²⁰⁵ Общественный фонд «Возрождение Тобольска» о своем городе. Сопроводительный текст к альбому «Сибирские реликвии». – Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 1999. – С. 3, 39.

²⁰⁶ Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга: Экономические реформы в России 1991–2001 гг. – М.: Эксмо, 2004. – С. 3. См. также: Распутин В.Г. Сибирь, Сибирь... – Иркутск: «Артиздат», 2000. – С. 59-61.

²⁰⁷ Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социс. – 2005. – № 3. – С. 72.

Но вся страна, Сибирь и град Тобольск все-таки выстояли и получили новый импульс созидательного развития и тенденцию к экономическому росту. Тогда, безусловно, было совсем не до того – не до культурного ландшафта и оценок его привлекательности. Тем не менее, вопрос остался. Культурный ландшафт может быть подлинным, глубоким, емким семантически и богатым независимо от того, есть ли в культуре в целом категория ландшафта и/или рефлексия по его поводу. «Кризис обязывает к рефлексии. Дефицит форм жизни требует вопрошания. Ландшафт ныне – то, о чем стоит спросить, задуматься...»²⁰⁸.

Есть, стало быть, над чем и подумать, и задуматься тоболякам. Тем более, что в 1995 году Тобольск, наряду с Москвой и Петербургом, был признан православным духовным центром России, а с 1997 года он определен и как место пребывания Духовного Управления мусульман Азиатской части России (ДУМ АЧР)²⁰⁹ во главе с его Председателем – Верховным муфтием Нафигуллой-хаджи Ашировым²¹⁰. Обозначились, следовательно, духовные приоритеты в осмыслении освоения среды бытования историко-культурного наследия Тобольска.

Впору бы задумываться и над паритетом культурных ценностей и ценностей культуры. И задуматься сегодня и основательно. И подумать не только о самом городе, но и о его природных и историко-культурных окрестностях, которые по месту, по своему значению и по праву должны стать «Золотым кольцом» Тобольского предместья, «Золотым венцом» которому – Тобольск. Как здорово было бы услышать от наших именитых современников и рядовых гостей города, нечто в роде дмитриевского: «Кто хочет видеть нечто прекрасное в Натуре, тот поезжай в Тобольск». Впрочем, такие высказывания есть – отчасти они уже были приведены в первом этюде – и их не мало, поверьте на слово.

²⁰⁸ Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 144.

²⁰⁹ Духовное управление мусульман Азиатской... // portal-credo.ru/site/?act=news&id=4...

²¹⁰ При недавней встрече с Н. Ашировым, в Тобольске, а вернее – в мечети д. Сабанаки он рассказал о таком малоизвестном факте, характеризующем взаимоотношение между местными правоверными и православными. «Когда где-то в 1977 году мы открывали в Тобольске мечеть, то привезли документы из Совета по делам религии, которые давались только на месяц, после их действительность пропадала. И вот те мусульмане, которые воссоздавали мусульманскую общину Тобольска, когда подошло время покупать дом, а денег не хватало, они пошли в церковь. И взяли недостающие деньги у них. Взяли деньги, купили дом и в первую же пятницу во время открытия, после молитвы мусульмане эти деньги, конечно, собрали и отнесли в церковь с благодарностью» (Записи автора. Деревня Сабанаки, Тобольский район, март 2011 года).

Однако закончим тем, с чего начали. В вопросе П.А. Словцова – в ту пору почтенного старца, всю жизнь остававшегося глубоко верующим человеком. В вопросе, порожденном его раздумьями о прожитой жизни, потраченных силах и колоссальных возможностях, таящихся в мысленно открывшихся перед ним с высоты Сузгунского крутояра «неизмеримых пространствах (Сибири – *И.Б.*)..., скрывающих (природные) богатства... и трофеи для науки». В вопросе, навеянном исконно народной образностью Весны – все возрождающей живительной силы природы, унаследованной из традиционной мифологии. В этом вопросе заключается более глубокий и абсолютный смысл.

Главная суть его – в поисках истоков «жизненной силы» и духовных устремлений русского человека, сибиряка. В возможности обретения этой энергии и идеалов в окружающей его родной природе, (тогда) «еще свежей, еще не початой», и носящихся в «воспоминаниях родины» – в историко-культурном наследии, – тогда, к середине XIX столетия, только оформлявшегося в это новое понятие в умах русского просвещенного общества, формировавшего и отношение к нему²¹¹.

Этому основному смыслу подчинены практически все «Прогулки» П.А. Словцова, которые представляют собой «разножанровое единство, <...> совокупное образу Сибири, <...> цельной концепции жизни, реализованной в тексте»²¹². Таким образом, ответ на вопрос П.А. Словцова заложен в контексте постановки самого вопроса и в тексте «Прогулок» – воспоминаний и живописаний природного и историко-культурного наследия в окрестностях города Тобольска. А отражением его «видения», не только эстетического и философского, но и художественного и мифопоэтического, является утверждение все той же глобальной идеи природной а в т о х т о н н о с т и человека.

²¹¹ *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – С. 145-156.

²¹² *Горбачева Н.* «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» П.А. Словцова: проблема жанра // «Словцовские чтения-99». – Тюмень, 1999. – С. 244.

Крестовоздвиженская церковь

Этюд четвертый

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

*«О волны Иртыша седья!
А вы услышите мой прощальный глас:
Сибири больше нет: отныне здесь
Россия!».*

Алексей Хомяков. «Ермак». 1826 г.

*«Россия стала Россией,
когда вобрала в себя Сибирь».*

Михаил Гефтер. «Из тех и этих лет». 1991 г.

В самом деле, в чем, как не в земном происхождении и культуре человека по большому счету и жиздятся истоки его «жизненной силы» и формируются его идеалы? Естественно, в них. В них также заложены и общие законы или каноны красоты и мироощущения пространства в целом. Так, по утверждению исследователей по общей теории систем, законы пространственной гармонии близки законам гармонии цветовой и музыкальной. По мысли философов, в музыке как системе звукового образования физико-акустический уровень есть «естественно-природный, физический (–неживой”) срез звучания». Коммуникативно-интонационный уровень – «естественно-природный, интонационный или биологический (–живой”) срез звучания музыки»²¹³.

Вот почему пентатонический строй татарско-башкирских песен близок монголо-китайской ритмике и многим азиатским народам. Суть дела здесь в ритме пространства Центральной Азии – прародины тюркских и монгольских народов, их языков и культур, которая чуть ли не с рубежа новой эры обусловила ритм образа жизни, а также близкие мифологические образы и архетипы их соседствующих предков. Кстати, элементы пентатонного мышления свойственны также древнейшим русским народным песням²¹⁴.

«Пять ветров / Пять снегов / Пять дождей / Пять шагов / Пять стихов
/ Пять коней. Пентатоника – ты / Пентатоника – я / Пентатоника – инь /

²¹³ См.: Система. Гармония. Симметрия. – М.: Мысль, 1988. – С. 273; Ключев А.С. Философия музыки: современный взгляд // Музыка изменяющейся России. – Курск: Изд. КурскГУ, 2007. – С. 28-29.

²¹⁴ Пентатоника // Музыкальная энциклопедия / http://enc-dic.com/enc_music/Pentatonika-5....

Пентатоника – янь», - припомнились слова из песни О. Арёфьевой и группы «Ковчег» конца 1990-х.

А что общего в таких, например, словах как *весь, веси, весна, веселье*? Присовокупив к ним *вес* на *весах*, получим некий семантико-акустический ряд – предположительную частичку «объема образа»²¹⁵ искомой характеристики пространства (как внутреннего, так и внешнего) русского человека. Возможно, что это и «гипноз ономотопей» (греч. *делания имен / слов*), эдакое «шуршание воды по ушам» (Б. Пастернак). Тем не менее, настойчивое повторение ряда одинаковых звуков в языке изначально обусловлено пространством, имитацией «издаваемых» им звуков²¹⁶. А парасемантика – концепция семантики языка, основывается на том, что по идеи основоположника аналитической психологии К. Г. Юнга, составляющие значение слова смыслы часто образуются путем случайных ассоциаций²¹⁷.

Следовательно, бескрайность, изменчивость и открытость, в том числе к диалогу, пространства России, которое не позволяло находиться в положении «ставшего», предполагает исконное состояние его «становления», с присущим этому состоянию эмоциональным *на-строением*. Естественным образом это не могло не отразиться в языке и русской натуре, типичным признаком которой, по данным языка, является эмоциональность, ярко выраженный акцент на чувствах, их свободном изъяснении, высоком эмоциональном накале русской речи и богатстве языковых средств для выражения эмоций и их оттенков²¹⁸.

«Русская душа ушиблена ширию», она не вошла во внутрь...», - восклицал философ Н.А. Бердяев. Кроме пространства над ней властвовал

²¹⁵ Образ всегда связан с тем, что он отображает. Этим фиксируется, с одной стороны, существующее, с другой – его *представление*, по существу, некий познавательный конструкт. Но здесь, уверяют эксперты, совершается серьезная ошибка, ибо, как правило, подразумевается специфический продукт: зрительный образ, слуховой и т. п. «Мы невольно *фиксируем* отображение сущего на уровне конкретно-научного понятия, акцентируя лишь *некий* явленный аспект. ...Однако образ не только «продукт» или «результат», но, что чрезвычайно важно, – условие всякой деятельности. *Любимов Ю.В.* Образ другого (Восток в Европейской традиции). Статья первая // Историческая психология и социология истории. – 2009. – Т. 2. – № 2. – С.5-6. См. то же: www.socionauki.ru/journal/article

²¹⁶ *Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. – М.: «Молодая гвардия», 1995. – С. 15, 264-270.

²¹⁷ Парасемантика // *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века // Словарь культуры XX в. : philosophy.ru/edu/ref/rudnev/in... Подробнее см.: *Руднев В.* «Винни Пух» и «Китайская рулетка» (феноменология парасемантики) // Винни Пух и философия обыденного языка. 2-е изд., доп., исправл. и перераб. – М.: Аграф, 1996. – 62 с.

²¹⁸ *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – С. 33-35. См. то же: www.twirpx.com/file/125935/

климат, который приучал «великоросса к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил», а после – продолжительному отдыху «вынужденного осеннего и зимнего безделья», - дополнил его историк В.О. Ключевский²¹⁹. Русская пословица – «готовая формула нравственного поведения», критерий истины которой не в согласии с разумом, а в исконности нерушимого предания, завещанного от предков, рассказывает об этом так: «У нас, на Руси, силу за пазухой носи».

Отсюда и всем знакомое наше «трибожье»: «Авось, небось, да как-нибудь – первые супостаты наши»²²⁰. А к ним еще – «на наш век хватит», и иные нормы отношения к жизни, демонстрирующей наличие «элементов номадизма» в русском характере, в котором мало представлены понятия стабильности, качества, социального пространства, производственного успеха, индивидуальности и созидания, но господствует идея движения, освоения (земель, пространств). Так, во всяком случае, и не без оснований, полагают современные исследователи психологии россиян²²¹.

«Жизнь суперэтнических образований, - утверждал Л.Н. Гумилев, - протекает в особых ~~месторазвитиях~~»²²², выделение которых требует

²¹⁹ Бердяев Н. Азиатская и европейская душа // Бердяев Н.А. Судьба России. (Опыт по психологии войны и национальности). – М.: Мысль, 1990. – С. 60-61. См. также: http://koob.ru/berdyayev_n/; Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – С. 315; См. то же: <http://www.magister.msk.ru/library/history/history1>.

²²⁰ Здесь и далее приводятся русские народные поговорки из сборника В. Князева «Русь». См.: Князев В.В., Плотников М.П. Русь: Избранное / Сост. тома Ю.Л. Мандрики и В.А. Рогачева, предисл. В.В. Огрызко и В.А. Рогачева. – Тюмень: СофтДизайн, 1998. – С. 202-314.

²²¹ Бороноев А.О. Пространственные (территориальные) особенности России и элементы номадизма в психологии россиян // Русский вопрос: история и современность: Сб. науч. трудов. – Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 22-23; Кривошапова Т.В. Проблемы русской культуры в современном Казахстане // Русский вопрос: история и современность. – Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 71-75.

²²² Еще Г.В. Вернадский писал: «Евразия есть с конца XIX века область действия русского исторического процесса, русское историческое месторазвитие. Русская историческая наука должна овладеть историей этого месторазвития также и в более ранних эпохах (в течение которых Россия еще не охватывала целиком географической Евразии), для того, чтобы правильно понять разворачивание русского исторического процесса». П.М. Бицилли воздал должное Г.В. Вернадскому: «Излагая историю России в рамках истории Евразии, изучая Россию как геополитическую величину, говоря проще, изучая историю русского народа не только во времени, но и в пространстве, чего до сих пор не делали..., Вернадский тем самым восстанавливает права исторической реальности. Народ и место, на котором он развивается..., связаны неразрывной связью; ~~месторазвитие~~” так же ~~принадлежит к истории~~”, как и сам народ». Цит. по: Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 204-205. П.Н. Савицкий впервые и определил, что «Россия-Евразия есть обособленное и целостное «месторазвитие» Савицкий П. Географический обзор России-Евразии // Мир России – Евразия. – М.: Выс. школа, 1995. – С. 222.

знания исторической географии в аспекте связи «этнос – ландшафт»²²³. Но, по его твердому убеждению, нельзя отождествлять культурную традицию с традицией этнической. Особенно, когда речь идет о русской культуре, сформировавшейся на евразийском пространстве, которое никогда не ассоциировалось с одним этносом²²⁴. Говоря о Евразии, Л.Н. Гумилев, имел в виду не только огромный континент, но и сложившийся в центре его суперэтнос с этим же названием: «Этот континент за исторически обозримый период объединялся три раза. Сначала его объединили тюрки, создавшие каганат, который охватывал земли от Желтого моря до Черного. На смену тюркам пришли из Сибири монголы. Затем, после периода полного распада и дезинтеграции, инициативу взяла на себя Русь: с XV века русские двигались на восток, и вышли к Тихому океану. Новая держава выступила, таким образом, —наследницей» Тюркского каганата и Монгольского улуса»²²⁵.

Анализируя этническую историю Руси – России, Гумилев пришел к выводу, что причина возвышения Москвы, с точки зрения пассионарной теории этногенеза²²⁶, состоит в том, что Московское княжество привлекло множество пассионарных людей (то есть людей энергоизбыточного типа) разных национальностей. Москва сумела использовать их, объединив православной верой. Вопросы веры, свободы совести «определили третье направление приложения сил русских пассионариев». Произошедший здесь этнический синтез в фазе пассионарного подъема был решающим фактором. Этот пассионарный потенциал стал основой стремительного роста Московской державы, связанного с продвижением «встречь солнца». Восточное расширение границ было для новых пассионариев освоением

²²³ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М.: Экопрос, 1993. – С. 189; *Его же*. Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве» пресвитера Иоанна. – М.: «Ди-Дик», 1994. – С. 103; *Его же*. Этногенез и биосфера земли. 1-е изд. Депон. рук. 1978-79 гг. – М., б.г. – С. 172-173, 185-186.

²²⁴ Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. – М., 1992. – С. 309-310.

²²⁵ Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. – М., 1992. – С. 310. См. также: Новикова Л., Сиземская И. Политическая программа евразийцев: реальность или утопия? // Общественные науки и современность. – 1992. – № 1. – С. 106-107.

²²⁶ *Пассиона́рная теория этногенеза* – теория, описывающая исторический процесс, как взаимодействие развивающихся этносов с вмещающим ландшафтом и другими этносами. Теория разработана Л.Н. Гумилёвым. Она определяет и описывает понятия этноса (точнее: несколько видов этнических систем), вводит понятие пассионарности, описывает типичные процессы этногенеза и взаимодействия этносов. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. 1-е изд. Депон. рук. 1978-79 гг. – М., б.г. – С. 258-298, 335-350 и др. В настоящее время эта теория не является общепризнанной. Об этом и связанном с ним см. статьи В. Цымбурского и Марлена Ларюэля в сборнике: *Евразия. Люди и мифы*. – М.: Наталис, 2003. – С. 22-49, 50-64.

«привычного им кормящего ландшафта» знакомых евразийских степей. А для нового великорусского этноса своим антропогенным ландшафтом, привычным ареалом обитания становится вся евразийская территория. Следуя своей этнической доминанте, российский суперэтнос огромной миграционной волной устремляется на восток²²⁷.

Исходя из этого положения Л.Н. Гумилева, впрочем, проблема присоединения Сибири к России решается таким образом: движение России на восток рассматривается как естественный процесс формирования многонационального государства²²⁸. Вновь присоединенные области Сибири по существу «не были колониально вассальными, но втягивались в единую государственную народно-хозяйственную систему»²²⁹. И добавлю – в систему «государственного феодализма».

Другой аспект, связанный с колонизацией Сибири, на рассмотрении которого мы остановимся кратко. Еще именитый идеолог славянофил XIX века А.С. Хомяков подметил: «Россия приняла в свое великое лоно много разных племен: финнов прибалтийских, поволжских татар, сибирских тунгусов, бурят и др.; но имя, бытие и значение получила она от Русского народа (т. е. человека Великой, Малой, Белой Руси). Остальные должны с ним слиться вполне»²³⁰.

Сибирские областники считали колонизацию Сибири в особенности на первом этапе (последняя треть XVI - начало XVIII в.) «завоеванием», не отличаясь в этом от других дореволюционных историков²³¹. Однако в процессе метисации, смешения и ассимиляции – «обынородчения»

²²⁷ См.: Гумилев Л.Н. От Руси до России. – М., 1992. Ч. 3. «Царство Московское»; С. 308-310.

²²⁸ Ср.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI - начале XVIII века. – М., 1972. – С.119-120.

²²⁹ Бураева О.В. Проблема присоединения Сибири к России и евразийцы // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 118; Флоровский Г.В. Евроазиатский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евроазиатский соблазн. – М., 1993. – С. 257.

²³⁰ Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Полн. собр. соч. А.С. Хомякова. – М., 1900. – Т. I. – С. 27. Тема завоевания Сибири занимала в его творчестве существенное место, например, в романтической поэме «Ермак». См.: Хомяков А.С. Ермак // Полн. собр. соч. А.С. Хомякова. – М., 1900. – Т. IV. – С. 275-388. Этой безлюдной сибирской стране – «пространству смерти» – казаки противопоставляют «песнь», «отчизну», «тихий Дон», «мирные поля», «Русь Святую». Именно Родина оказывается для казаков источником жизненной силы. См.: Вахрушева А.Н. Романтическая концепция личности в трагедии А.С. Хомякова «Ермак» // Вестник Удмурт. ун-та. История и филология. – 2010. – Вып. 4. – С. 46-50.

²³¹ Например, см.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. – М.: Вост. лит., 1999. – С. 232-265, 272-293; Его же. История Сибири. Т. II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 26-37, 52-63, 91-114; Андриевич В.К. История Сибири. Ч. I. – СПб., 1889. – С. 131-159, 193-205; Ч. II. – СПб., 1889. – С. 139-176; и др.

«славяно-русской национальности» она, по их мнению, привела к сложению своеобразного «великорусского-инородческого» либо «народно-областного типа» или сибиряков – «русско-сибирскую народность»²³².

В интерпретации евразийцев этот процесс понимался не столько как моноэтнический – русский, сколько и прежде всего «многонациональный». Тогда как большей частью советских историков постулировалось утверждение о исключительно «русской колонизации» Сибири и её «преимущественно мирного присоединения» – тезис, имеющий давнишнее и прочное основание в отечественной исторической науке²³³. Последнее признается и ныне, имея на то справедливое право, однако с учетом сложного и противоречивого характера движения русских на восток²³⁴.

Вместе с тем сегодня приходит понимание того, что колонизацию Сибири не следует связывать лишь с русским этносом, а ментальность сибиряка прямо отождествлять с русским национальным характером. Для XVII века и других эпох нужно различать разные потоки переселенцев и их этнический состав. Если в отношении крестьянских миграций нет сомнений в их великорусском характере, то в отношении служилой, казачьей колонизации, преобладавшей до конца XVII века, эти сомнения есть. Историки выявили биографии большого числа «иноземцев» на русской казачьей службе в Сибири. Не только украинцев, белорусов, поляков и различных «литвин», но и немцев, французов, голландцев,

²³² Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Щапов А.П. Собр. соч. – СПб., 1906. – Т. 2. – С. 31-55; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – Тюмень, 2000. – Т. I. – С. 13-60, 61-95, 134-148; Зубков К.И., Шиловский М.В. Сибирское областничество: истоки и эволюция // Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX в. – М.: Наука, 2004. – С. 411–448.

²³³ См.: Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – С. 5-10, 11-136 и др.; Его же. Вопросы аграрной истории России. – М.: Наука, 1974. – С. 210 – 211, 231; Бояришинова З.Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству // Тр. Томск. гос. ун-та. Сер. соц.-экон. и ист. наук. Т. 136. – Томск: ТГУ, 1957. – С. 147-156; История Сибири. Т. 2. – Л.: Наука, 1968. – С. 5-6, 25-55, 56, 59-60, 503-508; Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII - начале XIX вв. Омск, 1973, с. 4-8, 61; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. – М.: Наука, 1972. – С. 48-55, 81-82, 118-120, 166-171, 368-369; Миненко Н.А. Урал и Сибирь конца XVI - первой половины XIX века в новейшей отечественной историографии // Культурное наследие Азиатской России. – Тобольск, 1997. – С. 24-30.

²³⁴ См.: Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Культурный космос Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 124-136; Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. – М., 2004. – С. 33-34; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск: Изд. Дом «Сова», 2005. – Гл. 1. См. то же: history.nsc.ru/kapital/project/fron...; Любимов Ю.В. Образ Другого (Восток в европейской традиции). Статья вторая // Историческая психология и социология истории. – 2010. – Т. 3. № 1. – С. 21-47. См. то же: www.socionauki.ru/journal/articles/...

англичан, шотландцев, венгров, греков, молдаван, шведов, испанцев и даже одного «африканского арапа». И это не считая ассимиляции и аккультурации русских с «туземцами» края. Но общие условия сибирской жизни и хозяйственной деятельности постепенно стирали все этнические различия, превращая всех в русское старожильческое население²³⁵.

Служилая колонизация, таким образом, была самой интенсивной силой в присоединении и освоении Сибири XVII века, и эта ситуация должна была как-то отразиться на формировании сибирского характера. И отразилась прямо, непосредственно формированием особой ментальности сибиряков, осознанием своей самоидентификации, а также их восприятием русскими переселенцами в Сибирь после 1861 года как «чалдонов»²³⁶. Однако базой этого формирования была все же русская культура и ментальность.

В этом смысле русская нация – это не только генетическая память поколений, язык, традиции, обычаи и определенный культурный уровень. Но, как верно заметил историк Сибири Д.Я. Резун «еще и социально-психологическая категория, уровень мышления и мировоззрения, который позволял в историческом круговороте народов и племен открыто, непредубежденно воспринимать и принимать культуру и обычаи других народов, органично вписывать «иноземцев» в свою национальную культуру, характеризующуюся большим многообразием форм и типов»²³⁷.

²³⁵ Резун Д.Я. Именной и биографический словарь «немцев» в Сибири XVII в. // Немецкий этнос в Сибири. – Новосибирск, 2000. – Вып. 2. – С. 67-77; Соколовский И.Р. О «литве» в Сибири XVII в. // Белорусы в Сибири. – Новосибирск, 2000. – Вып. 1. – С. 22-64; Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 53-84; Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири в XVII веке. – Новосибирск: Наука, 1988 – С. 26-84; Шахеров В. Между Западом и Востоком: взаимодействие культур как фактор формирования экономического и социально культурного пространства Сибири // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. – Иркутск: НБ ИГУ, 2004. – С. 19-20. См. http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib

²³⁶ См.: Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. – Новосибирск: Наука, 1993. – 250 с.; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск, 2005. – Гл. 3; Шиловский М.В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. – Новосибирск, 2003. – Вып. 3. – С. 101-118; Шахеров В.Н. Между Западом и Востоком: взаимодействие культур как фактор формирования экономического и социально культурного пространства Сибири // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. – Иркутск: НБ ИГУ, 2004. – С. 19-20; Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. – Томск, 2008. – С. 20-29.

²³⁷ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 41.

Для образа Сибири, по мнению культуролога Д.Н. Замятина характерно в основном развитие двух ментальных страт: страты географического образа (умозрительных, заимствованных и отчасти переработанных) и страты культурных ландшафтов, где преобладает непосредственная рецепция при слабом развитии оригинальных и самобытных знаково-символических конструкций, в основном заимствованных из Европейской России²³⁸.

А что касается соотношения западного и восточного влияния, роли и значения культурных традиций этих двух грандиозных цивилизаций, то и на сегодня остаются весьма верными слова Ф.М. Достоевского: «Вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России все еще как будто существует в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться». Справедливо полагая такое пренебрежительное отношение российского центра к своей сибирской окраине недопустимым, он писал далее: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии... Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход»²³⁹.

Строго говоря, культуру России евразийцы понимали не только как русскую культуру, но как живое, органическое единство культур, сложившихся на просторах Евразии – «евразийский культурный тип»²⁴⁰. «Культура России, - писал знаменитый евразиец экономист и географ П.Н.Савицкий, - не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и другой. Она –

²³⁸ Замятин Д.Н. Географические образы Сибири: специфика становления и развития // library.ikz.ru/georg-steller/aus-si...

²³⁹ Достоевский Ф.М. Полн. Собр. Соч.: В 30 т. Л., 1984. – С. 33. Цит. по: Шахеров В.Н. Между Западом и Востоком: взаимодействие культур как фактор формирования экономического и социально культурного пространства Сибири // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. – Иркутск: НБ ИГУ, 2004. – С. 20.

²⁴⁰ Здесь следует хотя бы кратко отметить, что основоположником «цивилизационного подхода» к истории и культуре человечества является видный славянофил историк и социолог Н.Я. Данилевский, впервые выдвинувший идею о множественности «культурно-исторических типов». См.: Данилевский Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. – М.: «Книга», 1991. – 574 с. А предпосылкой тому послужило учение славянофила А.С.Хомякова об уникальности культурно-исторического творчества отдельных народов. О.Шпенглер и А.Тойнби, по сути, развили идею множественности культур (цивилизаций) в философском контексте, осуществив прорыв в западной общественной мысли. Абалкин Л.И. Н.Я. Данилевский о России, Европе и славянском единстве // Социологические исследования. – 2003. – 5. – С. 3-7; *Философия культуры*. Становление и развитие. – СПб.: Изд-во «Лань», 1998. – С. 151-155, 161-164, 172-175; Сенюткина О.С. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). – Ниж. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2007. – С. 7-8. См. то же: www.idmedina.ru/books/regions/?1638

совершенно особая, специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская и азиатские. Её надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную, евразийскую культуру»²⁴¹. Субъектом этой особой «срединной евразийской культуры», по терминологии классиков евразийства, является «симфоническая личность», или иначе «культуро-личность»²⁴². Такими симфоническими «культуро-личностями», по сути, сами евразийцы были и оставались до последнего²⁴³.

* * *

Проблема связи географического пространства («духа ландшафта», «сил земли»), в котором сформировался, живет и развивается народ, с особенностями его хозяйства и образа жизни, социальным укладом и складом характера, обычаев, веры и памятниками культуры, поднималась в отечественной философской и исторической мысли давно и неоднократно (Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, В.О. Ключевский, Н.А. Бердяев, П.Н. Савицкий, М.М. Бахтин и др.). Но долгое время она пребывала зачастую в тени, оставаясь большей частью уделом трудов «последних евразийцев» и интеллектуалов-гуманитариев (Л.Н. Гумилев, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман и др.).

²⁴¹ Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 39-40.

²⁴² Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 21-22, 35-36, 39-43, 99 и др.; *Евразийство* (Опыт систематического изложения) // Мир России – Евразия: Антология / Сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Выс. школа, 1995. – С. 256; Трубецкой Н.С. Мы и другие // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С. 77-89; Исаев И. Евразийство: Идеология государственности // Общественные науки и современность. – М.: Наука, 1994. – № 5. – С. 45.

²⁴³ В основе учения евразийцев одни авторы выделяют четыре идеи, которые определяли его парадигму: 1) утверждение особых путей развития России как Евразии; 2) обоснование идеалов на началах православной веры; 3) идея культуры как симфонической личности; 4) признание необходимости такого государственного устройства, которое бы обеспечило развитие России-Евразии по пути к ее идеалам. Новикова Л., Сиземская И. Политическая программа евразийцев: реальность или утопия? // Общественные науки и современность. – 1992. – № 1. – С. 104-109; Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С. 3-23, 48-229. Другие – усматривают в евразийстве оригинальный синтез трех учений: 1) византизма поздних славянофилов, соединенного с неприятием европейской цивилизации Нового времени; 2) восточничества «поворот к Востоку (Азии)», т.е. признание единства исторической судьбы и культуры русского и туранских (восточных) народов; 3) политико-экономическое учение, близкое к марксизму по своим политическим выводам (евразийцы целиком принимали тактику большевиков в смысле их организационной структуры и политического строя). Самохин А.В. Исторический путь евразийцев как идейно-политического течения // Альманах «Восток» – 2004. – № 3(15). Впрочем, сам евразиец № 1 кн. Н.С. Трубецкой заметил, что «все это сходство (с большевизмом – И.Б.) только внешнее, формальное». Трубецкой Н.С. Мы и другие // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С. 86.

В конце XX столетия геополитическое пространство России, которое воспринималось россиянами «как естественным образом наличествующее, природное», претерпело по выражению культурологов, «усыхание» и «размывание», «лишившись насыщавшей его энергии –еобирателя»²⁴⁴. Последний и сам, оставшись без *при*-родной подпитки, в том числе и геополитической, мыкался в этом пространстве, пытаясь понять, где оно находится, и собрать оставшиеся у него энергетику и ценности для его (и своего) будущего обустройства. Кроме воспоминаний о (былой) родине у него ничего (в 1992-93 – буквально) почти «за душой» и не осталось. На географической карте страны произошли такие масштабные изменения²⁴⁵, что под вопросом оказалось единство самого пространства России²⁴⁶.

Тогда же географы культуры, или антропогеографы констатировали тенденцию «сжатия» Российско-Евразийского мира: его иноэтничные периферии, оказавшиеся особенно за пределами Российской Федерации, постепенно ослабляют культурные связи с «русским ядром» и усиливают свою ориентацию на другие центры и страны. И что дальше? А то, что длительное время продолжающиеся дезинтеграционные процессы «способны в долгосрочной исторической перспективе привести к разрушению Российско-Евразийского культурного мира..., включению его периферийных фрагментов в соседние культурные миры, и даже к потере русско-православным ядром культурно-исторической субъективности в силу утраты традиций»²⁴⁷.

²⁴⁴ Беспалова Ю.М. Региональная культура в социокультурном пространстве России // Словцовские чтения – 99. – Тюмень, 1999. – С. 235.

²⁴⁵ Бুদ্ধков С.Т. Изменения на географической карте как результат обострения межнациональных отношений // Региональные проблемы межнациональных отношений в России: Материалы Всероссийской конференции. – Омск: ОмГУ, 1993. – С. 44-48.

²⁴⁶ На территории бывшего СССР, по данным 1993 г., было 143 очага территориально-этнических конфликтов, вызывавших потоки эмигрантов и беженцев в Россию. И в это же самое время одни деятели культуры (поэтесса Ф. Байрамова) призывали «поднять вопрос о присоединении к Татарстану земель, принадлежащих издревле татарам, где и сейчас они проживают, – Симбирска, Самары, Саратова, Астрахани». Некоторые другие деятели, разыгрывая национальную карту, взывали «о необходимости реабилитации репрессированного народа манси». На «восстановление уникальных традиций, образов и обычаев одного из древнейших народов, исконно проживающих на территории России», ими требовалось не много немало как «территория гг. Нягань и Урай, Березовский, Кондинский, Октябрьский и Советский районы Тюменской области». См.: Викторин В.М. «Калмыцкая» и татаро-ногайская проблемы в общественно-политической ситуации Астраханской области (1990–1993 гг.) // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. – Омск: ОмГУ, 1993. – С. 64; Васильев В.И. Проблемы национальной государственности малочисленных народов Тюменского Севера // Региональные проблемы межнациональных отношений в России: Материалы Всероссийской конференции. – Омск: ОмГУ, 1993. – С. 56-59.

²⁴⁷ Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Ин-ут Наследия, 1998. – С. 110-111.

Между тем, традиционно считалось и считается до настоящего времени, что пространственная характеристика России, включающая в себя представления о бескрайности и широте её просторах, о суровости и красоте русской природы, о множестве народов, составляющих единый русский народ, содержит смысл и организующее начало русской культуры, которая объединяет людей на основе их сопричастности к общей историко-политической и историко-культурной судьбе. В процессе этнической истории и культурогенеза русский народ и русская геополитическая экспансия объединили множество этносов и культур в единое целое – Россию: Российская империя – СССР²⁴⁸.

«Россия – это не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, это – целый мир особой жизни, особый государственный мир», - отмечал писатель, публицист и философ из поздних славянофилов второй половины XIX века К.Н. Леонтьев²⁴⁹. «Россия – это мы» – провозглашала рекламная заставка, не сходявшая с теле и радио эфира в конце века XX-го, провозглашавшая единство и своеобразие россиян, в то время в основном уже эмигрировавших из «азиатский владений» и «горячих точек» России. Но..., куда деваться – «мила та сторона, где пупок резан».

«А... русский народ, потому что само название – «русский» – родился в Киеве... А великая Русь возникла уже при расширении этноса, когда были заселены многие другие земли. <...> Россия – это иная, другая суперэтническая структура. Со своими границами, созданными тысячелетия назад». «Мы должны понимать..., что великую Россию – от океана до океана – нельзя делить ни на какие куски, все эти куски умрут сами по себе. <...> Но когда мы обо всем этом говорим, не надо забывать про минувшие 70 советских лет... издевательства, прежде всего над русским народом <...> И здесь спрос по большому счету и с нас – с русского народа... И сегодня перед нами, как всегда, – великая задача... Мы всегда были готовы, мы всегда были рады взвалить на себя сам свод небесный – и держать... Если мы сейчас устоим – то дальше, я полагаю, должно быть лучше. Важно сейчас...».

²⁴⁸ Козлов В.И. История трагедии великого народа. Русский вопрос. – М., 1996. – 26-35;

Туrowsкий Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 57-61.

²⁴⁹ Савицкий П.Н. Географический обзор России – Евразии // Мир России – Евразия. М.: Выс. школа, 1995. – С. 226; *Его же*. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 287.

Эти слова из последних строк крупного исторического писателя России нашего времени, Дмитрия Балашова²⁵⁰, просто нельзя было не процитировать, ибо они – его «завещания» русскому народу. Беда вот только в том, что писатель погиб в 2000 году, как сообщалось, от руки своего собственного сына. Однако, как говорится, не будем о грустном.

То обстоятельство, что большевикам, спустя лихолетье гражданской войны и интервенцию, нескольких лет распада и разрухи удалось воссоздать государство в границах Российской империи, позволило многим в начале XX века увидеть в этом историческую судьбу. И первым евразийцам, оказавшимся в эмиграции, показалось, что Россия «силоу вещей» вошла в «естественные границы», которые не могут не иметь культурного смысла. Он был определен ими как «евразийский культурно-исторический тип», имеющий своё обозначенное физико-географическими границами особое «месторазвитие»²⁵¹.

В конце XX столетия исследователи отметят, что культурное единство России, когда евразийцы создавали свои работы, «еще не было исторической данностью»²⁵². Не прошло и 80-ти лет, как выяснилось, что культурные границы совершенно не обязаны совпадать с природными, этническими и тем более с этнополитическими. В реальности они сплошь и рядом не совпадают. Оказалось, что культурно-географическая Евразия существенно меньше, чем Евразия евразийцев, в том числе политическая, даже в максимальных Союзных границах. И когда в конце XX века настала пора подводить итоги, главным из них – был развал империи, в процессе которого русские и получили свою государственность, по существу впервые в XX веке.

Распад СССР произошел удивительно легко, и русский народ – созидатель великой империи – созерцал этот процесс совсем безмолвно, как историческую закономерность. Отчасти он даже его поддерживал и способствовал, видя стремление других народов к «свободе». Хотя в марте 1991 года подавляющим большинством проголосовал за сохранение и целостность Союза. «И ведь никто, ни один человек не вышел на улицу

²⁵⁰ Балашов Д. Россия... Русь... спаси себя, спаси... // Север. – Петрозаводск, 2001. – № 1-2. – С. 44-46.

²⁵¹ *Евразийство* (Опыт систематического изложения) // Мир России – Евразия: Антология / Состав. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Выс. школа, 1995. – С. 256; Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 284-286.

²⁵² Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 80.

или на Красную площадь, чтобы опротестовать, безусловно, своевольное, юридически неправомочное решение, не воспользовался этим своим правом при свете гласности и свободы слова. Тогда как в тоталитарные времена нашлись целых восемь (!) человек, открыто выступивших против ввода советских войск в Чехословакию», - пишет в связи с этим фактом философ В.И. Толстых²⁵³.

Выходит: «Не из одних яслей, да одних мыслей». Но эта мудрость народная как то не стыкуется с единомыслием советского народа. Оно и не мудрено, потому как «советского народа» тоже не стало – он перестал существовать. Возьмем другой вопрос, приводимый этим же автором: «почему миллионы русских позволили среди бела дня ограбить себя правительству Егора Гайдара в 1992 году, затем обмануть еще и еще раз, смирившись с грабительской приватизацией –но Чубайсу?»²⁵⁴.

Чем это можно объяснить: «элементами номадизма» в психологии россиян? Но ведь, если говорить о «советском образе жизни», то стабильность, какая-никакая, была и почище нынешней. Социокультурное пространство то же было единым – советским. Разве нет? Качества жизни, в отличие от «Знака качества», правда, не было повсеместно. Успехи производительности труда в итоге тоже оказались «липой» – прилавки были пусты. Да мало ли чего еще не было. Но не осталось самого главного – иссякла идея созидания «прекрасного далека». Как сказал о России начала XX века Г.П. Федотов: «Наша история снова лежит перед нами, как целина, ждущая плуга... Национальный канон, установленный в XIX веке, явно себя исчерпал. Его эвристическая и конструктивная ценность ничтожны. Он давно уже звучит фальшью, а другой схемы не создано. Нет архитектора, нет плана, нет идеи»²⁵⁵.

Ну, как «если русский усомнится в абсолютном идеале, то он может дойти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему», - заметил в «Характере русского народа» российский философ Н.О. Лосский (1870 – 1965). Развивать эту мысль далее, наверное, не стоит. Хотя бы потому, что в русском характере кроме многих отрицательных черт, по существу

²⁵³ Цит. по: *Переяслов Н.* Современная русская литература перед необходимостью обновления // Север. – Петрозаводск, 2001. – № 1-2. – С. 164.

²⁵⁴ *Переяслов Н.* Современная русская литература перед необходимостью обновления // Север. – Петрозаводск, 2001. – № 1-2. – С. 164.

²⁵⁵ *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. – СПб., 1991. – С. 66. Цит. по: *Янов А.* Введение к первой книге трилогии «Россия и Европа. 1462–1921» // www.politstudies.ru/universum/dossi...

вторичных, являющихся оборотной стороной основных его первичных свойств. А среди них он выделил: религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, вообще доброта, чуткое восприятие чужого душевного настроения, могучая сила воли, любовь к свободе, а также её высшее проявление – свобода духа и прочие²⁵⁶.

И, может быть, все это глубоко заложено в нашем национальном характере, этнопсихологический портрет которого был составлен по данным русского языка и литературы Анной Вежбицкой. Американская исследовательница при семантическом анализе слов *душа*, *судьба* и *тоска* – «универсальных понятий русской культуры» выписала четыре типичных связанных друг с другом признака русской натуры:

(1) «*эмоциональность* – ярко выраженный акцент на чувствах и их свободном изъяснении...»; (2) «*иррациональность*» («нерациональность» – ...подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни; (3) *негативность* – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена и «склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности»; недостаточная индивидуальность в достижении своей цели; (4) *любовь к морали* – абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбу добра и зла...» и крайние моральные суждения²⁵⁷.

В принципе это не противоречит ни духовным основам «первичных качеств» русского характера, выделенных Н.О. Лосским, ни «элементам номадизма» в нём, определенных современными авторами. Первичны ли последние или вторичны? – мне трудно судить. Но одно могу сказать более или менее уверенно: ментальность в определенной степени, как отмечалось выше, тоже обусловлена природным и историко-культурным пространством, которое прирожденно формирует нашу натуру, равно как и «вторую натуру» – культуру. А противоречий и непонимания тут хватает.

«Русский характер, как и наша история, и культура, неоднозначны, в них сосуществовали и сосуществуют противоположности, антиномии. Русский язык содержит в себе именно этот неоднозначный образ русского

²⁵⁶ Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра. – М., 1991. – С. 259-360. См. также: Лумпова С.М. Н.О. Лосский о русском характере // www.eunnet.net/sofia/05-2002/text/0...

²⁵⁷ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. статья Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – С. 33-34.

человека», - такова точка зрения оппонента А. Вежбицкой, российского исследователя этого вопроса М. Одинцовой²⁵⁸.

Откровенно по русской натуре выразился В.И. Толстых: «...я готов признаться, что не понимаю, а значит, не знаю, что же такое ~~русский~~ характер», во что он верует и на что надеется, позволяя стране и самому себе опускаться все ниже и ниже, вплоть до, увы, реальной угрозы самоистребления и самоизчезновения»²⁵⁹. «Как видим, - комментирует данное высказывание философа литературовед Н. Переяслов, - опасность самоизчезновения русской нации становится очевидной уже и для ученых, хотя, как ни парадоксально это звучит, в основе этой тенденции лежит именно русская ментальность. То есть... русский человек в глубине своего подсознания всегда надеется на милость и помощь Бога, глубоко, едва ли не на генетическом уровне веруя в Него... Вот откуда проистекает так удивляющая... Толстых и западных наблюдателей постоянная надежда на «авось пронесет», «все образуется»..., и где у русских заключен корень долготерпения и равнодушия к собственной судьбе»²⁶⁰. Возможно, что это так и есть на самом деле.

Тютчевское «Умом Россию не понять, одним аршином не измерить», встречающееся в разных вариантах достаточно часто, – все ещё остается одним из давних дискуссионных концептов характера русского народа. Вместе с тем историко-генетический метод его постижения был предложен ещё русским философом Г.П. Федотовым в работе «Русский человек» (1938). Здесь автор уподобляет свой метод реконструкции «русской души» снятию слоями (как с луковицы) культурно-исторических пластов, пока не дойдём до «неразложимого ядра»²⁶¹. Г.П. Федотов поэтапно прослеживает исторические напластования русского характера, оставленные варяжским, удельно-вечевым и новгородским слоями русской истории. Уделяет особое внимание «московскому человеку», рассматривая его как самый могучий,

²⁵⁸ *Одинцова М.П.* Критический анализ попытки А. Вежбицкой построить этнопсихологический портрет русского человека по данным русского языка // *Русский вопрос: история и современность: Сб. научных трудов.* – Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 185.

²⁵⁹ Цит. по: *Переяслов Н.* Современная русская литература перед необходимостью обновления // *Север.* – Петрозаводск, 2001. – № 1-2. – С. 164.

²⁶⁰ *Переяслов Н.* Современная русская литература перед необходимостью обновления // *Север.* – Петрозаводск, 2001. – № 1-2. – С. 164-165.

²⁶¹ *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: Избр. статьи: в 2 т. – СПб.; София, 1991. – Т. 1. – С. 42-46; См. также: *Миненко А.Г.* Русский национальный характер в историософии Н.А. Бердяева и Г.П. Федотова: методологический анализ // *Русское слово в культурно-историческом и социальном контексте. Сб. статей.* – Кемерово; Далянь, 2010. – Т. 1. – С. 88.

устойчивый тип национального характера – «становой хребет России». Отдает дань имперскому человеку, который, на его взгляд, двоится: «русский европеец» – неутомимый созидатель Империи, и вечный скиталец – «лишний человек» петербургского века. Высказывает глубокие мысли о трансформации русского характера в первые два десятилетия советской истории.

Методологический подход, обоснованный и реализованный в творчестве Г.П. Федотова, по мнению современного культуролога из Кемерово А.Г. Миненко, в настоящее время «должен выступать в качестве основного». И «его возможности возрастают» при этом по той причине, «что закончился советский период истории России и начинается подведение итогов эпохи». Открылось много нового источникового материала, в последние 20 лет «появилось немало научных публикаций о современных особенностях «русскости», - которые на его взгляд, - должны быть осмыслены и учтены»²⁶².

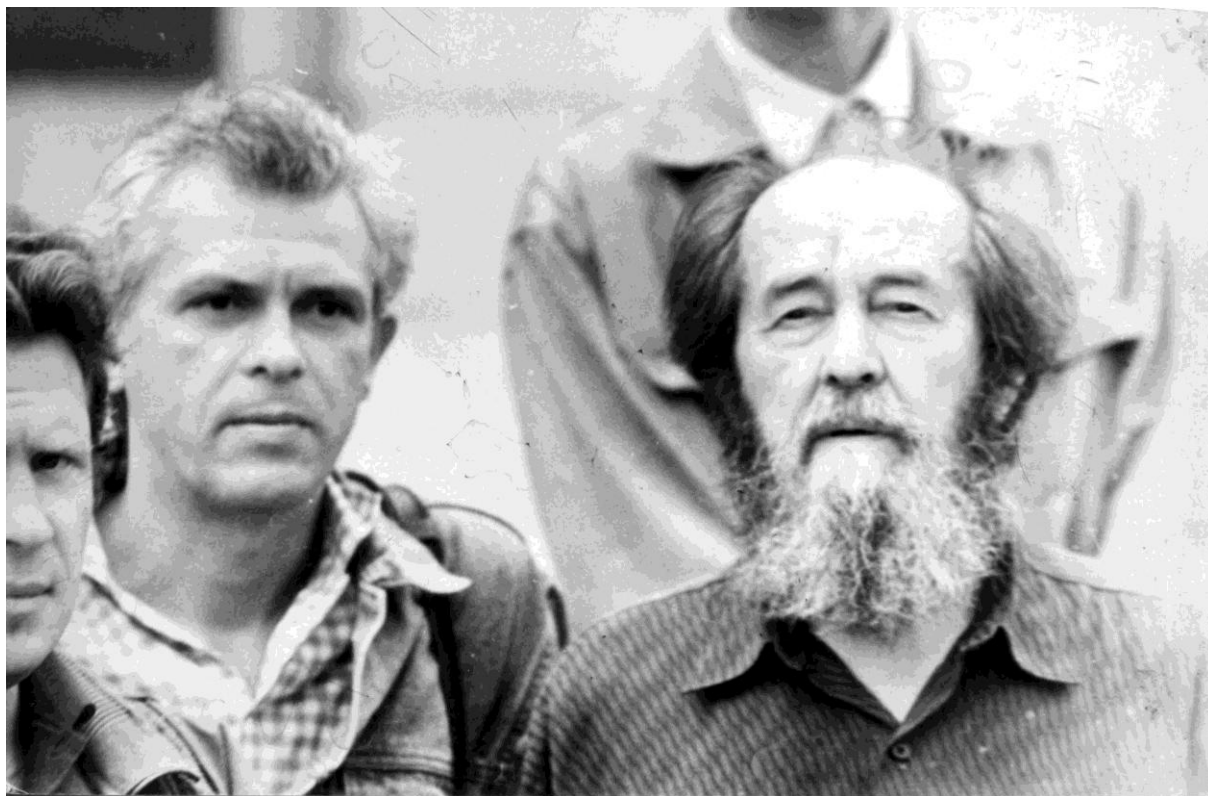
И «русский вопрос» также не является в науке вопросом сугубо ментальным. Под ним ученые понимают две основные группы проблем. Одна из них и, пожалуй, самая наиважнейшая состоит в «понижении жизнеспособности русского этноса». Эта проблема проявляется «в его обозначившейся физической деградации и вымирании с угрожающими темпами этого процесса», а кроме того – «в его социально-культурном упадке, в забвении исконно русской культуры и добрых отеческих традиций, в утрате духовного начала в жизни»²⁶³.

Очевидность этой проблемы отмечалась не только отечественным ученым, но и писателям – классиками современности: «И вот мы докатились до Великой Русской Катастрофы 90-х годов XX века... В Катастрофу входит – прежде всего, наше вымирание. И эти потери будут расти: в нынешней непроглядной нищете сколько женщин решатся

²⁶² Миненко А.Г. Русский национальный характер в историософии Н.А. Бердяева и Г.П. Федотова: методологический анализ // Русское слово в культурно-историческом и социальном контексте. Сб. статей. – Кемерово; Далянь, 2010. – Т. 1. – С. 89.

²⁶³ Козлов В.И. История трагедии великого народа. Русский вопрос. – М., 1996. – С. 3. В 1960 г. Россия (без учета других республик) занимала 4-е место в мире по численности населения. В 2010 г. она опустилась на 9-е место. С 1993 по 2010 г. численность её населения сократилась с 149 до 142 млн. Недавно Берлинский институт народонаселения в докладе «Исчезающая мировая держава» опубликовал анализ демографических процессов в России и странах СНГ. В нем сказано, что в результате стремительного демографического спада Россия может потерять к 2050 г. еще 25 млн. человек См.: Жолквер Н. Немецкие демографы: Россия – исчезающая держава // www.bfm.ru/articles/2011/04/13/nemeckie-demografy-rossija-ischezajushhaja-derzhava.html

рожать?»²⁶⁴, - вопрошая писал А.И. Солженицын в 1994 году, будучи в штате Вермонт (США) накануне своего возвращения в Россию²⁶⁵. С 1990-х годов и до сих пор существует острая необходимость как *при*-рождения – прироста жизни, так и обретения «силы жизни» русским этносом и его заветных традиций и идеалов.

А.И. Солженицын и автор после экскурсии в Тобольский музей, Тобольск, июнь 1994 г.

В этих условиях изучение проблем состояния и функционирования российского культурного и социокультурного пространства, тесно связанного с географическими, экономическими, политическими, историческими, этническими, религиозными и иными особенностями территории проживания этноса, приобрели жизненную актуальность. Всё

²⁶⁴ Солженицын А. «Русский вопрос» к концу XX века // Новый мир. – 1994. – № 7. – С. 135-176.

²⁶⁵ 45-й день своего возвращения А.И. Солженицын провел в Тобольске. Здесь его интересовало многое, в первую очередь сам Тобольск – «город картинный, неповторимый, его надо снимать и снимать», - сказал писатель операторам телекомпании Би-Би-Си, получившей право на создание фильма о его возвращении в Россию. Он побывал на «Завальном кладбище» – месте упокоения декабристов, затем – на месте заточения царской семьи Николая II и в известном Тобольском центре – каторжной тюрьме царского времени и бывшего пространства ГУЛАГа. Солженицын посетил также старейший в Сибири Тобольский музей, где особое его внимание привлекла этнографическая экспозиция, заслуженно пользовавшаяся популярностью. После экскурсии автор этих строк имел честь сфотографироваться с Александром Исаевичем. Этот снимок я впервые и поместил в книгу в память о А.И. Солженицыне как единственный фотодокумент о его пребывании в Тобольске.

чаще ученые пишут о культурологической значимости этого пространства – «культуросферы». Говорить о культурном многообразии России и «русском вопросе», приведшим к развалу СССР – стало в конце XX - начале XXI века общим местом²⁶⁶. И сегодня «русский вопрос» в самой России – один из центральных. Различные политические силы все чаще пытаются взять эту тему на вооружение.

Думается, что одна из составляющих «русского вопроса», по части «жизнеспособности русского этноса», сегодня и состоит как раз в том, чтобы определить потенциал жизнеспособности русской культуры, её скажем так «запас прочности», а также медиакультурные ресурсы. Но для этого вначале нужно выяснить и установить четкие границы культурно-географического пространства России. Известно ведь: «Русский человек без родни не живет» – добродушно напомним пословица. Но у него же и «сватьев не оберешься, свояков не огребешься, а женской родни – до Москвы не перевешаешь» – круто осерчает она, коли дело дойдет до размежевания, того же культурного ландшафта в том числе.

* * *

Разработкой этой проблемы занялись подвижники новой, точнее сказать возрожденной научной дисциплины – культурной географии, или антропогеографии (англ. Human geography), забытой в стране в 1950-е – 1980-е годы. Предметом культурно-географического изучения является «территориальная дифференциация явлений культуры». А особенность одной из её ветвей – культурно-географического ландшафтоведения – заключается в «выявлении сложившихся на Земле природно-культурных территориальных комплексов, называемых *культурными ландшафтами*». Немецкое слово *landschaft* определяется как территория, обладающая как физико-географической, так и культурной ценностью, в основном своём значении оно сходно с английским *region*. Некоторые географы полагают, что ландшафт имеет также эстетическое или духовное содержание, потому что, обустроявая пространство своего бытия, люди наделяют ландшафты символическими значениями. Культурно-ландшафтный подход полагает,

²⁶⁶ Например, см.: *Русский вопрос: история и современность*. Тез. докл. Всеросс. науч. конф. – Омск: ОмГУ, 1992. – Ч. I. – 120 с.; Ч. II. – 96 с.; *Русский вопрос: история и современность*. Сб. науч. тр. – Омск: ОмГУ, 2000. – 295 с.; *Лапин А.А.* Русский вопрос. – М.: Свободная пресса, 2006. – 271 с.; *Русский вопрос*. Антология. – М.: Экономика, 2007. – 284 с. См.: Интернет-журнал «Русский вопрос»: www.rusvopros.ru/news.php?news_part...

что ландшафт представляет собой не однородное пространство, а цельную и сложную систему, сформировавшуюся исторически «под воздействием множества факторов как собственно культурных, так и природных»²⁶⁷.

Первоочередная задача исследователей состояла в том, чтобы определить: что собой представляет культурное пространство Отечества – «Русский мир» – с культурно-ландшафтной точки зрения. Они исходили из того, что культурный ландшафт по принципу креативной морфоструктуры включает природный и антропогенный слои. При этом антропогенный слой состоит не только из материальных, воплощенных в материи форм (телесных, зримых). Но и из форм духовной жизни – «образцов духовной культуры, т. е. разделяется на воплощенный (материальный) и духовный (идеальный) слои»²⁶⁸.

Иначе говоря, культурный ландшафт имеет не только пейзажную форму проявления – это лишь только его проекция на территорию, её «телесная оболочка». Кроме того, он обладает духовным наполнением – «потенциалом интеллектуально-духовной энергии» (Ю. Веденин), которая не всегда уловима визуально, но по любому участвует в ландшафтогенезе. Каждая территория, таким образом, является как бы носителем множества культурно-исторических особенностей, которые совсем не обязательно могут быть выражены на местности. Составной частью ландшафта являются, в частности, исторические события, знаменитые люди, жившие и творившие на этой территории, образцы культуры, созданные в этой местности и описывающие её, этнокультурные особенности местного населения, язык, религия, искусство, образ жизни, включая архетипы сознания и поведенческие императивы и т.п. Итак, любой культурный ландшафт формируется человеческим духом в его взаимодействии с природной основой. По образному выражению Ю. Веденина, «природный ландшафт становится ареной, на которой человеческий дух реализует свои замыслы»²⁶⁹.

В поле зрения географов культуры находятся как историческая, или временная структура культурного ландшафта – «прошлые исторические

²⁶⁷ Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 8, 15-16, 35.

²⁶⁸ Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 27.

²⁶⁹ Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР. Сер. географическая. – 1990. – № 1. – С. 6-7; Очерки по географии искусства. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин»; М.: Институт наследия, 1997. – С.10. См. также: Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 26.

слои рассматриваются как культурное наследие данной территории, а современный исторический пласт представляет собой живую культуру». Так и его территориальная сторона: «деление культурного ландшафта на географические местности, каждая из которых характеризуется определенным набором природных и культурных характеристик». А также функциональная роль культурного ландшафта, в которой он «разделяется на центры инновационной культуры (территории с более выраженным производством или заимствованием инноваций) и центры традиционной культуры (территории, воспроизводящие и развивающие традиции)»²⁷⁰.

Таким образом, *культурный ландшафт – это «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного воздействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности»*²⁷¹.

Культурно-ландшафтное районирование или выделение культурных ландшафтов в пределах страны (края, земли) осуществляется учеными - антропогеографами «через определение территорий, характеризующихся уникальным сочетанием культурных и природных признаков». Наиболее существенные из них: этнические, лингвистические, конфессиональные и природные. Несколько меньшее значение имеют политико-исторические свойства. При этом особо оговаривается, что «строгую, единственно возможную... схему культурно-ландшафтного районирования той или иной страны построить невозможно». В каждом случае это будет являться

²⁷⁰ Ведин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР. Серия географическая. – 1990. – № 1. – С. 10; Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 29-30, 33. Ю. Ведин рассматривает структурирование культурного ландшафта как процесс формирования его территориальной структуры типа «центр – периферия». Ведин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта // Изв. АН СССР. Сер. географическая. – 1990. – № 1. – С. 3-17. Р. Туровский считает, целесообразнее говорить не о территориальной, «а о функциональной, или ролевой структуре культурного ландшафта», так как различные местности имеют свой набор культурологических ролей: «Одни местности –специализируются» на новационной культуре (свойство центральности) и выполняют функцию центра, другие – на традиционной (свойство периферийности) и являются периферийными, третьи – имеют смешанную специализацию, их можно отнести к полупериферии». Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 31-32.

²⁷¹ Ведин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 16.

«уникальным результатом исследовательской работы специалиста в области культурной географии»²⁷².

Не доучая более рассуждениями географов культуры относительно методики их изыскательских подходов, отметим некоторые итоги исследования данной проблемы. Выяснилось, что у «Российского мира нет определенных границ, а есть русско-православное ядро и многочисленные русско-ориентированные периферии, в том числе переходные зоны на границах с другими мирами» разного порядка: тюркский, исламский, монгольский и прочее. «Русскими параллельно создавались два мира – православный российский» (через христианизацию силами Русской Православной Церкви) и «мультикультурный евразийский» (путём культурной интеграции в пределах единого государства). «Таким образом, параллельно действовали конфессиональный и геополитический факторы. Ядром Российского мира является Русский культурный мир. Вокруг Русского мира формировался Российский мир». «Конфессиональный фактор формировал российскую православно-христианскую цивилизацию, культурно-лингвистический и политико-исторический – российскую евразийскую цивилизацию, а все вместе – Российский культурный мир»²⁷³.

Сейчас нет особого резона вникать, как это происходило и к каким культурным мирам изначально (т. е. в дороссийский период) относились другие народы, которые затем жили и продолжают жить в составе Российского государства. Все это обстоятельно изложено Р.Ф. Туровским, выделившим на территории России-Евразии, помимо «Русского мира», ещё 17 культурных миров²⁷⁴. Мы также не станем рассматривать здесь и

²⁷² Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 55-56.

²⁷³ Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 81, 112-113.

²⁷⁴ В их составе: Балкано-Средиземноморский православный мир: молдавская, гагаузская, румынская, болгарская, греческая страны. Кавказский православный мир: грузинская, осетинская, абхазская страны. Армянский мир. Йезидский мир. Исламский мир: туркестанская область, иранская область, азербайджанская страна, адыгейская область, вайнахская область, карачаево-балкарская область, тюрко-предкавказская область, волго-уральская область, сибирско-татарская, астраханско-татарская и крымско-татарская страны. Европейский мир: финская область, балтская область, западно-славянская область, венгерская и немецкая страны (анклавы на территории России и дисперсное расселение), шведская страна (на территории Финляндии). Тюркский мир: саяно-алтайская область, чулымская, якутская, чувашская страны. Финский мир: карельская, ижорская, вотская, саамская, коми-зырянская, вепская, коми-пермяцкая, удмуртская, марийская, мордовская страны. Монгольский мир: бурятская, калмыцкая страны. Самодийский мир: ненецкая, энецкая, селькупская и нганасанская страны. Угро-сибирский мир: хантыйская, мансийская страны. Тунгусо-амурский мир: эвенкийская, эвенкская страны, амурская область. Палеоазиатский мир: чукотская, корякская, ительменская, юкагирская, чуванская, нивхская страны. Енисейский мир: кетская страна. Эскимосский мир.

культурно-географическую структуру «Российского мира» по отдельным областям, странам и культурным мирам (т. е. территориям, где доминирует культура определенного этноса), которая более или менее подробно и вместе с тем схематично представлена этим же автором. Тем более что культурно-географическая реальность оказывается сложнее схемы, на которой «Русский мир», шире – «Российский мир» окружен в разной степени интегрированными с ним странами соседних культурных миров²⁷⁵.

По этой же причине нам нет особой необходимости представлять здесь и культурно-ландшафтную структуру всего «Российского мира», прежнее расплывчатое представление о котором, впервые приобрело в исследовании Р.Ф. Туровского строгую схему. И ответы на вопросы, какие земли слагают Русско-Российский мир; когда и почему они возникли; в чем уникальность тех или иных земель; чем они отличаются от соседей, и какова степень интегрированности последних с Русско-Российским миром? – можно так же найти в работе этого автора²⁷⁶.

Отмечу лишь, что в составе Русского мира им выделяется 21 край²⁷⁷, каждый из которых характеризуется уникальным набором культурно-географических признаков и делится на *«земли – базовые единицы культурно-ландшафтного районирования»*. Описание земель включает основные для выделения того или иного культурного ландшафта данные: по языковой специфике (наречия, говоры, диалекты); по политической и культурной истории; по ландшафтообразующим культурно-историческим центрам, в том числе пограничным; а также по природным особенностям (основные физико-географические объекты и т.д.)²⁷⁸.

Но одному краю – «Северо-Сибирскому», входящему в «Ядро Русского мира», и краткому описанию его земель уделим здесь должное внимание. Поскольку далее речь пойдет о земле Тобольской. Итак, Северо-Сибирский край – «исторический ареал расселения таежных народов

Корейский мир. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 81-108.

²⁷⁵ Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 59, 106-108.

²⁷⁶ Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 109-138; 143-205.

²⁷⁷ В том числе: Северный, Северо-Западный, Петербургский, Юго-Западный, Центральный, Южный, Поволжский, Нижневолжский, Предкавказский, Кавказский, Уральский, Южноуральский, Западносибирский, Алтайский, Северосибирский, Восточносибирский, Амуро-Приморский, Дальневосточный, Северо-Восточный, Арктический и Полярный.

²⁷⁸ Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 151.

Севера, континентальная Сибирь, очаговая русская старожильская колонизация и русские остроги с XVII века²⁷⁹, формирование русских «островов» добывающей промышленности в XX веке и вытеснение автохтонных народов (сохранились реликтовые ареалы или значимое присутствие в отдельных центрах), равнинная заболоченная тайга».

В состав собственно основных земель Северо-Сибирского края входят: Верхотурская земля, Нижнеиртышская земля, Нижнеобская и Среднеобская земли, а также Томская земля, Енисейская земля и Туруханская земля. Кроме того, есть «переходные земли»²⁸⁰ – Северо-Зауральский пояс, Иртышский пояс, Томский пояс, Нижнеенисейский пояс. Культурно-географический ландшафт Нижнеиртышской земли вкратце характеризуется следующим: «Исторические центры Сибирского ханства, русское освоение с XVI века, татарские реликтовые ареалы – заболотные татары, Тобольская губерния; исторический центр – Тобольск; западно-сибирская тайга, болота, долина Иртыша»²⁸¹.

В историческом аспекте на территории Западной Сибири, вернее – Нижнеиртышской земли, можно говорить об «остатках сибирско-татарской страны» – в формулировке Р.Ф. Туровского. Он верно отмечает: «Прежде сибирские татары занимали обширную территорию Ишимской и Барабинской равнин, селились на Тоболе, Иртыше и Оби. Их ареал начал

²⁷⁹ Здесь поправлю, так как первые русские городки-остроги в Сибири были основаны в последней четверти XVI века: Обской городок или острог был основан в 1585 г., Тюменский острог – в 1586 г., Тобольский острог – в 1587 г., Лозьвинский городок – в 1587-1588 гг. (по другим данным в 1589-1590 гг.), Берёзовский городок и Пелым – в 1593 г., Сургут и Тара – в 1594 г., Обдорский острог – в 1595 г., Верхотурье – в 1598 г. И только Мангазейский острог был основан в 1601 г. См.: *Андреевич В.К.* История Сибири. Ч. I. Период от древнейших времен до главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. – СПб.: Типогр. В. Комарова, 1889. – С. 16-33; *История Сибири*: в 5 т. Т. II. Сибирь в составе феодальной России. – Л.: Наука, 1968. – С. 31-37; *Кочеданов В.И.* Первые русские города Сибири. – М.: Стройиздат, 1978. – 187 с.; *Резун Д.Я., Васильевский Р.С.* Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. – 304 с.; *Симачкова Н.Н.* Военные функции воевод западносибирских городов (конец XVI – начало XVII вв.) // *Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки.* – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2001. – С. 4-10; *Города и остроги земли Сибирской* // Электронный ресурс: ostrog.ucoz.ru

²⁸⁰ «Переходные земли» – районы со смешанным населением, где примерно равны количество русских (русскоязычных) и численность данного этноса. Эти районы представляют собой переходную зону между Русским миром и культурным миром данного этноса. Такие территории Р. Туровский предлагает рассматривать в составе Российского мира, даже если автохтонный этнос слабо интегрирован в российское пространство. Тогда эти территории с «двойным гражданством» (наполовину российская, наполовину какая-то еще). Переходные ландшафты им предполагается называть поясами, т.к. они формируются между краями и странами, но в них не входят. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 52, 133-134.

²⁸¹ *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. – М.: Ин-ут Наследия, 1998. – С. 187-189.

формироваться на фоне общетюркских (и добавлю: монгольских – *И.Б.*) миграционных процессов X–XIII веков и окончательно сложился к XIV веку, когда возникло Тюменское ханство. В XIV–XVI веках сибирско-татарская страна стала одним из значимых культурных центров Сибири, в конце XVI – начале XVII века она вошла в состав России». После чего в результате русской колонизации и ассимиляционных процессов «эта страна распалась на отдельные реликтовые районы около Тобольска, Тары, Томска и в Барабинской степи»²⁸².

Таким образом, нам остается только лишь обозначить, что Тобольск является ландшафтообразующим культурно-историческим центром одной из базовых территорий «Русского мира» – «Нижнеиртышской земли», входящей в разряд основных земель «Северо-Сибирского края». Три с лишним столетия она входила в состав Сибирской и Тобольской губернии, получив название Тобольский край, и более 400 лет вообще входит в состав России²⁸³. Констатируя данное положение, разовьем его дальше. Следовательно, по своей функциональной и культурно-исторической значимости Тобольск и его предместья, то есть «территории, находящиеся под непосредственным культурным влиянием узлового центра (города – *И.Б.*)», с культурно-ландшафтной точки зрения, могут (потенциально) быть отнесены к разряду самостоятельных земель как, к примеру, Санкт-Петербург. Поскольку, с этой же самой позиции, «земля – это, прежде всего, уникальное сочетание культурных и природных признаков на географически единой территории». А мы знаем, хотя и позабыли, что многое из того присуще Тобольской земле.

К тому же и вновь с культурно-ландшафтной позиции, каждый уровень культурного ландшафта совсем не обязательно жестко привязан к определенному типу культурного сообщества: земля – к субэтносу, местность – к городу и т.д. Также бессмысленно требовать, «чтобы культурный ландшафт на всех его таксономических уровнях был абсолютно гомогенным со всех точек зрения»: этнической, природной, экономической, конфессиональной и др.²⁸⁴

²⁸² Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 86-87.

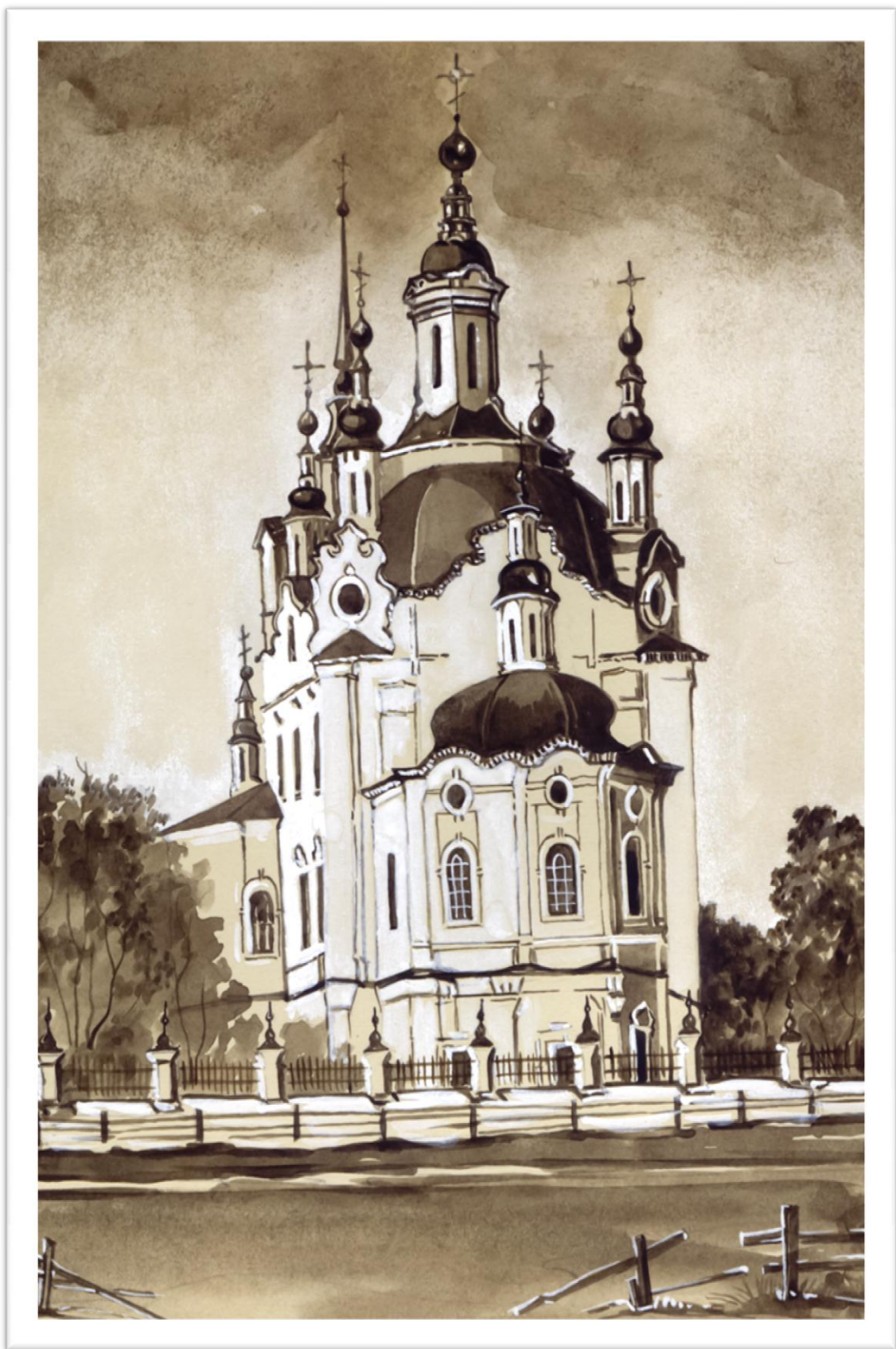
²⁸³ Балюк Н.А. Тобольский край с древнейших времен до современного периода. – Тюмень: ТюмГУ, 2006. – 59 с.; Указ об учреждении губерний и о росписании к ним городов. 18 декабря 1708 года // Тобольск и вся Сибирь. Кн. X. Триста лет учреждения Сибирской губернии. – Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2008. – С. 14.

²⁸⁴ Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 44-45, 48-50.

Отсюда следует, что дальнейшее более обстоятельное и комплексное исследование основных характеристик, свойств и состояния культурного пространства Тобольской земли, его ведущих коммутационных векторов имеет реальную перспективу её выделения и развития как *базовой единицы культурного ландшафта Северо-Сибирского края*. Тем паче, что в исторической ретроспективе она таковой служила продолжительное время. А художественное, например, или более показательно, конфессиональное пространство в пределах Тобольско-Тюменской епархии – здесь не прерывалось и вовсе. То же самое относится и к Тобольско-Тюменскому конфессиональному пространству мусульман Азиатской части России.

Однако для этого нужно, естественно, проделать ещё большую и кропотливую исследовательскую работу экспертами в сфере культурной географии. И не только им, конечно. Кстати, эта работа отчасти уже велась различными учёными Российского научно-исследовательского Института культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва, совместно с исследователями Тобольска и администрацией города²⁸⁵. И были получены определенные результаты, которые способствовали реализации целого ряда программ и проектов. Об этом, напомню, мы уже частично говорили во втором этюде и, не исключено, что ещё вернемся к этому разговору в шестом этюде.

²⁸⁵ *Исторический город* как историко-культурная территория. Концептуальные положения Программы комплексного социально-культурного развития исторического г. Тобольска на долгосрочную перспективу // Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск. № 7. – М.: Институт Наследия, 2003. – С. 40-53.

Церковь во имя святых Захария и Елисаветы

Этюд пятый

«КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ» ТОБОЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

«Счастливый потомок поймет ли, как тяжело было предку его, или выносить в другом сердце измерять безотрадные чувства, какие подразумеваются в смысле народной пословицы: до царя далеко, а до Бога высоко?»

Петр Словцов. «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году».

Здесь настала пора поговорить о причине, по которой во всех наших размышлениях мы, уважаемый читатель, так или иначе, обращались, и будем еще адресоваться к творческому наследию Михаила Степановича Знаменского и Петра Андреевича Словцова. Она заключается в том, что у истоков – как предтече «культурно-ландшафтного подхода», выразимся так, к изучению Тобольской земли, стоял собственно П.А. Словцов. Тогда как М.С. Знаменский в этом смысле был одним из немногих его восприимчивых, в том числе и в жанре «прогулок». Ниже рассмотрим этот тезис более подробно²⁸⁶.

Вначале необходимо всё же напомнить о том, что «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» П.А. Словцова традиционно считаются книгой, как бы открывающей краеведение города Тобольска, Тобольской губернии и Западной Сибири в целом. Хотя сам их автор объяснял появление этой книги весьма скромным желанием: «идучи позади важных ученых, <...> подобрать остальные или подросшие колосья» с тем, чтобы «небольшой свой снопок <...> украдкой положить в большую скирду сведений о Сибири»²⁸⁷.

Это незамеченное («остатое») и новое («подросшее») касалось самых различных сторон жизни вокруг Тобольска – точки отсчета и притяжения автора «Прогулок». Описания сибирской природы и недр, чередуются в них с наблюдениями времен года и особенностей климата, сделанных «пером то строгого ученого-ботаника, минералога, метеоролога, то наблюдательного и ироничного художника». Этнографические реалии сопряжены в них с рассказами о давней и ближней истории края и его

²⁸⁶ Первый вариант данного этюда был опубликован. См.: *Белич И.В.* «Концепция жизни» Тобольской земли (Культурологический этюд) // Первые Ремезовские чтения. Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX вв. – Тобольск, 2005. – С. 327-336.

²⁸⁷ *Словцов П.А.* Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Коммент. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 67.

стольного града. Обзор археологических, исторических и архитектурных памятников, легко сменяется колоритными зарисовками быта, жизненного уклада и нравов местного населения, а также характеристиками его психологического склада.

Из исторических штудий и размышлений о политике, искусстве и литературе. Из вкрапленных в текст «Прогулок» лирических новелл и остающихся за гранью текста отсылок к самым различным пластам жизни, которые неизбежны при упоминании многочисленных имен и фактов прошлого и настоящего. Из диспутов и диалогов с воображаемыми и реальными собеседниками. Из всего этого в них складывается разнообразная панорама жизни Тобольска и вокруг него, а в итоге – «общая концепция, совокупный образ сибирской страны». «В результате жизнь не только города и края, но жизнь вообще предстает как нечто подвижное и изменчивое, обусловленное самыми разными факторами – от высоты солнца на горизонте до личных амбиций человека». Таково современное литературоведческое прочтение «Прогулок» П.А. Словцова²⁸⁸.

Взглянем на этот труд П.А. Словцова с культурно-ландшафтной точки зрения. И увидим своего рода «комплексное исследование» территории города Тобольска с его окрестностями: «В отношении физическом», или природно-ландшафтном и климатическом; в отношении «государственном», или историко-политическом, социально-политическом и административном. «В отношении промышленности» и «торговли», или экономическом. В отношении «заселения» (населения), или историко-этнографическом, демографическом, лингвистическом. В «историческом», «археологическом», «архитектурном» и в культурно-бытовом отношениях. Вплоть до «отношения к изящным искусствам».

Разумеется, нужно отдавать и автор отдаёт себе отчет в том, что эта книга П.А.Словцова, безусловно, не является исследованием тобольского культурного ландшафта, в буквальном смысле слова. В том нынешнем понимании культурного ландшафта как «целостной территориально локализованной совокупности тел и явлений, сформировавшихся в результате взаимодействия природных процессов и разнообразной деятельности человека, воплощенных в объектах материальной и духовной

²⁸⁸ Горбачева Н.Н. «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г.» П.А. Словцова: проблема жанра // «Словцовские чтения-99». – Тюмень, 1999. – С. 245.

культуры...»²⁸⁹. Но его вполне можно считать таковым в иной современной трактовке культурного ландшафта – «это земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, освоено утилитарно, семантически и символически. Различая эти аспекты, будем помнить, что в ландшафте прагматическое неотделимо от смыслового. Отсюда вывод: люди могут жить в ландшафте, не соотносясь с ним как таковым (как могут жить в истории, сего не ощущая)»²⁹⁰.

Перед нами в первую очередь и, в конечном счете – творение литературное, проблема жанра которого разрешается современными литературоведами как «разножанровое единство, достигнутое благодаря образу автора, совокупному образу Сибири, сквозным мотивам, цельной концепции жизни, реализованной в тексте»²⁹¹.

Поэтому мы несколько не ошибемся, если сочтем это произведение П. Словцова за ёмкое и своеобразное отображение его интеллектуально-духовное обозрения того, что и составляет культурный ландшафт как Тобольска, так и Тобольской земли. Отображение, разумеется, в чем-то субъективное, где-то нечеткое и преломленное существовавшими в ту пору научными теориями и гипотезами, обусловленные при этом уровнем знания автора и самой эпохи, в которой писалась эта книга.

В самом деле, разве его «Прогулки» не являются результатом глубоко личностного «сканирования», если позволительно так выразиться, тобольского культурного ландшафта, где последний представлен, говоря языком географов культуры, «не только как феномен, но и ноумен – предмет интеллектуального созерцания». Разве в этих путешествиях город Тобольск и его предместья не созерцаются повествователем, как свой культурный ландшафт, который «дан не только взору, но и всем органам чувств, постижим не специализированным духовным органом, но всей личностью»²⁹²? Своеобразие такого взгляда на культуру и ландшафт –

²⁸⁹ Ведин Ю.А. Очерки по географии искусства. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин»; М.: Институт Наследия, 1997. – С. 9.

²⁹⁰ Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 135.

²⁹¹ Горбачева Н.Н. «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» П.А. Словцова: проблема жанра // «Словцовские чтения-99». – Тюмень, 1999. – С. 244.

²⁹² Каганский В.Л. Существует ли культурный ландшафт? // Городская среда. Материалы научной конференции. – М., 1989. – Ч. 1. – С. 11; Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – С. 24

Л.В. Каганский назвал его *ландшафтная герменевтика культуры* – отвечает и особый способ её проживания²⁹³.

В том-то как раз и дело, что именно в культурном ландшафте Тобольской земли, постигаемом, «благодаря образу автора, совокупному образу Сибири», и содержится «цельная концепция жизни». Или, по выражению Ю.А. Веденина, её «потенциал интеллектуально-духовной энергии», который П.А. Словцов собирает в своих изысканиях по округе, возвращаясь как бы «на круги своя», «ибо история Сибири была потребностью души его». И, впитывая её, реализует в тексте «Прогулок». А вобрав всю или все, что смог в его преклонные годы – в «Историческом обозрении Сибири» – итоговом труде жизни, который он успел исполнить точно к сроку ухода из неё. «В день ангела своего, 16 января 1843 г., подписал духовное завещание и, отдавая его..., сказал: —...ничто не связывает меня с землею, книга о Сибири кончена, следует только отослать ее в печать» (что и исполнил 24 февраля)». При отпевании в кафедральном Софийском соборе, преосвященный Владимир «говорил слово из текста: —Назарь, друг наш успе»»²⁹⁴.

Вот она – часть того культурного ландшафта. Держу в руках «фрагмент жизни» и образец культуры, созданный в этой местности и описывающий её. Это «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» – книга, изданная в Москве в 1834 году, которую держал в своих руках сам её автор, и которая поступила, «согласно завещанию его, в собственность Тобольской гимназии»²⁹⁵, а позже – в библиотеку Тобольского губернского музея. «Мысль – вот знак вечности», – говорит он в ней, возвращаясь с прогулок, словно возвращая мысль из иной жизни, которую он «исполнив, ...отлил под пером медленным».

Но все-таки, вслед за Н.Н. Горбачевой, отметим – «перед нами жизнь, давно уже нет»? И зададимся этим же вопросом, применительно не только к П.А. Словцову, но и к М.С. Знаменскому, отдельный разговор о

²⁹³ Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 134.

²⁹⁴ Абрамов Н.А. Петр Андреевич Словцов. Биографический очерк жизни историка, составленный в 1858 г. сотрудником и другом его Н.А. Абрамовым // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Коммент. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 192, 195.

²⁹⁵ Голодников К. К биографии П.А. Словцова // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Коммент. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 204.

котором у нас ещё впереди. Значит ли это, что их «Прогулки» вокруг Тобольска являются лишь только «древними снимками» и представляют исключительно исторический интерес, а их авторы – «не более, как –антиквариат с гробовым карандашом» в руках?». И полностью согласимся с ней – разумеется, нет. «Ведь культура – не только творение ума, таланта и рук человеческих; культура – это и сам человек»²⁹⁶.

«Концепция жизни», выстроенная П.А. Словцовым, не погребается вместе с «культурным слоем» культурного ландшафта Тобольской земли – плодотворной почвы, обогащающей каждое новое поколение обновленным знанием жизни как прошлой, так и сущей. Сменяющиеся эпохи не выстраиваются в затылок друг к другу, но взаимопроникают. Нынешняя «концепция жизни» земли Тобольской есть следствие непрерывного процесса проникновения словцовской «концепции» в наше бытие, в очерченное ею и заданное нами пространство и времена. В результате открытия – откровения разума при обретении интеллектуально-духовной энергии этого пространства, столь же возможны, сколь и безусловны. Но также обусловлены в процессе освоения человеком данного пространства и заблуждения. Ибо человек – это и сама культура.

Самое время теперь уточнить и само время – время авторов, создававших эти местные образчики культуры, и время нашего отношения как к ним самим, так и к тому, о чем они некогда писали. «Прогулки» П.А.Словцова и М.С. Знаменского, безусловно, были не ради собственно прогулок. Они – не пустое созерцание знакомого и дорогого им с детства исторического пейзажа эстетствующими провинциалами – «любителями старины», ставшими её знатоками.

«Очаровательность без цели есть история без философии, теория без существенности», - говорил Словцов²⁹⁷. Это, предполагаем мы, был поиск «духа ландшафта» и человеческой мысли, воплощенных в видимом и «невидимом» проявлениях – историко-культурном и природном наследии – живительного источника, питающего душу и разум человека, ищущему «силу жизни» и истину своего земного предназначения.

²⁹⁶ Горбачева Н.Н. Комментарии: «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Коммент. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 226.

²⁹⁷ Словцов П.А. Прогулки вокруг Тобольска в 1930 году // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Коммент. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 161.

Человека, «время которого кончилось раньше, чем ему думалось», – уловит современный литературовед «время мысли» и состояния одиночества П.А. Словцова в его «Прогулках» в 1830 году. «Он ощущает себя чужим для «новой аристократии» литературы и философии; чужды ему и те, кто ставит политические опыты эпохи, они вызывают если не негодование, то иронию», – в частности пишет Н.Н. Горбачева. И задает вполне резонный вопрос – «Так, где же оно, его время?»²⁹⁸.

Это в полной мере относится и к М.С. Знаменскому, против которого была литературная мода 70-х годов XIX столетия – «пик социальных исканий, защиты униженных и оскорбленных», период «очередного литературного ~~ж~~ождения в народ» и поиск идеальных героев – борцов с самодержавием», – отмечает современный критик его литературного творчества В.А. Рогачев²⁹⁹.

М.С. Знаменский «будучи после ~~И~~счезнувших людей» чужим среди своих и своим среди чужих»³⁰⁰, оставшись в одиночестве, также отправится по хоженным П.А. Словцовым и П.П. Ершовым тропам поиска смысла земного бытия и предназначения. Двинется в своё путешествие по историческим окрестностям Тобольска. Быть может, он тоже весной взойдет на Сузгунский крутояр. И «там, в тишине», и потом, «посещая бугры и овраги», будет искать артефакты, предаваясь «воспоминанию об истории нашего края». Сколько многообразных местностей и урочищ Тобольска и его окрестностей, а также многих других уголков Тобольской губернии предстанет пред ним «как страницы сказаний о прошлых деяниях и людях, отживших и связавших имя свое с историей...» Сибири³⁰¹.

И это его «путешествие во времени» так же, как и у П.А. Словцова, будет продиктовано самим временем и личным ощущением важности возвращения исторической памяти, мотив которой является сквозным в этих произведениях у обоих авторов. При всём том в «Прогулках»

²⁹⁸ Горбачева Н.Н. Комментарии: «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Коммент. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 226.

²⁹⁹ Рогачев В.А. «Гори, гори, моя звезда!» (Критико-биографический очерк жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского) // Знаменский М. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 18.

³⁰⁰ Рогачев В.А. «Гори, гори, моя звезда!» (Критико-биографический очерк жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского) // Знаменский М. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 13.

³⁰¹ Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения / Сост. тома Ю.Л. Мандрики, предисл. и прим. В.А. Рогачева. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 24.

П.А.Словцова, как верно подметила Н.Н. Горбачева, этот мотив «имеет существенную смысловую грань: автор вовсе не стремится замкнуться в прошлом, наоборот, отдав былому дань, хочет ~~навсегда~~ сдать его с души». <...> Впереди у П.А. Словцова работа над «Историческим обозрением Сибири»³⁰².

Как известно, М.С. Знаменский, вобравший в себя историю, все красоты и противоречия Тобольского «града», также замысливал написать его историю³⁰³. Но в его времена Время уже начинает «давать сбои», срываясь с исторической «цепи непрерывности». Он ощущает тревожные эти сигналы на «часах» исторической памяти тоболяков, говоря об этом в самом начале своих прогулок.

Не только древняя история края, интерес к которой пробудился еще тогда, «когда с легкой руки Киприана у нас началось собирание легенд и преданий: писал и ямщик, и боярские дети, ...и купцы, <...> когда почти каждый житель Тобольска знал каждую местность с её историческим прошлым...». Но и его недавнее «былое и думы», и люди, жившие рядом и писавшие историю Сибири, вписав в неё свои имена, «знакомые каждому грамотею» здесь когда-то. Все это забывается и теряется в череде людской и житейской сутолоке обывателей, которые не успевают запомнить друг друга в лицо. «Было время..., но прошло это время: с тощих российских кормов потянулись на тучные пажити наши служилые, краю нашему чуждые люди, им не было дела до истории нашей – лишь бы им нагулять себе тело и снова исчезнуть в Россию. Еще меньше симпатий питал другой слой, прибывший сюда поневоле, – слой ссыльных. <...>, и молодежь города Тобольска, вырастая в этой атмосфере, увлекается привозной мишурой и... индифферентно сторонится от места их рождения»³⁰⁴.

Что же, это время было разве только тогда? Нет, естественно. Время от времени всё это ещё не раз повторялось, так или иначе. Последнее из этого ряда... Впрочем, не к чему и не будем «этапировать» современность по признаку социально-экономического развития исторического города

³⁰² Горбачева Н.Н. Комментарий: «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Коммент. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 225.

³⁰³ Рогачев В.А. «Гори, гори, моя звезда!» (Критико-биографический очерк жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского) // Знаменский М. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 9.

³⁰⁴ Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения / Сост. тома Ю.Л. Мандрики, предисл. и прим. В.А. Рогачева. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 24.

Сибири. Можно перечитать, например, повесть Александра Проханова «Место действия», высветившего и эти проблемы.

И пересыльная участь Тобольска с его знаменитым централом, останется не только в истории города, но надолго станет «клеймом» его повседневной жизни (читайте, скажем, прозу Александра Рахвалова). И история города, написанная в 1969 году тоболяком Ю.П. Прибыльским, вместе с работавшим здесь владимирцем Д.И. Копыловым, остается на сегодня единственной, хотя и переизданной в 1975 году исторической монографией о Тобольске³⁰⁵.

Однако в то время как это выяснилось уже в настоящее время, Знаменский оказался «человеком, намного опередившим свою эпоху»³⁰⁶. Так, может быть, время Словцова и Знаменского приходит сегодня? Похоже на то. Скорее всего, что так оно и есть. Ведь не случайно их тобольские «Прогулки» понадобились в наше неустроенное, нестабильное время. Переиздание практически всех их произведений, яркое тому доказательство. Да и этот наш разговор, в какой-то степени тоже³⁰⁷.

Ну, так давайте продолжим его, коли начали.

* * *

«Тезис о том, что мы живем в эпоху ренессанса истории, уже несколько лет воспринимается как общее место. Вот только менее справедливым он от этого не становится», - обнаруживает наш современник. «Последние полтора десятилетия дали примеры такого обильного возвращения дат, событий, фактов, названий, книг, которые и сравнить не с чем. Всё больше и больше доказательств того, что —история рождается из ошибки симпатий, антипатий, самолюбий, претензий — из ошибки характеров живых людей» (Я.А. Гордин). Нужно только вернуть их из тьмы былого — эти характеры, имена, —ицы» — как говаривали во

³⁰⁵ О городе написано недостаточно. Кроме тех работ, что были отмечены мной ранее, также см.: Кириллов В.В. Тобольск. Очерк-путеводитель. — М.: Искусство, 1984. — 239 с.; 400 лет Тобольску. Сборник архивных документов. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. — 254 с.; Брумфильд У. Тобольск. Архитектурное наследие в фотографиях. — М.: Изд-во «Три квадрата», 2006. — 88 с.; Панишев Е. Чудеса и тайны Тобольска. Тобольск: ТГПИ, 2009 и др.

³⁰⁶ Рогачев В.А. «Гори, гори, моя звезда!» (Критико-биографический очерк жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского) // Знаменский М. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — С. 10.

³⁰⁷ Белич И.В. «Концепция жизни» Тобольской земли (Культурологический этюд) // Первые Ремезовские чтения. Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX вв. — Тобольск, 2005. — С. 329–334.

времена человека, о котором вела разговор Н. Горбачева в «Возвращении Михаила Знаменского»³⁰⁸.

Хотя не совсем понятно, с какого места и по отношению к чему – кому этот тезис станет восприниматься более или менее справедливо, если «история рождается из ошибки... характеров живых людей». И, следовательно, её оценка, тем более освещение людьми, живущими в эпоху «исторического ренессанса», обречена на субъективность, если они будут исходить в её понимании только с позиции этих характеров и имен. Но «возвращение» таких исторических личностей как М.С. Знаменский и П.А. Словцов, в адекватном историко-культурном контексте, предпринятое литературоведами в конце XX столетия – примета времени, безусловно, многое вернуло и расставило на свои места. Прежде всего, расставило их произведения на книжные полки библиотек и самого широкого круга современных читателей.

Присмотримся к еще одному обстоятельству, которое представляется мне заслуживающим внимание. В «Прогулках» П.А. Словцова 1830 года историка сопровождала «Маска» – «неразлучное воображение» его натуры уединенного странника, который предпочел служение родному краю давнишнему своему желанию отправиться в Петербург³⁰⁹. В 1880-е годы М.С. Знаменский, уставший и прекративший вести через столицы диалоги со своими современниками на «ниве сатиры»³¹⁰, прогуливался тогда уже в окрестностях Тобольска не только наедине с творческим замыслом, но и с воображаемым или реальным собеседником – неким столичным франтом, волею случая оказавшегося в Тобольске³¹¹.

«– А и тоска же в вашем богоспасаемом граде! - обратился ко мне мой спутник.

³⁰⁸ Горбачева Н. Возвращение Михаила Знаменского // Лукич. – Тюмень, 2000. – № I. – С. 45.

³⁰⁹ См.: Абрамов Н.А. Петр Андреевич Словцов. Биографический очерк жизни историка, составленный в 1858 г. сотрудником и другом его Н.А. Абрамовым // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Комментар. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 189.

³¹⁰ Рогачев В.А. «Гори, гори, моя звезда!» (Критико-биографический очерк жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского) // Знаменский М. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения / Сост. тома Ю.Л. Мандрики, предисл. и прим. В.А. Рогачева. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 8, 10.

³¹¹ Знаменский М. Тобольск и его окрестности (Отрывок из неизданного сочинения) // Восточное обозрение. – 1887. – № 13-14, 15.

– Ну, это в вас говорит привычка к столичной мишуре, и я не претендую на ваш отзыв: даже сибиряки, возвращаясь после нескольких лет жизни в Москве или Петербурге, судят также...»³¹².

В принципе, не столь уж и важно, наверное, кого авторы пожелали взять с собою в попутчики – это вполне обычный жанровый тандем. «Необычен», на мой взгляд, спутник Знаменского. Примечательно в нем то, что он не из молодых или «заскорузлых» тоболяков, для которых «старожил» и писал, а из столицы. Обращаю на это внимание в связи с тем, что этот момент является так же «признаком времени». За те полвека, что разделяли оба рассматриваемые путешествия, многое изменилось. В частности, изменился (и не к лучшему) город Тобольск, став не только российской, но и сибирской глубинкой.

Надо бы вспомнить хотя бы то, что в 1839 году резиденция генерал-губернатора – Главное управление Западной Сибири – была перенесена в Омск. Туда переезжают не только все официальные учреждения, но и семьи местной знати. Вообще последовало резкое сокращение населения Тобольска. «Чудной этот 1839-й год – отсюда тогда погнало народ нарядный как помелом в Омск. Все поскакали, все поехали, как будто Господь выгнал их веревкою. <...> В Тобольске стало просторно и тихо... Белки скакали по городским скверам, лягушки квакали по улицам, птицы влетали в горницы», – вспоминала позднее этот год жена декабриста М.А.Фонвизина, Н.Д. Фонвизина, в своем письме к духовнику декабристов С.Я. Знаменскому – отцу писателя³¹³.

Спустя ещё три года было упразднено военное коменданство. Отъезд из города большой массы служилого и чиновного люда, привел к резкому сокращению спроса на изделия местной промышленности и ремесла. К 1850-м годам Тобольск по численности населения перешел на второе (после Иркутска) место, а по числу торговых заведений переместился – на шестое место в Сибири³¹⁴.

³¹² Знаменский М. Тобольск и его окрестности // Восточное обозрение. – 1887. – № 13-14. – С. 12.

³¹³ Литературный сборник. – СПб.: Восточное обозрение, 1885. – С. 218. После того как священника С.Я. Знаменского перевели служить из Тобольска в Ялуторовск, Фонвизины приютили у себя его сына. Так Михаил Знаменских стал воспитанником декабристов. Кстати, Наталья Дмитриевна Фонвизина-Пушина послужила прообразом Наташи Ростовской в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

³¹⁴ Копылов Д., Прибыльский Ю. Тобольск. – Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1969. – С. 77-78.

Ограничимся этими свидетельствами для иллюстрации итак достаточно хорошо известного факта запустения теперь уже бывшей столицы Сибири. Многие из того, чем жил тогда город – «не кусочек сибирского пространства, а живой, подвижный организм» (Н. Горбачева), давший миру в это же самое время великого Д.И. Менделеева, можно узнать опять же из ставшей доступной сегодня повести М.С. Знаменского – «Тобольск в сороковых годах»³¹⁵. Но суть не в этом. Хотя, почему не в этом? Как раз в том, если речь идет о провинциализации культурного пространства исторического Тобольска.

Упадок бывшего «стольного града», вызванный лишением его некогда существенных, присущих только ему функций. Утрата им «духа столичности», при том мощном культурном слое, который сформировал его «дух ландшафта». «Сваливание» Тобольска в «богоспасаемую» провинцию, при её выпадении из культурного пространства России и исторической памяти целого поколения, сопровождавшееся при этом переоценкой ценностей и идеалов. Многие из того, чего вообще еще не было при П.А. Словцове, стало повседневным для Тобольска во времена М.С. Знаменского. Это им ощущается и беспокоит его.

И «прежний идеалист, теперь набравшийся житейского опыта и горько –ноумневший», ведёт повествование о былом...». Сперва, в начале 1870-х годов, он рассказывает о недавнем прошлом, в том числе и своем. Повесть «Тобольск в сороковых годах» – это как бы «биография места», отражающая домашний быт и нравы, сухую рутину учебных заведений, литературные и прочие споры в губернском городе, особенное выражение которому придают в основном люди, тоболяки – «все они вместе и есть Тобольск»³¹⁶.

Далее он пишет повесть «Пятидесятые годы в Тобольске»³¹⁷, которая представляет собой преимущественно «биографию времени». Здесь авторское внимание сосредоточено «на тех качественных изменениях, которые позволяют говорить о неотвратимом наступлении новой эпохи». Однако беда новой эпохи в том, что, сделав ставку на «капитальность» (читай – капитализм), «она разминулась с идеалом человека и вынуждена

³¹⁵ Знаменский М.С. Тобольск в сороковых годах // Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения / Сост. тома Ю.Л. Мандрики, предисл. и прим. В.А. Рогачева. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 161-252.

³¹⁶ Горбачева Н. Возвращение Михаила Знаменского // Лукич. – Тюмень, 2000. – № I. – С. 50.

³¹⁷ Знаменский М.С. Пятидесятые годы в Тобольске // Лукич. – Тюмень, 2000. – № I. – С. 7-45.

заменить его идеалом идеи и дела». Но надежда на идеалы христианского человека остается. Впрочем, надеется никогда не грех. И потому в конце повести автор оставляет своих героев и себя (Гришу Земляницына), «на большой дороге в надежде честно послужить, с верой, что –новый человек уж где-нибудь да встретится»³¹⁸.

Затем, в конце 1870-х – самом начале 1880-х годов, М.С. Знаменский с лопатой и кистью отправляется в историко-археологические «Прогулки». С той целью, чтобы «для молодежи города... и заскорузлых тоболяков... собрать» сведения и описать древние «исторические наши окрестности». И, наконец, в 1880-е годы, видимо, собирая материалы для своей «большой истории» города, водит «столичного гостя» все больше по социальной истории «Тобольска и его окрестностей». Но там он замечает, что «подобное исследование может дать точные выводы только при обозрении всех заимок, окружающих город Тобольск, а потому мы и оставляем эту благодарную задачу для других»³¹⁹.

Что же помешало или, быть может, не хватило М.С. Знаменскому в осуществлении его замысла написать более объемный труд по истории города Тобольска? – нам, увы, не известно. И мы также оставляем эту благородную задачу для других исследователей. Но, если не брать пока в расчет обстоятельства его личной жизни, то можно заметить очевидную ведущую тенденцию личности – её обращение к историко-культурному и природному наследию родной земли. Обстоятельства личной жизни будут лишним тому подтверждением. Подтверждением чего? Свидетельством того, что культурный ландшафт Тобольской земли – содержит цельную «концепцию жизни».

Впрочем, неужели лишь земли Тобольской? Только ли личности Знаменского или Словцова? Разве лишь только в их времена?

³¹⁸ Горбачева Н. Возвращение Михаила Знаменского // Лукич. – Тюмень, 2000. – № I. – С. 50-51.

³¹⁹ Знаменский М. Тобольск и его окрестности (Отрывок из неизданного сочинения) // Восточное обозрение. – 1887. – № 15. – С. 15.

Гостиный двор

«ОСТРОВКИ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

«Что такое провинциальная культура? Это берегаемые нашей старой деревней и нашими фольклористами обрядовые песни и ритуалы. Это промыслы и ремесла, какие удалось не потерять под натиском индустриализации. Это сохранившиеся “островки” того эстетически организованного лада народной жизни, который на наших глазах, как сказочная Атлантида, погружается в пучину времени...».

Экс-губернатор Тверской области Владимир Платов. 1997 г.

Противоположные точки зрения на провинцию и провинциальную культуру, одна из которых представляет её идеализированной «истинной», «духовно-самобытной» Россией, а другая – консервативным «застойно-замкнутым явлением», довольно традиционны в нашем обществе. «Русская культура – одна из самых провинциальных культур Европы», - выразил в 1928 году литературовед Н.К. Пиксанов эту максиму, ставшую позднее популярной³²⁰. Обе отмеченных позиции объединяет, тем не менее, то, что провинция – «это связь локальной общности (социальной системы) и пространства» России³²¹. Такова особенность российской провинции, развивавшейся исторически с XVIII века и обусловленной колоссальным пространством страны³²². Здесь пространственный фактор, «объективно существуя как географический, в большой степени порождает целый спектр явлений, субъективно оцениваемых весьма различно»³²³. И такой историко- и социокультурный феномен как *провинция*, имеющий в России особое значение, скорее не исключение, а правило, поскольку – «Россия произрастает провинцией» (Н.М. Карамзин).

По большому счёту из «срединного» евразийского местоположения России, независимо от разных существовавших и наличествующих ныне интерпретаций её исторического развития, и проистекают постоянные

³²⁰ Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – С. 10.

³²¹ Звоновский В.Б. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 79; См. то же: ecsosman.edu.ru/ons/msg/1901777...

³²² Именно России. В Европе, откуда и пришел к нам этот термин и культурное осознание провинции в процессе административного устройства Российской империи, начатого Петром I (в результате чего было создано 11 губерний и 49 провинций), данное обстоятельство такой роли не играло.

³²³ Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004. – С. 20. См. то же: ec-dejavu.ru/p/Provinces.html

метания между традицией и новацией; дискуссии о том, бедна страна или богата, развитая ли она или отсталая, ближе её к Востоку либо к Западу, к центру или периферии, к индустриальному (постиндустриальному) городу либо все же к деревне³²⁴.

Не смотря на то, что термин «провинция», был формально устранен из казенного лексикона ещё в конце XVIII века³²⁵, это понятие уже успело прочно войти в обиход, обретя определенный смысл и подтекст. Начиная с XVIII века, и до сих пор так обычно называют места, удаленные от столиц – российскую глубинку, жизнь в которой «тусклая» и тоскливая, словом, провинциальная. В большинстве случаев провинция характеризовалась в массовом сознании конца XX века в этом смысле. Но были и позитивные оценки: *«там люди добрее, порядочнее, это совокупление человека с природой»*³²⁶. По данным опроса россиян, проведенного Институтом комплексных социальных исследований РАН в декабре 2003 года, *«в массовом представлении россиян провинции характеризуются, прежде всего, теплыми человеческими отношениями, нормальным ритмом жизни, а также тем, что провинции – это и есть «настоящая Россия»*³²⁷.

С 1990-х годов термин «провинция» стал одним из наиболее часто используемых в научном, публицистическом, политическом, литературно-художественном лексиконе. Происходившие кардинальные изменения, дезорганизация всех сторон жизни нашего общества, противоречивость и неопределенность духовно-нравственной и этико-культурной обстановки, фактическое отсутствие национальной идеи и государственной идеологии в масштабах страны при очевидном стремлении «Центра» к консолидации

³²⁴ Ахиезер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. – 1994. – № 4-5. – С. 3-45; *Его же*. Предисловие // Давыдов А.П. Духовной жаждою томим. А.С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. – М., 1999. – С. 8-10; Баранцев Р.Г. Находится ли Россия между Востоком и Западом? // Новая эпоха. – 1997. – № 3 (14): newerosh.ru/journals/14/; Трейвиш А.И. Центр, район и страна. Инерция и новации в развитии российского крупногородского архипелага // Крупные города и вызовы глобализации. – Смоленск, 2003. – С. 54.

³²⁵ По «Учреждениям о губерниях» 1775 г. провинция как территориально-административная единица Российской империи была упразднена.

³²⁶ Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004. – С. 16; Сайко Е.А. Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – С. 36. См. то же: ec-dejavu.ru/p/Provinces_Saiko.html...; Звоновский В.Б. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 78-89; Сообщения ФОМ. Сообщение от 29.03.2001. «Тестирование понятия "провинция"» // www.fom.ru.

³²⁷ Подробнее об этом и о многом другом см.: Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад. – М.: ИКСИ РАН, 2004. См. то же: fesmos.ru/Publikat/5_Megapolis20...

её регионов. В этих именно условиях возобновилось осмысление природы российской провинции. Провинциальная культура становится объектом активного изучения разных научных направлений: философии, истории, социологии, этнологии, культурологи, искусствоведения и других наук, постепенно приобретая междисциплинарный характер исследования³²⁸.

Полемика о неоднозначности определения понятия «провинция», о соотношении соображений «провинциальный» и «региональный» ведётся давным-давно³²⁹. Понятие «провинциальная культура» также, в сущности неоднозначное и предполагающее как бы некую оппозицию «центр – периферия», «столичная культура – культура провинции», где центр всегда креативно-инновационный, тогда как провинция – инертно-традиционная, достаточно условно и «как научный термин не зафиксировано». Что, на взгляд культурологов, может и к лучшему, ибо точная формулировка будет здесь не в пользу дела, а задача строгого определения – искусственная и малопродуктивная³³⁰. Тем не менее, определимся в том, что российская провинция «по форме есть понятие географическое и административно-территориальное, а по содержанию – нравственно-культурное»³³¹.

И не будем забывать, что провинция – это *система*, пусть и в меньшем масштабе, но система, а не только «ячейка» или «строка» в административной, национальной и культурной и прочей системе страны. Следовательно, и в ней присутствует собственное «мобилизующее, по-своему креативное, оригинально воплощаемое начало», своя внутренняя иерархия центров и провинций, своя дихотомия области и района, города и деревни, мегаполиса и городка, села и деревушки. Причём это – система *саморазвивающаяся*, в которой все процессы «детерминированы изнутри, а

³²⁸ См.: *Культурология* в системе наук и образования. Аннот. библиогр. указ. 1997–1999 гг. / Сост. М.А. Кинсбургская; Ред. Т.С. Федорова. – М., 2000. – 122 с.; и др.

³²⁹ *Центр и периферия* в региональном развитии / О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш. – М.: Наука, 1991. – 168 с.; *Каганский В.Л.* Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта // *Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования*. – М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 72-111; *Трейвиш А.И.* Центр, район и страна. Инерция и новации в развитии российского крупногородского архипелага // *Крупные города и вызовы глобализации*. – Смоленск, 2003. – С. 54-71; *Дахин А.В.* Российская провинциальная культура в контексте глобальной региональной стратификации: проблема социальной ценности «внутренних пространств» // www.culturalnet.ru/main/getfile/61; *Сайко Е.А.* Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – С. 41-42.

³³⁰ *Чичканова Т.А.* Этимология и история понятия «провинция» // *Регионология*. – 1999. – № 3. – С. 208; *Бурлина Е.* Мифы о провинциальной культуре // *Русская провинция*. – 1994. – № 1. – С. 82-91; *Инюшкин Н.М.* Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004. – С. 43.

³³¹ *Инюшкин Н.М.* Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004. – С. 62.

не только извне». Учёт данного обстоятельства помогает уяснить статус провинции как особого феномена, «особой характеристики культурного ландшафта страны-системы»³³².

В «ландшафтно-статусной типологии территории», разработанной известным географом-теоретиком и «философом российских пространств» (В. Глазичев) В.Л. Каганским, пространство дихотомически не делится на две непересекающиеся части «центр – не-центр», но перекрывается, словно наслаиваясь друг на друга. Схема «центр – периферия» структурирует и описывает только «единичный простой ареал в безразличной среде». Однако в реальном мире всегда различается внутренняя и внешняя части, сердцевина и окраина, ядро и кромка и т.д. В ландшафтной реальности пространство образуется по иной схеме «центр – провинция – периферия – граница» (с учётом определённой формальности этой линейной схемы)³³³. Подлинная специфика модели культурного ландшафта нашей страны, которая отличает её от других стран, заключается в том, что ландшафт – «это повторяющиеся, типовые формы, соразмерные обычной жизни, структурирующие среду повседневности. Наш ландшафт специфичен не редкими узелками ткани, не украшениями-раритетами – *наша страна уникальна самой тканью жизненной среды*»³³⁴.

В национальной модели ландшафта «Провинция – относительно самодостаточная внутренне связанная нецентростремительная средняя зона, удаленная от краев и крайностей. Балансир и база системы. Части Провинции более связаны друг с другом, нежели с иными элементами. Основа единства – соприродность частей». И вот здесь провинция – «зона обыденной жизни, баланса телесности и семиотичности, искусственности и естественности и их синтеза, где преобладает местное, укорененное в конкретном месте население, богатые традиции самоописания. Провинция в нашем культурном ландшафте дефицитна; «еветизация» ландшафта и

³³² Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004. – С. 18-19. О типологии провинций в контексте социального ландшафта страны-системы, например, см: Звоновский В.Б. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 81-83.

³³³ Каганский В.Л. Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. – М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 72-111; *Его же*. Рамки региональной аналитики // Рациональный регионализм. – Тюмень; М, 1995. – С. 27-39.

³³⁴ Каганский В.Л. Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. – М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 78; *Его же*. Культурный ландшафт постсоветской России // gees.bham.ac.uk/documents/Draft... (Выделено и курсив Л.К.).

состояла в том, что места жизни превращались в ячейки решения задач. Поэтому самое важное, что сейчас происходит в пространстве – не бунт периферий, а попытки выхода из роли периферии, заметные у лиц, групп, городов, регионов»³³⁵.

Поэтому провинция видится культурологам достаточно устойчивой величиной «как территория определенной гармонизации, балансировки центробежного и центростремительного в большой системе». При этом механизм стабилизации провинции особенно очевидный при соотнесении с созидательным, мобилизующим началом центра, не является и не может являться всё определяющим «вдали от шума городского». Поскольку «эту притормаживающую функцию, консервативную роль хранительницы традиционного, провинция выполняет в рамках большой системы»³³⁶.

Именно в провинции веками складывался и приводился в действие механизм преемственности, преимущественно основанный на сохранении историко-культурных традиций, свойственных той или иной провинции и всей отечественной макрокультуре в целом. Благодаря этому механизму главным образом и формировалась собственно сама система ценностей российской культуры, создавался её генетический код. Значимость и ценность провинциального начала в культуре состоит, следовательно, в том, что провинциальная культура является «главным носителем структур социально-исторической памяти территориального сообщества». Другими словами, понятие провинциальная культура «указывает на онтологические структурные устои внутренних социальных пространств», устои, без которых эти пространства обречены на умирание и «музеификацию».

Именно провинция в значительной степени является носителем живых, житейских и обыденных «образцов» предшествующей истории культуры, образцов, которые сохраняются в виде повседневных обрядов, ритуалов и приёмов саморазвития, самоорганизации и самоуправления. «Центр» же в большей мере становится местом концентрации предметно-

³³⁵ Каганский В.Л. Россия: национальная модель культурного пространства // V конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 2003. – С. 203. *Его же*. Национальная модель культурного ландшафта // Русский журнал. 18 июня 2004: www.russ.ru/culture/20040616-kagg.html; См. так же: Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.

³³⁶ Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004. – С. 18-19.

материальных образцов (музеи и т.п.) и профессиональной социально-исторической рефлексии (центры исторической науки)³³⁷.

При этом обозначим следующий важный тезис: смысл провинции, её собственное самосознание творит город. «От имени российской провинции именно её города вступают в диалогические отношения с Общероссийским Центром /Столицей. Идентификатор «провинциальное /провинциальный» конституируется не деревней, а городом»³³⁸. Действительно город занимал, и будет занимать особое место в иерархии типов провинции. Это основа её культурной среды, так как «именно в городе концентрируются различные направления в культуре – исконные, традиционные для данной местности и пришедшие извне, например, из столиц»³³⁹.

Город, согласно концепции Ю.М. Лотмана, надлежит воспринимать как сложный семиотический механизм, генератор культуры, поскольку он «представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням, город как и культура – механизм, противостоящий времени...», потому что «он заново рождает свое прошлое, которое получает возможность сопоставляться с настоящим как бы синхронно»³⁴⁰. К этой теме мы вернёмся чуть ниже.

В процессе «революции регионов» постсоветской России одним из способов осмысления культуры страны становится обращение к изучению её отдельных регионов³⁴¹. Вообще появилась даже научная отрасль знаний – *регионология*³⁴². Речь идёт и о новом направлении культурологических исследований – *региональной культурологии*, которая «как обособленная

³³⁷ Дахин А.В. Российская провинциальная культура в контексте глобальной региональной стратификации: проблема социальной ценности «внутренних пространств» // www.culturalnet.ru/main/getfile/61...

³³⁸ Бельский И.Л. «Провинция» как предмет знания и переживания. Возможна ли «провинциология»? // Российская провинция XVIII–XX века. – Пенза, 1996. – Кн. 1. – С. 13-14; Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004. – С. 22.

³³⁹ Сайко Е.А. Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. – М., Изд-во РАГС, 2004. – С. 38.

³⁴⁰ Лотман Ю.М. Заметки о художественном пространстве // Избранные статьи: В 3 т. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Талин, 1993. – С. 453.

³⁴¹ См.: Орешина М.А. Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. – М.: РОИА, 2001. – С. 10-45; См. также: Огурцов А.П. Становление локальных исследований российской провинции (на материалах Среднего Поволжья): Автореф. дис. ... д-ра культурологии. – М., 2006.

³⁴² В то же время предлагается и понятие «провинциопогия» для обозначения некой совокупности научных знаний о провинции конкретно эмпирического, теоретического, сравнительно-исторического и типологического характера. См.: Бельский И.Л. «Провинция» как предмет знания и переживания // Российская провинция XVIII – XX века. – Пенза, 1996. – Кн. 1. – С. 13.

область культурологии в целом», с одной стороны, а с другой – «как частное регионалистическое направление в области исторических наук, позволяет рассматривать целый ряд региональных явлений через призму понятия «культура», которое изначально ориентирует исследователя на их интегральное осмысление»³⁴³. Объект её исследования – «конкретный регион как единство, продуцирующее особый тип культуры, как формы бытия национальной культуры в её региональном варианте, являющееся необходимым условием существования локального социума и служащего основой для самоидентификации его жителей»³⁴⁴.

Не знаю, уважаемый читатель как вы, но лично я не осмыслил пока предметного поля региональной культурологии и его «интегрального» постижения. Для меня не суть важно, скажем, отличие полотен Ван Дейка от Ван Гога, а важна их индивидуальность направлений в живописи. О региональной культурологии этого пока не скажешь. Сами представители данного научного направления не без скепсиса полагают так: «проблема типологизации разных по своей сути, форме и проявлениям процессов культуры... окончательно не может быть разрешена, в ней невозможно... поставить «жирную точку». Так как если это и будет кем-то сделано, то результат таких попыток сразу же вступит в противоречие с признанием изначального тезиса многообразия культурных форм и самой идеи формы культуры»³⁴⁵. Мне – нечего добавить.

В научном обиходе появилось также новое понятие «*региональная культура*» – как «вариант общенациональной культуры и одновременно самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями развития и логикой исторического существования». Её отличает наличие собственного «набора функций, продуцирование специфической системы социальных связей и собственного типа личности, способность оказывать влияние на общенациональную культуру в целом». Чем региональная культура отличается от культуры провинциальной, – толком не понятно. Но это совершенно не мешает «включить понятие региональной культуры

³⁴³ Орешина М.А. Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. – М.: РОИА, 2001. – С. 291-292.

³⁴⁴ Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: Автореф. дис. ... д-ра культурологии. – М., 2003. – С. 3-4; *Её же*. Методологические аспекты изучения региональной культуры // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 60-65; См. то же: www.ecsocman.edu.ru/socis/msg/16681...

³⁴⁵ Орешина М.А. Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. – М.: РОИА, 2001. – С. 292.

в типологический ряд историко-культурных явлений»³⁴⁶. Регион вообще предлагается приравнять к «культурно-историческому субъекту», который не совпадает с административно-территориальной единицей, к результату самоорганизации пространства³⁴⁷.

Зачастую региональная культура трактуется синонимично культуре провинциальной. Так, региональная культура видится как «особый мир, с одной стороны, уединенный, замкнутый, зацикленный на повседневности, стремлении сохранить определенный иммунитет к нововведениям». Она «плохо восприимчива к инновациям, чужим ценностям» и тяготеет к их «своеобразному преломлению». Но это и «открытая культура, стремящаяся вовне, к диалогу с другими культурами, к постоянному приращению ценностного богатства», с другой стороны. Это культура, «чувствующая одновременно и внутреннюю исключительность, и... неполноценность по отношению ко всему остальному миру». Она и «кладезь духовности, и «основа российского бескультурья, вандализма, безнравственности, которые вызваны отходом от одной культурной среды и –не вхождением» в другую»³⁴⁸.

Несмотря на неясность в том, между какими культурными средами региональная культура разошлась сама с собой и на очевидное совпадение с рассмотренными нами выше основными характеристиками, присущими провинциальной культуре, оставим данное определение для интереса. Заслуживает внимание также мнение относительно подхода «к выявлению смыслообразующих основ российской культуры» в переходный период. «Задача видится в способности русской культуры вырабатывать идеи и формы возрождения путем культурного полицентризма, т.е. интеграции ценностей из региональных и локальных культур». Но оптимизм автора сочетается с опасением того, «что за долгие годы монопольного подхода к культуре региона её лишили многих созданных ценностей». И «...в этом смысле особые меры должны быть предусмотрены в плане сохранения культурных традиций, наследия и самобытности»³⁴⁹.

³⁴⁶ Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: Дис. ... д-ра культурологии. – М., 2003: dissercat.com/content/fenomen-regio...

³⁴⁷ Чичканова Т.А. Развитие российской провинции: культурологический подход. – Самара, 1997. – С. 7 и сл.

³⁴⁸ Беспалова Ю.М. Региональная культура в социокультурном пространстве России // Словцовские чтения – 99. – Тюмень, 1999. – С. 237-238.

³⁴⁹ Беспалова Ю.М. Региональная культура в социокультурном пространстве России // Словцовские чтения – 99. – Тюмень, 1999. – С. 238.

Что верно – то верно. И на счет оптимизма тоже. Однако оптимизм – это не расчет перспектив, а скорее, оценка мироощущения, определяемого настоящим. Каковой же была эта оценка по отношению, например, к недвижимым памятникам культурного наследия, которое буквально «на глазах», становится жертвой «экологической агрессии» индустриального общества, урбанизации и иных антропогенных и природных факторов? Оказалось, что до недавнего времени во всех регионах России «не была налажена работа по экологическому мониторингу объектов культурного наследия для целей региональной политики». В результате не был налажен и систематический учет их состояния. Получалось так: «поскольку не было информации о проблеме, то зачастую создавалось видимость отсутствия и самой проблемы»³⁵⁰.

Поэтому, по мнению специалистов, изменение к лучшему ситуации с состоянием памятников истории и культуры в регионах надо начать «с формирования надлежащей системы мониторинга, призванного дать объективную и полную картину масштабов и генезиса проблемы». При этом исследователи проблемы считают, что сам по себе такой мониторинг, естественно, «не решает проблемы снижения экологического риска» состояния недвижимых объектов культурного наследия. Тем не менее, очевидно и то, что без такого мониторинга о серьезном, долгосрочном эффекте экологической политики по отношению к памятникам истории и культуры страны не может быть и речи³⁵¹.

Исследовательская позиция и её возможности были расставлены, по моему, адекватно: в современных политических и экономических условиях России «политика сохранения наследия может достичь желаемых целей только в случае переноса «центра тяжести» непосредственно в регионы, где наиболее остро сказываются последствия его полной или частичной утраты, где существуют наиболее реальные предпосылки его сохранения. Институт Наследия с 1999 года ведёт работу по распространению опыта в этом деле в регионах на федеральном уровне; проводятся регулярные Всероссийские конференции по этой проблеме и издаются сборники»³⁵².

³⁵⁰ *Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия.* - М.: Институт Наследия, 2001. – С. 3, 4.

³⁵¹ *Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия.* - М.: Институт Наследия, 2001. – С. 4-5.

³⁵² См.: Материалы Пятой Всероссийской научной конференции «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия». – М.: Институт Наследия, 2001. – 494 с.

Продолжим разговор том, что «логос» провинции, её самосознание «творит город», где прошлое получает возможность как бы синхронно «сопоставляться с настоящим». Современная городская среда, в которой протекает повседневная жизнь значительной части населения нашей страны, где формируется сегодняшняя «урбанистическая мифология», идеалы и ценности, включая и этнически окрашенные, является составной частью социокультурного пространства России. Поэтому все те аспекты связи, о которых говорилось выше, представляются не менее важным. Поскольку в любом городе в особенности историческом и, особенно в его предместьях со старыми селами, усадьбами, монастырями в их природном окружении, находятся особые «месторазвития» – памятники природы, истории и культуры, требующие и особого отношения к ним. Ибо от этого отношения зависит и наше дальнейшее существование, и развитие как «суперэтнического» образования – воспользуюсь здесь этими терминами евразийцев и Л.Н. Гумилева.

Неслучайно поэтому, что уже в конце XX столетия памятниковеды вышли на такой уровень понимания информативности и непреходящей ценности историко-культурного наследия, согласно которому «памятники истории и культуры, являющиеся результатом труда многих поколений человеческого сообщества», представляют собой своеобразные «местные и временные –островки» в ноотехносфере, уничтожение которых приводит к росту энтропии»³⁵³. Или, в культурологическом смысле этого слова, – к утрате культурных традиций и ценностей, к дезориентации и деградации, ведущих к деструктивным процессам в системах «человек – природа», «человек – общество», «человек – культура».

Посылка, что культурный ландшафт можно построить – неверна. Ландшафт, хозяйство, язык, культуру можно разрушить и деформировать, но нельзя сконструировать. Они самосоздаются, на этот процесс можно только лишь влиять. Так, сегодня признаётся, что ограниченный ландшафт прединдустриальной эпохи полностью невосстановим (сельский ландшафт во многих местах в основном уже утрачен), хотя его живые компоненты крайне ценны. В наши дни и перспективе главная задача должна сводиться к *ревитализации культурного ландшафта*, в том числе некогда культурно-

³⁵³ Боярский П.В. Введение в памятниковедение. – М.: «Советский фонд культуры», Центр «Культура и Мировой океан», 1990. – С. 60. *Энтропия* (от греч. «поворот, превращение») – мера необратимого рассеивания энергии; мера отклонения реального процесса от идеального; мера беспорядка системы, состоящей из многих элементов.

освоенной, но ныне разреженной территории с погибающим ландшафтом. Ревитизация при этом не должна принимать только форму реставрации (каковую она и обретает), «где ландшафт трактуется исключительно как вместилище – историко-архитектурных памятников», среда, фон для них». Но вместе с тем она предусматривает «социальную и даже экономическую ревитализацию культурного ландшафта»³⁵⁴.

* * *

В одной из телевизионных передач на ОРТ начала 2000-х годов, посвященных проблемам роста влияния экстремистского течения в исламе – ваххабизма³⁵⁵ – среди населения (в том числе и русского) одного из регионов Закавказья, видный современный этнолог С.А. Арутюнов, сказал: «русские – самая деэтнизированная нация». В числе кардинальных причин этого явления он указал и на «слабое использование памятников русской культуры и традиций в повседневной жизни, сопряженной с решением многих проблем, на которые они могли бы ответить». А в Карабахе или Дагестане, например, как и во многих республиках Центральной Азии для большинства населения «ислам – это – повседневная жизнь», защищаемая от вторжения извне и навязываемой насильно (как принято считать) модернизации»³⁵⁶.

Ислам там – это экономика, духовная стабильность, утешение и, в первую очередь, вера. Отсюда – вполне понятно усиление его влияния (используемое ваххабитами), ставшее для местных русских, проживающих (как и многие) в сложных повседневных условиях, востребованным. В отличие от русской культуры и православия, которые оказались там, увы, несостоятельными. Поскольку это русское культурное наследие как бы и

³⁵⁴ Каганский В.Л. Мир культурного ландшафта // Русский архипелаг: archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus...; *Его же*. Ландшафт и постмодерн // Русский журнал: <http://www.russ.ru/columns/culture/109221102>. См также: Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.

³⁵⁵ Ваххабизм – радикальное религиозно-политическое движение в исламе, оформилось в Аравии в XVIII в., на Северном Кавказе – в 1970-90-е гг. Главный догмат – вера в единого Бога, и «понимание религии в том виде, в котором её понимал пророк и его сподвижники». Основная задача – борьба за очищение ислама от чуждых, на их взгляд, ему примесей, основанных на культурных, этнических и других особенностях мусульманских народов. При этом *джихад* – война за веру ведется сегодня не столько против иноверцев, сколько против нарушивших предписания ислама мусульман и вероотступников. Подробнее см.: Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А. «Ваххабиты» на Северном Кавказе // Ислам на территории бывшей Российской империи. Вып. 2. – М.: Вост. лит. РАН, 1999. – С. 19-23.

³⁵⁶ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.: Вост. лит. РАН, 1995. – С. 253.

не состоялись – его не оказалось, когда понадобилось. В результате, как транслировалось по TV, некоторые из местных русских парней пошли в ислам и, к сожалению, за ваххабитами.

Выбор каждым человеком веры – дело, несомненно, глубоко личное, интимное. Но дело даже не в вере, а в её символе, который в данном обстоятельстве оказался сильнее этнокультурной традиции, её символики. Последние утратилась, как таковая, как и всякая память о них и памятники культуры ещё до того. Этот взгляд на маргинальную обстановку позволяет лучше оценивать формирующуюся ситуацию, поскольку на «пограничье» России и русской культуры эта проблема проживается быстрее, острее и отчетливее.

Зона пересечения отдельных культур, определяемая как культурное «приграничье», обуславливает наличие границ между «своим» и «чужим» миром. Это наиболее напряженный, конфликтный и смыслообразующий участок культурного пространства. «Граница – место выбора дальнейшего Пути человека, именно здесь его подстерегают опасности и испытания...». Вместе с тем, наличие культурного «приграничья» является фактором формирования нового культурного пространства при условии реализации диалога как главного принципа взаимоотношений различных компонентов культурного пространства³⁵⁷.

И у Русского мира имеется своё религиозно-культурное «пограничье ~ приграничье», свой исламский сегмент, который с неизбежностью будет увеличиваться и усиливаться. На что можно влиять – на характер процесса новой структуризации Русского мира, гетерогенность которого будет всё расти. По мнению эксперта Всемирного банка в области миграционной политики С.Н. Градировского, изучавшего этот вопрос в Приволжском федеральном округе и по стране, возникновение религиозно-культурного пограничья было вызвано не столько «катастрофической» перестройкой экономического уклада, сколько, иными причинами:

- 1) – «сломом грандиозной системы пространственного развития евразийского мира, осуществляемого Москвой в рамках тотальной индустриализации»;

³⁵⁷ См.: *Пылкова А.А.* Приграничье как феномен культуры (на примере Дальнего Востока России): Автореф. дисс. ... канд. культурологи. Комсомольск-на-Амуре, 2004; *Воробьева Е.А.* Культурное приграничье как форма осмысления бытия культуры // Аналитика культурологии: analiculturolog.ru/archive/item/638...

- 2) – «сменой демографической модели всех европейских народов бывшей империи»;
- 3) – «доминированием на постсоветском пространстве двух типов массовых человеческих течений – так называемых «западного дрейфа» и «южного антропотока»».

Столкновение идентичностей, по справедливому суждению эксперта, реальность глоболизирующегося мира, в котором «давление геокультуры как со стороны Севера, так и со стороны Юга порождает колоссальное обоюдное недоверие», а также «страх малолетнего населения Севера перед традиционно-религиозным (и потому куда успешней воспроизводящим свои идентичности) многодетным населением Юга»³⁵⁸.

Об усилившемся в конце прошлого столетия процессе деэтнизации русских: «сходящей почти на нет народную культуру, упадок культуры профессиональной», которая вытесняется «западной» (преимущественно американской) «массовой» культурой, с тревогой пишет другой этнолог, В.И. Козлов³⁵⁹. Можно привести немало прочих высказываний, где так или иначе говорится о слабой востребованности в современном культурном пространстве Отечества национального историко-культурного наследия. Национальное при этом не значит сугубо этническое, а социокультурное. Между тем, рецессия исторической памяти народа, невостребованность, необозначенность и тем более утрата памятников национальной культуры – процесс, обладающий скрытой деструктивной силой, порой чреватый неутешительными последствиями.

Подзабыли, например, об одном из самых знаменитых полей ратной славы Отечества – Куликовом поле. Получили от одного из общественных движений в Татарстане попытку искажения-отрицания самой Куликовской битвы (1380) как исторического события, являвшегося хрестоматийным в российской истории. Это, в частности, одно из относительно недавних новостей культуры дня сегодняшнего. Каковой будет новость завтрашнего дня? А, кто его знает. Однако это не частный случай. Это вопрос состояния исторической памяти нашего суперэтнического образования, связанный с отношением к собственному историко-культурному наследию, такого рода

³⁵⁸ Градиловский С. Культурное пограничье: русский ислам // Русский архипелаг: www.archipelag.ru/authors/gradirovs

³⁵⁹ Козлов В.И. История трагедии великого народа. Русский вопрос. – М., 1996. – 274.

историко-культурным территориям, в том числе³⁶⁰. Но и избыток истории, её сужение, редуцирование до определенных теоретических схем, в равной мере малопримлемы для жизненного роста того или иного народа³⁶¹.

В порядке постановки, зададимся и таким вопросом. Что означает мемориальная необозначенность, хотя бы памятными знаками, не говоря о более функциональных объектах, таких историко-культурных территорий Тобольского предместья как Потчевашский (Чувашский) мыс с «Княжьим лугом» – места легендарной битвы казаков Ермака с воинством Кучум-хана. Или городища Искер, а также «Карачинского острова», с остатками укрепленных поселений конца XVI века – «городка Карачи», а затем и дружины Ермака и прочих памятников истории Сибири эпохи «сибирского взятия». Это означает в данном случае, что наше историко-культурное наследие находится на периферии национальной исторической памяти³⁶².

Думается, что до отрицания похода дружины атамана Ермака дело, безусловно, не дойдет, но искажения его исторического значения вполне возможны. Почему бы и нет? Ведь с легкой руки тобольского писателя В.Ю. Софронова сам Ермак уже «превратился» из казака то ли в казаха, не то в татарина³⁶³. А обыватель все же больше читает исторические романы (и, слава богу), но практически не знает, не посещает сами исторических памятники, не знакомится с объективной информацией, которые они могли

³⁶⁰ См.: *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3-14; *Историческая память* в массовом сознании российского общества: (Результаты социологического мониторинга): Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС. № 2'2003. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 172 с.

³⁶¹ *Жовтун Д.Т.* Идеологизация исторического сознания // Историческая память в массовом сознании российского общества: (Результаты социологического мониторинга): Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС. № 2'2003. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – С. 93-97.

³⁶² В последнее время на соседней с Искером территории Региональная татарская общественная организация «Наследие» по Тюменской области ежегодно проводит фестиваль *Искер-джиен* «для пропаганды национального историко-культурного наследия и возрождения Искера как духовного центра». В 2010 г. он уже получил даже название «III Международный фестиваль историко-культурного наследия» См.: www.tyumedia.ru/12958.html. *Джиен (жэиен)* – вообще-то татарский народный праздник окончания весенних полевых работ, т.е. то же что и Сабантуй. Причем тут Искер – не понятно. Фестиваль есть фестиваль: музыка и песни, танцы и скачки, словом, гуляние – дело хорошее. Но дело в том, что оно проходит всего в нескольких шагах от действующего православного кладбища посёлка Ермак (ныне Сибиряк) – а это не дело. Жители этого посёлка справедливо возмущаются. Представляете: тут похороны, а здесь гулянье – я сам тому свидетель. Нонсенс. Но администрации Тобольского района до этого нет никакого дела.

³⁶³ *Софронов В.Ю.* Кто ты, Ермак Аленин? // Тобольский хронограф. Сборник. Вып. 3. – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1998. – С. 158-168.

бы ему поведать. Эти историко-культурные территории пока обречены у нас на безмолвие³⁶⁴.

В США, например, выделен специальный тип подобных территорий – «battlefield», к которому отнесены более десятка объектов. Существуют не только учреждения, но и коллекционеры, занимающиеся поисками и собиранием разнообразных предметов, например, относящихся ко времени Гражданской войны (1861–1865 гг.). Эти подлинные вещи пользуются там большой популярностью и спросом, поскольку за ними стоят конкретные эпизоды битв и их участники. Так, даже простая пуля, выпущенная тогда в том или ином сражении, чего-то стоит у коллекционеров, и больше чем её скромная стоимость в 5 \$ – у рядовых американцев.

А что делается в этом отношении у нас?³⁶⁵ У нас «в стране пока не сформирован особый статус для таких территорий». Может показаться странным, но «большинство из полей битв не имеют ни музейных комплексов, ни значительной системы мемориальных сооружений». Единственным исключением являлось поле Бородинское, где к 100-летию Бородинского сражения в 1912 году было возведено несколько десятков мемориальных объектов – главным образом памятные знаки воинским соединениям, участвовавшим в битве. Между тем, «поля битвы – это своеобразные природные территории, несущие огромный исторический и историко-культурный потенциал..., фактически – это особая единица исторического ландшафта»³⁶⁶. Благодаря усилиям многих специалистов и администрации Тульской области, Куликово поле объявлено одним из трех «Полей ратной славы Отечества», наряду с Бородинским полем и Прохоровкой на Курской дуге. Здесь был создан государственный военно-исторический и природный музей-заповедник³⁶⁷.

А сколько ратных полей в нашем Отечестве, требующих придания им охрannого режима и статуса исторической территории? Сколько таких территорий, «где в традиционной природной и социокультурной среде находятся природные и историко-культурные объекты исключительной

³⁶⁴ Но это не значит, что безмолвствуют татарские националисты и радикалы: «Памятник Ермаку, с чьим именем связаны самые черные страницы истории татар Сибири, стоит на самом почетном месте в центре Тобольска». Это и подобные ему высказывания см. на сайте «Московское Татарское Свободное Собрание (МТСС)».

³⁶⁵ Здесь я не рассматриваю деятельность энтузиастов-поисковиков, которым низко кланяюсь.

³⁶⁶ Шульгин П.М. Поле битвы – особый тип историко-культурной территории // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. – Тула, 2000. – С. 8-10.

³⁶⁷ Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. – Тула, 2000. – С. 3-6.

ценности и значимости»; «где в естественной историко-ландшафтной среде живут и работают люди... (в каких-то случаях являющиеся носителями социальных и хозяйственных традиций данной исторической территории)»; «где само пространство, как бы насыщенное исторической и природной памятью, становится объектом наследия»³⁶⁸?

Полагаю, намного больше, чем мы думаем. В Институте Наследия в настоящее время ещё продолжается работа «по составлению перечня историко-культурных и природных территорий по административным регионам России»³⁶⁹. Но, как уже отмечалось, у нас «пока не сформирован особый статус для таких территорий». Естественно, что нет и закона или общегосударственного положения, на основании которого это наследие можно было бы чётко обозначить для дальнейшего и бережного его использования. Поэтому и наблюдаем сегодня, например, строительство коттеджей на Бородинском поле. Шум вокруг этого факта подняли, кстати, блогеры и только затем отреагировала Росохранкультура и подмосковное правительство³⁷⁰.

Тем не менее, в настоящее время обстановка в этом отношении в целом меняется, и похоже, что к лучшему. Есть уверенность в том, что такие уникальные историко-культурные и природные территории будут признаны таковыми и выделены. Будем надеяться, что и город Тобольск с его предместьями войдет в их число. Мы, тоболяки и вообще сибиряки, совсем не хотим, чтобы «островки» исторической памяти – наше историко-культурное наследие – «на наших глазах, как сказочная Атлантида, погружались в пучину времени». И если власти начинают осознавать неблагополучие ситуации – это обнадеживает.

* * *

В этой связи напомним о том, что Институт Наследия совместно с городским комитетом культуры в 2000 году разработал «Комплексную социально-экономическую программу развития исторического города

³⁶⁸ Шульгин П.М. Поле битвы – особый тип историко-культурной территории // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. – Тула, 2000. – С. 9.

³⁶⁹ Ежегодный отчет Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева в 2000 году. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 12.

³⁷⁰ См.: s-pravdoy.ru/regions/9084-2011-... и другие сайты за февраль–май 2001 года.

Тобольска»³⁷¹. В 2004 году была утверждена областная целевая программа «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска». В 2005 году было подготовлено «Дополнение...» к данной целевой программе³⁷². В 2006 году разработаны «Стратегия развития туризма на территории архитектурно-ландшафтного заказника Абалакский природно-исторический комплекс» и «Стратегия развития туризма на территории Тюменской области на период до 2011 г.». В 2011 году подготовлена «Концепция межрегионального туристического маршрута «Но пути Ермака» по городу Тобольску и его окрестностям»³⁷³. Сегодня эти программы и стратегии отчасти уже исполнены и продолжают воплощаться в жизнь.

Не касаясь всего комплекса различных объектов и мероприятий, предусмотренных данными документами по сохранению и использованию природного и историко-культурного наследия Тобольска в целях развития туризма, назову лишь некоторые особые «месторазвития» в культурном ландшафте Тобольского предместья, которые вошли в эти документы. В первую очередь это Абалакский природно-исторический комплекс, одной из привлекательных сторон которого является значительная концентрация памятников археологии, истории и архитектуры, а также ещё сохраненная частично традиционная культура сибирских татар. Эта территория в целом – уникальное поле для этнического и конфессионального диалога, который надо вести серьёзно, основательно и непрерывно.

В числе археологических и этнокультурных памятников на данной территории расположены: *городище Искер* – бывшая столица Сибирского ханства и *Саусканское городище* – памятник средневековой угорской

³⁷¹ *Исторический город* как историко-культурная территория. Концептуальные положения Программы комплексного социально-культурного развития исторического г. Тобольска на долгосрочную перспективу // Ориентиры культурной политики. Информац. вып. № 7. – М.: Институт Наследия, 2003. – С. 40-53.

³⁷² *Дополнение* к областной целевой программе «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска». – Тобольск, 2005. – 60 с.

³⁷³ *Областная целевая программа «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска»*. – Тюмень, 2004; *Дополнение* к областной целевой программе «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска». – Тобольск, 2005; *Стратегия* развития туризма на территории архитектурно-ландшафтного заказника «Абалакский природно-исторический комплекс». – Тюмень, 2006; *Стратегия* развития туризма на территории Тюменской области на период до 2011 года. – Тюмень, 2006; *Концепция* межрегионального туристического маршрута «Но пути Ермака» по городу Тобольску и его окрестностям. Тобольск, 2011.

культуры. *Искер астана* – усыпальница первых правоверных шейхов Сибири и мемориальный некрополь «*Ханское кладбище*», а также место упокоения казаков Ермака и московских стрельцов князя С. Болховского (ум. 1584). И это всё рядом, практически в одном месте. Среди старинных селений упомяну хотя бы такие, как: деревня Епанчина (тат. *Хужайлан*) – отчизна известного сибирско-татарского прозаика Я.К. Занкиева (1917–2003); село Верхние Аремзяны – «малая родина» всемирно известного ученого Д.И. Менделеева (1837–1907). Это лишь несколько «островков» в бескрайнем «море» культурного ландшафта Тобольского предместья. И мы настроены против того, чтобы они «на наших глазах, как сказочная Атлантида, погружались в пучину времени...».

В рамках реализации вышеприведенных программных документов сегодня уже разработаны научное и историко-архитектурное обоснование, эскизы и прочая проектно-сметная документация (в т.ч. рабочие чертежи) по проекту «Частичное воссоздание укреплений городища Искер». Ведётся подготовка необходимой документации по проектам «Чувашский мыс – поле ратной славы Отечества» и «Сузге – парковая историко-литературная зона (сквер)». Мы уверены, что данные и иные проекты будут претворены в жизнь. И возвращение к функционированию в современной жизни этих легендарных памятников-символов Сибирской истории произойдёт. Иначе никак нельзя – позади Сибирь...

Для того чтобы окинуть широким взглядом туристические ресурсы Тобольска и его окрестностей воспользуемся так называемым «кластерным подходом». Под термином «*кластер*» (введен М. Портером) в экономике и бизнесе понимается временное взаимодействие предприятий и связанных с их деятельностью организаций и фирм, пространственно соподчиненных и конкурирующих на одном рынке, но ведущих совместную деятельность³⁷⁴. По существу это то, что подразумевается под отечественным понятием «территориально-промышленный комплекс». Чем отличается туристский ~ туристический кластер от кластеров индустриальных, агропромышленных, сервисных и иных видов?

Главное отличие кластера в сфере туризма – его территориальная маршрутная организации. Турмаршрут и соответствующий туристический поток связывает разные объекты, превращая их из конкурирующих во

³⁷⁴ Портер М.Е. Конкуренция /пер. с англ. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2001. – С. 221, 263.

взаимодействующие элементы системы. Кластер формируется благодаря туристическому потоку. Центральное понятие кластера – туристические ресурсы, им принадлежит решающая роль в развитии туризма, ибо они в большей степени являются существенным мотивом и причиной участия людей в турпоездках. Туристические ресурсы могут быть как природные, так и искусственно созданные. Доминантой туристского кластера может быть место размещения или объект интереса – горнолыжный комплекс либо природно-исторический комплекс. В любом случае главное условие развития туристического кластера – наличие или появление маршрутов и потоков туристов. Стержневое звено кластера – турист, на него направлена вся деятельность. При этом важно, чтобы новый турпродукт был ему интересен. В путешествии турист потребляет различные услуги: общие, специфические туристические и сопутствующие им. Прежде всего, он нуждается в жилье, питании, транспорте и досуге. Отсюда – узловыми элементами кластера являются поставщики туристических услуг, в том числе туристские фирмы, основная задача которых состоит в разработке привлекательных турпродуктов, отвечающих потребностям туристов, а также поддержание стандарта сервиса³⁷⁵.

Опуская исследовательские задачи и методику кластерного подхода в туристической сфере, обозначим следующее. В пределах протокластера рекомендуется выделять три зоны. Первая – центральная зона или ядро – это своеобразный генератор туристических инноваций, распределитель турпотоков. Вторая зона – базовая или опорная – территория, в пределах которой сосредоточены основные туристические объекты и маршруты. Третья зона – ареал перспектив туристского бизнеса – зона влияния кластера, распространяющаяся на области перекрытий с соседними такими системами. Она может выходить за административные границы, охватывая территорию межрегионального сотрудничества в сфере туризма³⁷⁶.

Итак, туристский кластер формируется в пределах туристического района и характеризуется присутствием туристических фирм, имеющих

³⁷⁵ Зырянов А.П., Мышлявцева С.Э. Туристические кластеры Пермского края // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды V Международной научно-практич. конф. – М., 2010. – С. 4; Пятина Д.А. Туристический кластер как понятие // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды V Международной научно-практич. конф. – М., 2010. – С. 24.

³⁷⁶ Зырянов А.П., Мышлявцева С.Э. Туристические кластеры Пермского края // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды V Международной научно-практич. конф. – М., 2010. – С. 5.

тесные отношения. Каждый кластер должен иметь возможность создания особенных туристических брендов и выполнять свои специализированные функции в региональной туристско-рекреационной системе, выделяться своими видами туризма и рекреации.

Практический опыт создания туристических кластеров в Российской Федерации невелик. Примерами являются кластер «Красная Изба» в Великом Новгороде, развивавшийся путем организации информационно-туристического центра, который объединял и координировал около 30 предприятий, занимался продвижением региона на туристическом рынке. Создание нескольких туристских кластеров в Республики Карелия привело к равномерному распределению *дестинаций*³⁷⁷, снятию нагрузки с главных мест посещения туристами: Кижы, Валаам, Петрозаводск. Назовем также кластерный подход, апробированный в Пермском крае, что позволило выделить протокластеры на территории региона, провести их зонирование, определив туристские доминанты.

В индустрии туризма Тюменской области такого рода работ ещё не проводилось масштабно, хотя в экономическом аспекте этого направления она ведется, скажем, в Нижневарттовском государственном гуманитарном университете³⁷⁸. Тем не менее, на основе опыта коллег из Пермского края и Свердловской области, применительно к разработке межрегионального туристического маршрута «По следам Ермака» автором было предложено выделить два туристических кластера (вернее – протокластера) по городу Тобольску и Тобольского району:

1. *Тобольский*, названный по имени исторического «града» в регионе – города Тобольска.
2. *Абалакский*, получивший наименование по местонахождению на территории туристического района его доминанты – Абалакского монастыря в Абалакском природно-историческом комплексе³⁷⁹.

³⁷⁷ *Дестинация* – англ. «местонахождение, место назначения». Термин «туристическая дестинация» введен в середине 1980-х годов. Означает географическую территорию, имеющую определенные границы, которая может привлекать и удовлетворять потребности широкой группы туристов.

³⁷⁸ Соколов С.Н. Туристско-рекреационные кластеры и их конкурентоспособность // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды V Международ. научно-практич. конф. – М., 2010. – С. 10-16.

³⁷⁹ *Концепция межрегионального туристического маршрута — «Пути Ермака» по городу Тобольску и его окрестностям.* Тобольск, 2011. – С. 9-13.

В первом из них на данном этапе выделено 3 функциональные зоны – центральная зона, базовая зона и зона перспектив туристского бизнеса, а во втором – 2. При этом я исходил из варианта модификации как бы уже существующего «кластера», подразумевая под ним наличие как прежних, так и новых сложившихся маршрутов и туристических потоков по Тобольску и предместьям города. Кроме того, учтён и такой критерий как «локализованность связей – потребление продукта в пределах кластера и за его пределами» (по классификации А. Шастико)³⁸⁰.

В пределах *кластера Тобольский* определены три функциональные зоны. Первая – центральная зона (Рис. 1) выделена отдельным контуром, который образуется непосредственно вокруг исторического центра города: Кремль, Рентерея, Дворец наместника, Гостиный двор, Тюремный замок, Губернский музей, Сад Ермака, включая также Земляной вал и Завальное кладбище. Это – зона самого активного экскурсионного пространства г. Тобольска и основной узел в его туристско-рекреационной системе. Здесь сосредоточены главные объекты показа, туристского сервиса, предприятия размещения, питания и досуга туристов. Это транспортный узел кластера. Это пояс экскурсий на историко-культурные объекты города Тобольска.

Вторая – базовая зона (Рис. 2) огибает территорию в нагорной и в подгорной части Тобольска и его предместий, демонстрируя гармонию города с сибирской природой. Она включает Панин бугор, Киселевскую гору с Чувашским мысом, Сузгунскую и Алемасову горы. Здесь находятся памятники археологии, исторические места, связанные с походом Ермака, памятники природы и объекты спортивно-ориентированного туризма (для пеших походов, лыжных прогулок, речных круизов и др.). Нижний посад – образчик исторической застройки, средоточие памятников деревянного зодчества, светской и культовой архитектуры разных религий. Это зона различного туристического интереса, но ещё недостаточно освоенная как в экскурсионном пространстве, так и объектами туристического сервиса. Поэтому – это также зона дальнейшего развития туристско-рекреационной системы Тобольска.

Третья – перспективная зона (Рис. 3) охватывает сектор левобережья Иртыша в низовьях Тобола, включая полосу федеральной трассы Тобольск – Тюмень до узла с. Ярково – с. Покровское, и район от устья Тобола до

³⁸⁰ Шаститко А.Е. Кластеры как дискретная институциональная альтернатива управления транзакциями // Балтийский регион. – 2009. – № 2. – С. 26-43.

устья Вагая на участке автодороги Тобольск – Вагай. В неё входят редко посещаемые, но насыщенные туристическими ресурсами (природными, рекреационными, историко-культурными, этнографическими) местности Тобольского, частью Ярковского и Вагайского районов области. Здесь расположено множество старинных сел и деревень. Эта зона интересна потенциалом сельского и этнографического туризма, хотя притом может специализироваться в промысловой, санаторно-курортной рекреации, экологического и спортивного туризма. Она турмаршрутов не имеет, но «По пути Ермака» может стать её первым стабильным маршрутом, ведущим к формированию полноценного кластера. Внимание заслуживает не столько разработка маршрутов, сколько поэтапное создание в данном ареале кластера всей туристско-рекреационной системы.

В пределах *кластера Абалакский* выделены две функциональные зоны (Рис. 4). Первая – центральная зона обозначена отдельным контуром, образуемым вокруг села Абалак. В неё входят архитектурный ансамбль XVII – XIX вв. Абалакского мужского монастыря и объекты туркомплекса «Абалак» (в виде рубленого острога): «поляна сказок», кафе «Змей-Горыныч», трактир «Белая сова», пивной бар «Рыба-кит», гостевые дома «Воеводские палаты» и др., а также лыжная база. В этой зоне планируется возведение туристского центра «Сибирское подворье» и VIP-гостиничного комплекса. Это – зона наиболее активного экскурсионного пространства села Абалак, главный узел его рекреационной системы, составляющей ведущий вектор туристических потоков маршрута Тобольск – Абалак. Здесь сосредоточены основные объекты показа и туристического сервиса, включая размещение, питание, досуг и развлечение туристов. Эта зона экскурсий на историко-архитектурные объекты с. Абалак, паломнического туризма и различных фестивалей. Как то – фестиваль военно-исторической реконструкции «Абалакское поле».

Вторая – базовая зона (Рис. 5) включает большую часть территории Абалакского природно-исторического комплекса. В зону его культурного ландшафта входят: памятники археологии от эпохи бронзы до Сибирского ханства, места, связанные с походом Ермака, этнокультурные памятники сибирских татар (мавзолеи святых). Памятники культовой архитектуры: Иоанно-Введенский женский монастырь XVII – начало XX века (пос. Прииртыский), Преображенская церковь XVIII века, а также деревянного зодчества. Рекреационная зона включает: природные комплексы «Болото

Чистое – озеро Царёво – озеро Волково», «Верхние Аремзяны», йодобромные источники и др. Концентрация разнообразных объектов наследия на одной территории обеспечивает её привлекательность как для историко-культурного туризма и этнотуризма, паломничества, так и событийного, научного, делового, экологического спортивного туризма и промысловой рекреации.

Это и зона дальнейшего развития туристической индустрии – здесь намечается создание объектов: «Рыбацкий стан», смотровая площадка у с. Преображенки, части сооружений городища Искер палаточный городок близ пос. Сибиряк и других. Это также зона инвестиционных проектов, в частности, по производству минеральной воды в селе Верхние Аремзяны и новых туристических продуктов, например, «Татары Сибири: история и современность». Поэтому выделять здесь третью – перспективную зону представляется нецелесообразным, поскольку этот кластер самодостаточен для перспектив туристического бизнеса. При этом туристический маршрут предлагается продлить до деревни Баишево Вагайского района за счет включения ряда объектов культурного ландшафта, в том числе места предполагаемой легендарной «могилы Ермака».

Добро пожаловать в город Тобольск и его предместья!

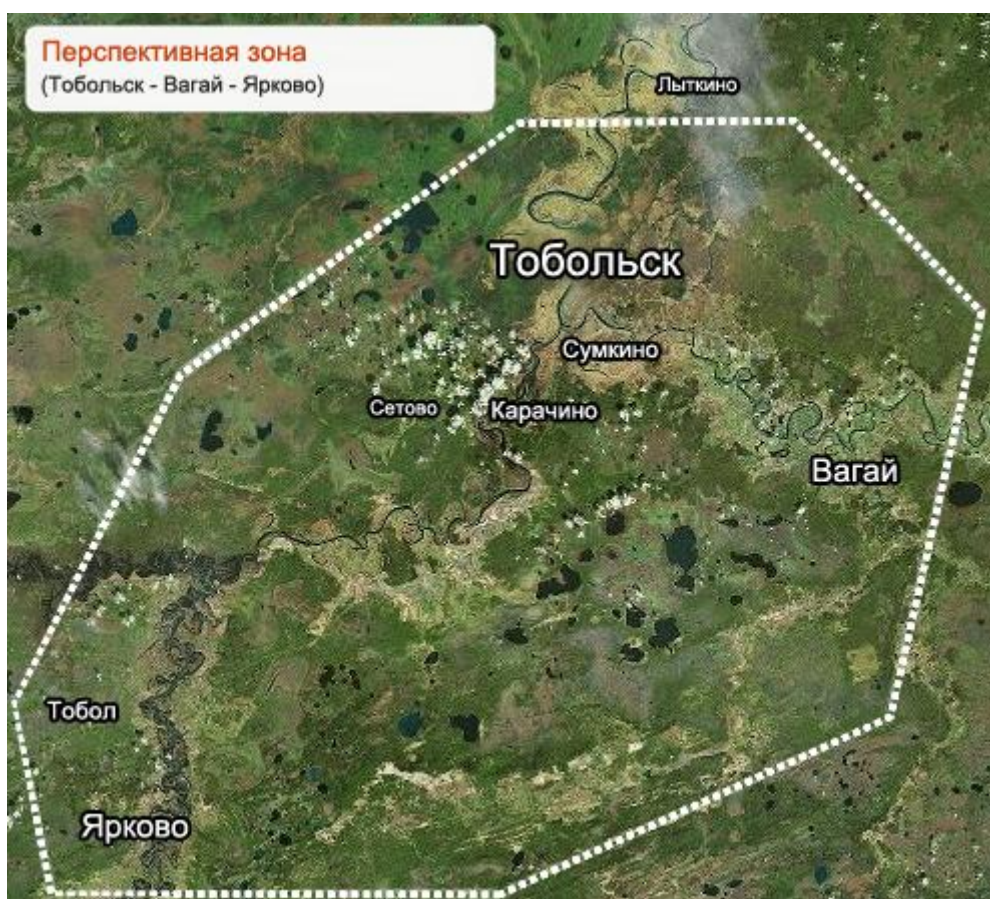

Рис. 3. Перспективная зона кластера «Тобольский»

Рис. 4. Центральная зона кластера «Абалакский»

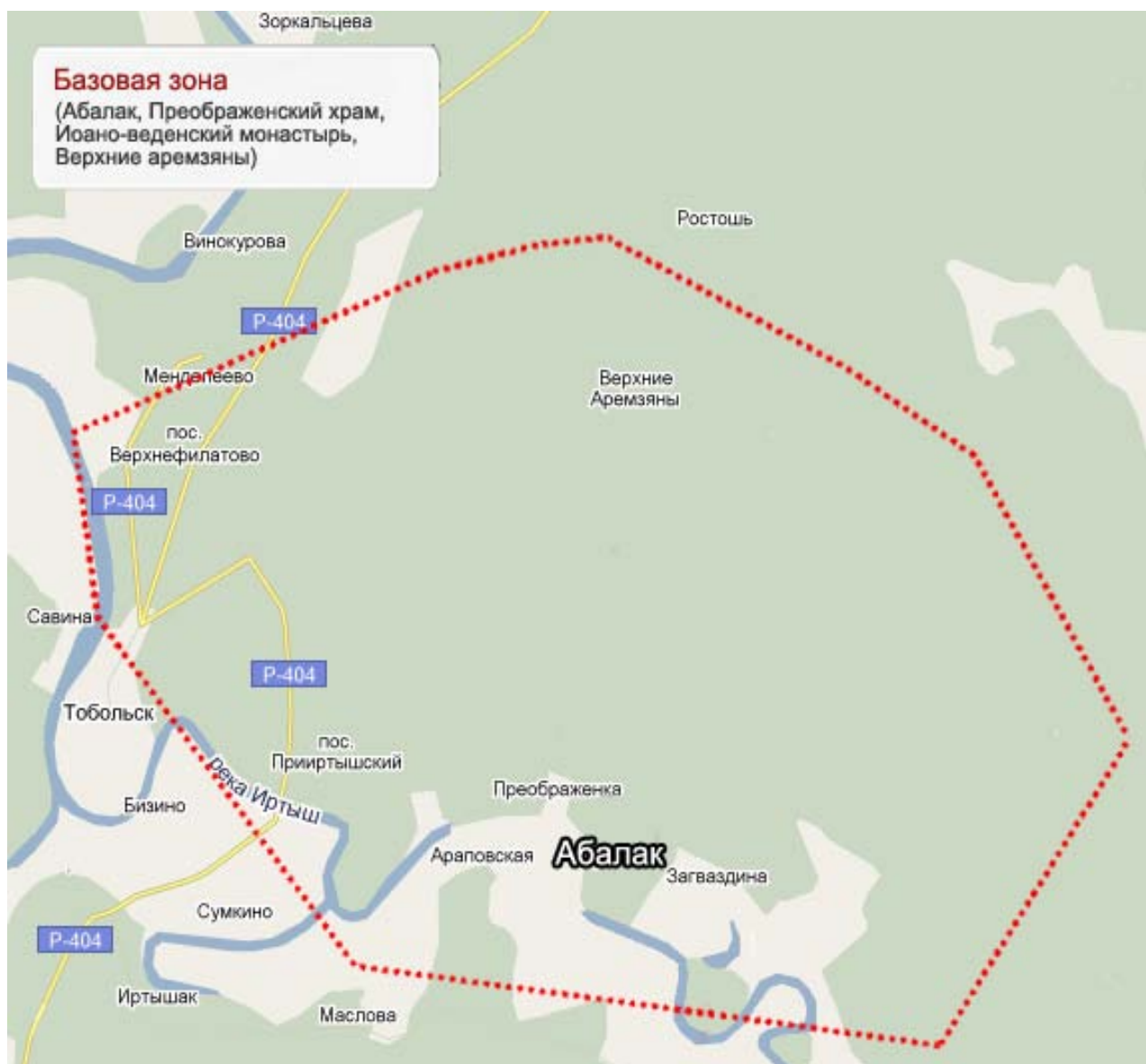

Рис. 5. Базовая зона кластера «Абалакский».

Богородице-Рождественская (Ильинская) церковь

Этюд седьмой

«ЭКОЛОГИЯ ЗОДЧЕСТВА»

«Время отмечает свой путь. Говорить о Тобольске – значит, говорить об экологии зодчества, о неразделимости энергии созидания, разрушения и сопротивления».
С.П. Заварихин, В.В. Княжев. «Экология зодчества». 1995 г.

Термин «экология культуры» был введен в отечественный научный и культурный оборот академиком Д.С. Лихачевым в одноименной статье, опубликованной в 1979 году на страницах журнала «Москва»³⁸¹. Смысл его заключается в разумном использовании и сохранении духовного и материального наследия культуры человеческих сообществ как условие создания эмоционально и интеллектуально богатой среды для неизменного развития личности в многогранном мире. Позже этим термином стали обозначать круг изысканий и разработок, объединивший в одном поле мысли и практической деятельности проблемы сохранения историко-культурного наследия, исследования культуры как предметной, знаковой и символической среды, а также средового, в том числе городской среды, ландшафтного и музейного проектирования, наконец, психологической и социальной культуры³⁸².

Насколько мне известно, выражение «экология зодчества» одним из первых было употреблено доктором архитектуры из Санкт-Петербурга С.П. Заварихиным в наименовании книги, написанной в соавторстве с инженером-строителем В.В. Княжевым на материале западносибирского

³⁸¹ Лихачев Д.С. Экология культуры // Москва. – 1979. – № 7. – С. 173-179; *Его же*. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – С. 91-101.

³⁸² Термин получил широкое хождение в культурологии, публицистике и культурной эссеистике, он стал исходным как для разработки экологии культуры в качестве новой научной дисциплины, так ещё и некой порождающей моделью для целого ряда иных терминов типа «экология языка», «экология души», вплоть до «экологии природы». См.: Калабухов Д.Н. Экология культуры: культурно-антропологические аспекты // ecologic.ru/ecol_kult/page1-32; Генисаретский О.И. Гуманистический смысл культурной политики: культурная политика и экология культуры // Новые ориентации культурной политики. – М.: Информкультура МК СССР, 1989. – С. 19-23; *Его же*. Этнокультурная идентичность во всех возможных мирах // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1991. – № 9. – С. 46-52; Холодилова Е.В. Экология культуры в контексте современной социокультурной ситуации: проблема «дома» и «бездомности»: Дисс. ... канд. культурологии. – Хабаровск, 2001. – 169 с. Фильваров Г.И. Градостроительство и экология городской культуры // Научно-технический сборник «Коммунальное хозяйство городов». Выпуск 66. Серия: Технические науки и архитектура. – 2005. – С. 28-33.

зодчества, главным образом Тобольска. В книге увлекательно повествуется о тех объективных закономерностях среды обитания человека, которые так глубоко, всесторонне и тонко учитывались при строительстве в прошлом и которыми, увы, зачастую пренебрегает современная градостроительная практика³⁸³. По мнению профессора Московской архитектурной академии В.П. Князевой, «памятники Тобольска и многих других исторических городов уместно и достойно получили звание «второй природы» у авторов книги по экологии зодчества»³⁸⁴. Имеется в виду книга С.П. Заварихина и В.В. Княжева.

Теперь уже точно не помню, но скорее всего я позаимствовал это название книги (которой в моей личной библиотеке, к сожалению, до сих пор нет) в качестве заголовка этого этюда, поскольку выражение *экология зодчества*, будучи укладистым и весьма удачным³⁸⁵, ныне общепринято и широко распространено. Тем не менее, я предпочел взять заголовок этюда в кавычки как заимствованную формулировку.

Относительно же понятия «второй природы» – как часто определяют культуру, читателю стоит напомнить, что такое понимание восходит ещё к античной Греции: Демокрит считал культуру «второй натурой». *Вторая природа* – выражение, подчеркивающее неразрывную связь культурной деятельности с природой, которая в таком единстве является «первой». В этот человеческий мир – «вторую природу» – «входят не только предметы и результаты труда, но и материальные основания общественных отношений, совместная деятельность по преодолению не только «первой» (её остается все меньше и меньше), но и «второй» природы, а также изменения и самого человека, вплоть до телесных проявлений»³⁸⁶.

В настоящем этюде нам придется ещё раз вернуться к теме эстетики как природного, так и историко-культурного пространства с тем, чтобы от неё перейти к другой теме, которую оговорим ниже. Возвращаясь к ней снова и вновь как бы издалека, приведу для начала одно положение и

³⁸³ Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества: О некоторых объективных основах «второй природы». – СПб.: Стройиздат, 1995. – 190 с.

³⁸⁴ Князева В.П. Экология. Основы реставрации. – М.: Изд-во «Архитектура-С», 2005. – 400 с. // art-con.ru/node/996

³⁸⁵ Напомню, что слово «экология» составлено из двух древнегреческих слов: *oikos* – «дом, жилище, место обитания», в котором воплощено понятие цельности и целесообразности мира, и *logos* – «наука».

³⁸⁶ Гуревич П.С. Культурология. Учебник для вузов. – М.: Проект, 2003. – С. 44; *Культурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений* / Под науч. ред. проф. Г.В. Драча. Изд. 8-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – С. 88-89.

несколько фактов общего и однопорядкового плана, которые и обозначат суть нашего дальнейшего разговора, сводящегося к взаимосвязи этики и эстетики в зодчестве. Так как «связь между экологией и нравственностью понятна сама собой» и вообще «экология – проблема нравственная»³⁸⁷, то и разговор будет скорее установочным как беглый взгляд. Потому как итак ясно назначение той и другой – «соединить личностный смысл с высшим смыслом, нацелить человека на последнюю цель»³⁸⁸.

Начнём с небольшой выдержки из статьи, а затем и очерка из книги современного российского философа и историка культуры В.С. Библера (1918–2000) «Нравственность. Культура. Современность»³⁸⁹. Автор пишет там: «суть нравственности обнаруживается и сосредоточенно формируется в поэтике той или иной культуры; больше того, нравственность всегда есть торжество эстетических и собственно этических определений этой культуры. Соответственно в каждой культуре есть особая форма эстетической, даже резче, художественной деятельности, в которой человек конкретной эпохи осознаёт свои нравственные интенции³⁹⁰, воображает, отстраняет и отстраняет их и – именно на основе такого поэтического отстранения – доводит эти интенции до полной силы и ума, обращает их на себя, превращает в феномен самоустремленности»³⁹¹.

На это положение тут же обратили внимание другие исследователи, в частности национальных литератур, выделив в приведенной цитате место, где говорится о наличии в культуре *особой формы эстетической деятельности*, «которая как бы представляет живой срез национального духа, субстанции народа». Причём применительно к такой творческой деятельности как искусство чувашской вышивки и с добавлением того, «что важнейшим началом или праосновой в произведениях чувашской

³⁸⁷ Подробнее об этом см.: Лихачев Д.С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – С. 91-101. То же: lihachev.ru/nauka/kulturologiya...

³⁸⁸ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М.: Гардарики, 1998. – С.29.

³⁸⁹ Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья о жизненных проблемах) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1990 / Редкол.: А.А. Гусейнов и др. – М.: Политиздат, 1990. – С. 16-57; *Его же*. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 423 с.

³⁹⁰ *Интенция* (от лат. intentio – «стремление») – сознательное намерение, цель, направление или направленность сознания, воли, чувства на какой-либо предмет. В основе такой направленности лежит желание, замысел. Термин имеет широкий спектр значений. См.: Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004: arjom.ru/wiki/FJeS

³⁹¹ Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья о жизненных проблемах) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1990 / Редкол.: А.А. Гусейнов и др. – М.: Политиздат, 1990. – С. 28.

вышивки были не геометрические линии и красивые закорючки, а язык письма, текст, то есть не отражаемое, а выражаемое»³⁹².

Несомненно, имеется в виду система магических и космогонических знаков, руническое письмо и другие изображения, в том числе возможно связанные с древнекитайскими пиктограммами, используемых в вышивках чувашских костюмов и имевших сакральное значение³⁹³. На мой взгляд, здесь сложно определить грань между «отражаемым и выражаемым» и она – эта грань вряд ли нужна – этические интенции в традиционной вышивке и искусстве чувашей, как и в других национальных культурах, очевидны. Важно то, что это глубинно-сакральное, а посему и высоконравственное непосредственно обуславливает эстетическое.

В принципе, это почитай такое же универсальное свойство гармонии и в культуре, и в природе как «последовательность Фибоначчи» (Леонардо Пизанского)³⁹⁴, ныне всем известная по роману Дэна Брауна, а также фильму «Код Да Винчи», или то же «Золотое сечение».

Теперь – факты общего плана. В 1980-х годах отечественные ученые вычислили «эталон красоты», над которым билось множество мыслителей и художников прошлого, изучавших пропорции человеческого тела с целью установить принцип, или канон его строения. Признаться, я узнал об этом факте почти 20 лет спустя. Так вот, его или её величество «Само совершенство» основывается теперь не только на «Золотом сечении» – пропорции аффинной симметрии (неевклидовой), равной 1,618..., но и на так называемом «*Золотом вурфе*» – пропорции конформной симметрии, равной $1,618^2: 2 \approx 1,309$ ³⁹⁵.

Более того, российские специалисты пошли ещё и намного дальше – определили также «системный эталон красоты», который выражен в математической формуле $\Phi = 0,910^{N_{\text{к}}/3 \times 2^n}$, заключающей в себе «закон совершенства форм (структуры)». Этот закон позволил ученым – никогда

³⁹² Артемьев Ю.М. Методологические маргиналии // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики (НАНИ ЧР). – 1996. – № 5. – С. 22-23.

³⁹³ Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. – Чебоксары : Чувашское кн. изд-во, 2004. – С. 42-53, 105-107; Чувашки: Этническая история и традиционная культура / Авт. - сост. В.П. Иванов, В.В. Николаев, В.Д. Дмитриев. – М.: Изд-во ДИК, 2000. – С. 5.

³⁹⁴ Последовательность Фибоначчи // dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/3683/П...

³⁹⁵ Система. Гармония. Симметрия / Под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – С. 9; Петухов С.В. Высшие симметрии, преобразования и инварианты в биологических объектах // Система. Гармония. Симметрия / Под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – С. 271.

бы не подумал – сопоставить друг с другом по «степени совершенства» не только системы собственно научных, но также научных и художественных обобщений³⁹⁶. Исследовался целый ряд систем: начиная от периодической системы Д.И. Менделеева, системы элементарных частиц Хидеки Юкаве, геохроноорогенической таблицы, солнечного спектра Исаака Ньютона и прочее. Вплоть до групповых насечек на художественных изделиях эпохи палеолита, древнерусского всемера, а по существу – «человекомера»³⁹⁷ и композиций бесчисленных мировых шедевров искусств.

Сравнение «идеального эталона совершенства» (то есть формулы) с различными реальными системами и объектами показало, что «абсолютно совершенными» системами являются: а) идеальная струна; б) натуральная последовательность чисел; в) система элементов Менделеева; г) система элементарных частиц Юкаве. К числу систем, имеющих «приближенное совершенство», относятся геохроноорогеническая таблица, масштаб масс объектов природы и некоторые другие³⁹⁸. Кстати сказать, астрономические исследования также показали, что планета Земля – «эталон совершенства» в Солнечной системе³⁹⁹.

Таким образом, самым идеальным оказывается то, что оптимально отвечает параметрам, заданным Природой, получившим («уловленным», «услышанным», «увиденным во сне») наиболее адекватное выражение в Культуре – «второй природе». Относительно же оценки достоинств художественных произведений, то они, само собой, оказались больше обусловлены историко-культурным пространством. Тем не менее, данный «идеальный эталон совершенства... в общем, разумно согласуется с их оценкой, выработанной исторически»⁴⁰⁰. Не будем забывать и о то, что эстетическое сознание формируют и подпитывают историко-культурные и этнокультурные факторы и явления. Более того, именно они в большой

³⁹⁶ *Артемьев Ю.И.* О совершенстве композиций систем научных и художественных обобщений // Система. Гармония. Симметрия / Под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – С. 283-284.

³⁹⁷ *Казаченко Б.Н.* Народная метрология или антропометрия // Законодательная и прикладная метрология. – 2008. – № 6. – С. 52-55; *Его же.* Древнерусские антропометрические Системы // Законодательная и прикладная метрология. – 2009. – № 4. То же: rsk-k.ru/zipm2009.html.

³⁹⁸ *Артемьев Ю.И.* О совершенстве композиций систем научных и художественных обобщений // Система. Гармония. Симметрия / Под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – С. 291.

³⁹⁹ Исследования Солнечной Системы – Характеристики Земли // galspace.spb.ru/zemla.html

⁴⁰⁰ *Артемьев Ю.И.* О совершенстве композиций систем научных и художественных обобщений // Система. Гармония. Симметрия / Под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – С. 292.

степени предопределяют и формируют его «лица необщее выражение» – здесь уместна эта строка Е.А. Баратынского – то есть самобытность, неповторимую индивидуальность⁴⁰¹.

Применительно к теме этого этюда, интересным мне представляется также следующий момент. Выяснилось, в частности, что ландшафт того или иного пространства задает ритм не только музыкальному ряду, но и расположенным в нем архитектурным объектам (формам). Исследования показали что, числа музыкального ряда октавы зачастую соответствуют размерам центрального *ризалита* здания некоторых расчетных памятников архитектуры⁴⁰². Там, где «сходимость» этих параметров была наиболее тождественна, или «созвучна» – там архитектурная композиция оказалась наиболее близка к «идеальному эталону совершенства».

Так, с позиции гармонии ритма и формы, «самым совершенным» (из обследованных памятников) в стране является Дом П.Е. Пашкова в Москве (ныне – здание Российской государственной библиотеки), построенный в 1784–1786 годы, предположительно, по проекту архитектора Василия Ивановича Баженова: средняя «сходимость» – 94,2%⁴⁰³. Естественно, что этот дом просто не мог не отразиться на полотнах художников («Пашков дом» Ж. Делабарта, XVIII век) или не войти в литературные произведения (описан в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» как место встречи Воланда, Азазелло и Левия Матвея).

Не случайно получается, что многие народы, восточнославянские, в частности, при строительстве дома придавали колоссальное значение различным действиям, сориентированным на выбор материалов, времени и места для постройки нового дома: гадали, «прослушивали» материал на слух, пробовали землю на проводимость, сырость и близкое тому. «Эти действия, - пишет этнограф и фольклорист А.К. Байбурин, - имевшие ритуальный характер, были призваны обеспечить наиболее благоприятные условия для вхождения нового элемента в систему «человек–природа»⁴⁰⁴.

⁴⁰¹ См.: *Артемьев Ю.М.* Методологические маргиналии // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики (НАНИ ЧР). – 1996. – № 5. – С. 11-24.

⁴⁰² *Ризалит* (итал. – «выступ») – часть здания, выступающая за основную линию фасада и идущая во всю высоту здания. Эти архитектурные элементы обычно симметричны по отношению к центральной оси здания. Различают также средние, боковые и угловые ризалиты.

⁴⁰³ *Артемьев Ю.И.* О совершенстве композиций систем научных и художественных обобщений // Система. Гармония. Симметрия / Под. ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – С. 289-291.

⁴⁰⁴ *Байбурин А.К.* Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилища // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л.: 177

Как известно, в народной традиции ритуал – есть соподчиненность символических действий, направленных на достижение определенного смысла, где конструируется особого рода реальность – «семиотический двойник того, что было ~~в~~ первый раз», и что подтвердило свою высшую целесообразность уже самим фактом существования и продолжения жизни. <...> Ритуал, как бы высвечивает ту сторону вещей, действий, явлений, которые в обыденной жизни затемнены, не видны, но на самом деле определяют их истинную суть и назначение», являясь выражением огромного жизненного опыта предшествующих поколений⁴⁰⁵.

Оно и понятно, потому что тот же дом, в частности, является одним из главнейших символов культуры, с которым «в той или иной мере соотнесены все важнейшие характеристики жизни человека и его картины мира: представления о пространстве и времени; особенности социальной организации; религиозные воззрения и другие»⁴⁰⁶.

Однако, если сегодня, обладая научными знаниями и современным социальным сознанием, мы во многом не придерживаемся ритуала – архаичного «пережитка» прошлого, которому присуща «ориентация на сохранение, а не на развитие..., гипертрофия механизмов стереотипизации опыта..., подтверждение правильности поведения не опытным путем, а соответствием мифологическим схемам..., (и) тотальная мифологичность быта».⁴⁰⁷ То отказываться от его истинного смысла – рационального опыта, иначе говоря – от историко-культурного наследия было бы, по меньшей мере, расточительно. Ибо наследие – наш Отчий Дом и каждый человек в душе – немного зодчий.

А ведь отказываемся, сплошь и рядом отступаемся. Когда, например, реставраторы архитектурных памятников вместо 200-летней лиственницы используют для балок перекрытий металлоконструкции, конденсирующие влагу в наших климатических условиях, отчего образуются всевозможные течи. Когда, например, вместо кирпича XVIII века кладут современный кирпич, не соответствующий оригиналу не только своими размерами, но и

Наука, 1977. – С. 123-130; *Его же*. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – С. 155, 152-173.

⁴⁰⁵ *Байбури А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – С. 16.

⁴⁰⁶ *Байбури А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – С. 154.

⁴⁰⁷ *Байбури А.К.* Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. – С. 3.

качеством, вызывающим сомнения даже по внешнему виду. Словом, тогда, когда реставрация памятников идет с технологическим несоответствием к заданным образцам, приводящим в итоге к необратимым процессам, тогда – это уже не реставрация, мягко говоря.

Несомненно, подлинная реставрация памятника должна начинаться неизменно с реконструкции. С реконструкции технологии изготовления и самого производства того же кирпича XVIII столетия, и далее следовать по «кирпичикам», повторяя, как уже отмечалось, тот же путь, что проделала некогда мысль, постигавшая мир и воссоздавая его в вещи, знаке и образе. Но реставрация архитектурного шедевра никак не должна начинаться с разбора на кирпичи другого памятника (как это, к сожалению, происходит сегодня в Тобольске с одним из памятников архитектуры конца XVIII века – купеческий дом в начале улицы Хохрякова, например).

Бесспорно также и то, что реставрировать памятники архитектуры должны не только профессионалы разных специальностей, а не бригады «шабашников». И состав специалистов нужно комплектовать прежде всего с учетом их местного происхождения. А не нанимать дешевую рабочую силу, например, с Украины. Какое дело строителям со Львова, работавшим на объектах, до памятника XVIII века – Дворца Наместника в Тобольске? Кроме оправданного желания заработать – никакого. Почему? Ответ лежит на поверхности: потому, как они не родились и не выросли «–на глазах» у этих памятников и строений». Поскольку они их внутренне не греют. Как, впрочем, и их дети никогда не смогут, проходя мимо отреставрированного памятника в Тобольске, с гордостью сказать своим спутникам: «вот – этот шедевр восстанавливал мой отец». Разве что раз случится такая оказия.

Следовательно, реставрация, а тем более реконструкция, опять-таки должна опираться на преемственность, истекающую изнутри традиции. Разумеется, что такая реставрация и реконструкция обойдутся дороже как в технологическом, так и в кадровом и в иных отношениях. Но, повторюсь, дорогое – дорого стоит. Между тем, прямая связь и культурологическая преемственность ещё возможна. Она ещё не утрачена окончательно. Об этом ещё речь пойдет в этом этюде далее.

Сложившаяся ситуация: «что имеем – из того и мастерим», в которой зачастую происходит реставрация – результат нашего отношения к своему историко-культурному наследию. Но теперь есть «Кодекс реставраторов», одно из положений которого (1.5) гласит: «реставрационная деятельность

специалиста, который не доказал на практике свои профессиональные знания, навыки и умения, представляет потенциальную опасность для состояния объектов исторического и архитектурного наследия...». Главное тут – «не навреди». Действует ли этот кодекс на практике? – узнаем ниже.

«Декларируя неизменность государственного подхода к сохранению и изучению культурного наследия..., в настоящее время экономическая политика в области культуры реально не обеспечивает выполнение в полном объеме данной задачи». Какие бы при этом ни разрабатывались и осуществлялись проекты, нацеленные на определение «приоритетов для стратегического планирования развития культурной сферы», для того, чтобы «в том числе привлечь потенциальных инвесторов»⁴⁰⁸, объемы этой задачи так и останутся незаполненными, пока экономическая политика в сфере культуры не определится с реальными, базовыми приоритетами. Проще говоря, поп культура или элитная культура – это одно, а культурное наследие – совсем другое.

Таковой мне виделась эта ситуация в 1999 – 2000 годы. Да что там мне. В то время «угроза невосполнимых потерь в культурном наследии» констатировалась на государственном уровне⁴⁰⁹. А что теперь? В докладе и на конференции, подводившей итоги реализации основных направлений социально-экономической политики (в том числе и в сфере культуры) в Российской Федерации за десять лет, об этом ничего не сказано. Видимо, говорить особо нечего, если «средний уровень реализации мер «Стратегии-2010» составил примерно 36%»⁴¹⁰. Поэтому позволю себе пространную цитату, содержащую и более широкий ответ на этот вопрос.

«В настоящее время многие, если не все российские регионы имеют или разработали программы поддержки и развития сферы культуры. Однако большинство из них не имели серьезных практических последствий, представляя, в лучшем случае, теоретический интерес, и иногда даже не оправдывали затрат и усилий на их разработку. Успех такого пути во многом предопределяется добротностью проведенного исследования, авторитетностью тех специалистов, которых удалось привлечь к его проведению, а круг таких специалистов весьма ограничен.

⁴⁰⁸ Александрова Л. Кто приходит в музей сегодня и придет завтра // Музеи в период перемен. Материалы российско-британского семинара «Музеи Санкт-Петербурга в условиях рыночной экономики». – СПб.: «Контрфорс», 1997. – С. 87-88.

⁴⁰⁹ Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу. 3. Политика в сфере культуры // nasledie.ru/fin/6_13/6

⁴¹⁰ «Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя» // csr.ru/index.php?option=com_vel...

Кроме того, разработка местной программы даже авторитетнейшими специалистами со стороны всегда является «передачей технологии через улицу», когда местные работники культуры должны реализовывать не ими предложенные решения. В этом случае неизбежно возникает та или иная степень сопротивления, тормозящего или даже сводящего на нет реализацию программы. Сопротивление может возникнуть и со стороны общественности, граждан и населения, мнения которых также не спросили. Кроме того, единовременно выработанная система приоритетов лишена пластичности (ситуация может резко измениться в течение ближайшего года). Недаром срок эффективности таких программ обычно не превышает двух лет». Пока же стоит заметить, что «абстрактно-аппаратно-кулуарный вариант даже добротной теоретической разработки системы приоритетов развития в сфере культуры вряд ли является в наши дни эффективным и оправданным»⁴¹¹.

Короче говоря, целеполагание есть, усилия приложены и программы даже имеются, но система не срабатывает должным образом очевидно по причине отсутствия в ней взаимодействия, органичности и пластичности. Кроме того, нет здесь ещё одного важного условия, которое определили и выразили в Главном управлении культуры администрации г. Красноярск: «несформированность образа культуры в общественном сознании как стратегического ресурса экономического развития края»⁴¹².

Полагаю, что под этим подписались бы администраторы из других краев Сибири и не только. Поскольку сегодня для большинства регионов страны формирование культурной идентичности, сохранение, эффективное использование культурно-исторического наследия, поддержка культурного многообразия, а также развития культурного туризма составляют круг приоритетных направлений культурной политики⁴¹³.

Но при этом необходимо всегда помнить, что «география культуры» никогда и нигде не совпадает с границами административными как некие целостности. «Регионализм в культуре вообще не лучше и даже хуже централизма...»⁴¹⁴. И тогда не возникнет такого пассажа как в «Стратегии

⁴¹¹ *Определение приоритетов поддержки и развития культуры* // manageweb.ru/study-421-2.html

⁴¹² *Проект стратегии развития отрасли «Культура» г. Красноярск до 2020 года. «Знаково-символическое пространство города Красноярск: город как мысль, текст и художественный образ» (Сибирский характер: смыслы, символы, знаки). II. Стратегический анализ социально-культурной ситуации в Красноярском крае* // kultura.admkrsk.ru/doc.asp?id=12852...

⁴¹³ Не буду приводить конкретных ссылок – желающие могут найти эти сведения в Интернете.

⁴¹⁴ *Чурбанов В. Федеральная культурная политика и культурное многообразие России* // rau.su/observer/N07_93/7_22.HTM...

социально-экономического развития города Тюмени до 2020 года», где «Позиционирование города Тобольска как единственного туристского и духовного центра Тюменской области» отнесено к категории «угрозы». То есть «неблагоприятной тенденции и внешнего риска для качественного развития города» Тюмени⁴¹⁵. Кому на самом деле может грозить такое положение дел в Тюмени по сравнению с Тобольском, надеюсь, понятно.

В этой связи не лишне и напомнить, что проблематика «историко-культурного наследия» в конце XX – начале XXI века явилась предметом обсуждения на различных научных форумах, проходивших в Тобольске. В их числе симпозиумы «Культурное наследие народов Западной Сибири», а также исторический конгресс «Культурное наследие Азиатской России»⁴¹⁶. Организатором всех этих симпозиумов и отчасти конгресса, кстати, был Тобольский музей-заповедник, где мне тогда довелось служить. Именно служить, ибо музейщики – как раз служат на благо культуры Отечества, сохранения её наследия⁴¹⁷. (Д.С. Лихачев назвал музейных работников 90-х годов «последними святыми на Руси»). Это свидетельство стремления сотрудников музея, научной общественности города и всего региона к осмыслению данной базовой части национальной культуры России.

И это не случайно. Поскольку именно культурное наследие является «сокровищницей человеческой памяти, во все периоды существования общества служившей ему источником, пополняющим духовные силы, сохраняющим коллективную память, обогащающим и развивающим интеллект нации». Эта базовая часть культуры «охватывает не только духовную жизнь, но и существенно влияет на экономику и социальную жизнь общества»⁴¹⁸. Это и вопрос духовно-нравственного здоровья нации.

⁴¹⁵ *Стратегия социально-экономического развития города Тюмени до 2020 года.* – Тюмень, 2010. – Л. 31-32. См. то же: kvartirochka.ru/wannaknow/news/596-...

⁴¹⁶ *Сибирские татары.* Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Омск: ОмГПИ, 1998. – 228 с.; *Обские угры.* Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999. – 306 с.; *Русские старожилы.* Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – 546 с.; *Самодийцы.* Материалы IV-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001. – 314 с.; *Тюркские народы.* Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001. – 604 с.; *Культурное наследие Азиатской России:* Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. – Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1997. – 172 с.

⁴¹⁷ См. *Нескоров А.* Мировой уровень Тобольска // Град Тобольск. – 2010. – № 7 (43). – С. 32-33.

⁴¹⁸ *Артемов Е.Г.* Исторический музей в XXI веке: стратегия реализации изменяющихся запросов общества // Музей XXI века: мечта и реальность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Сб. статей. – СПб, 1999. – С. 13.

Естественным следствием начавшегося процесса должно было быть изменение ситуации. И она кардинально изменилась лет шесть назад, во многом благодаря и тем симпозиумам, и идеи создания на базе историко-культурного наследия Тобольска туристического центра Западной Сибири. Такова предыстория, присказка – «сказка будет впереди», ведь «Тобольск – город сказка». Сегодня многие приезжают в Тобольск, хотя бы для того, чтобы воочию увидеть этот сказочный город и загадать заветное желание, прикоснувшись к сказочной жар-птице в сквере имени П.П. Ершова⁴¹⁹.

*«Поперек его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит...».*

Что касается общей оценки хода реализации намеченных работ, то цитирую: «Выполненные в 2005–2006 гг. работы по реализации Программ и мероприятий, разработанных в целях исполнения п. 1 Поручений Президента РФ от 26. 03. 2003 г. № Пр-516 по созданию туристического центра Западной Сибири на базе историко-архитектурного наследия г. Тобольска, стали прочным фундаментом для успешного выполнения поставленной задачи и свидетельствуют о правильности выбранного пути – комплексный подход, включающий в себя создание достойных условий жизни для тоболяков и развитие города, как туристического центра»⁴²⁰.

Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе Н. Винниченко, посетив недавно город, сказал так: «Возрождение Тобольска – показательный пример хорошо спланированной, целенаправленной политики в отношении сохранения культурно-исторического наследия и его рационального использования во благо развития региона. На мой взгляд, это эффективный курс, и он имеет хорошие перспективы»⁴²¹. Мы, тоболяки, будем и впредь позиционировать Тобольск как туристский и духовный центр не только Тюменской области, но и всей Западной Сибири, и призываем к этому всех сибиряков.

⁴¹⁹ Сквер Ершова // w-siberia.ru/turto/area/tobolsk/tow...

⁴²⁰ Информация о ходе выполнения п.1 Перечня поручений Президента Российской Федерации № Пр-516 от 26 марта 2003 года «О создании туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска» в 2005 году и 9 мес. 2006 года // admtyumen.ru/ogv_ru/about/citie...

⁴²¹ Уральский федеральный округ / 11.07.2011 // uralfo.ru/press_11_07_2011.html...

Мы живем будущим, но его не бывает без прошлого. Мы живем в другом мире, но не в ином измерении. Мы живем на этой земле – Родной земле – и не можем, не должны жить, не соизмеряя свою жизнь с заданным её пространством ритмом жизни, с колоссальным рациональным знанием и опытом, составившим наше Национальное наследие. Ибо иначе мы утратим свои, итак уже изрядно «подсохшие» исторические корни. С «исчезновением того или иного культурного шедевра» и, добавлю, памятника природы, происходит «частичная утрата самого себя». Иначе мы лишимся самости – своей автохтонной – коренной, самобытной «силы жизни», итак уже довольно ослабленной. Иначе мы потеряем и сам смысл жизни, поскольку то, для чего мы будем жить, не будет иметь смысла в отношении к тому, чем мы жить будем.

Между тем живая культурологическая преемственность существует. Здесь, рядом с нами живут, правильнее было бы сказать, как-то выжили, носители уникальных традиций зодчества, сохранившие знания, опыт и мастерство, уходящие своими корнями вплоть до XVII века. Но о них мало кому известно и они практически не передают, не имеют возможности передать это наследие. Наше наследие! Просто потому, что никому и в голову не могла прийти сама мысль о возможности существовании такого рода самородков из народа, от земли.

Сами о себе они, как правило, не заявляют. Зачастую люди такого склада бывают не из когорты обычных народных умельцев (не в обиду тем будет сказано, просто лучше не с кем сравнить). Они хранители народных традиций – носители не столько индивидуального, сколько коллективного опыта, знания и памяти. Они не «колесили» по отчизне, а шли с ней по жизни. О них можно лишь только случайно услышать. На них можно выйти просто ненароком.

Такой вот случай свёл относительно недавно историка сибирского крестьянства и музееведа из Тюмени Н.А. Балюк, с уроженцем деревни Каменка Заводоуковского района области, потомственным крестьянином – Николаем Тимофеевичем Чуклеевым, который заслуживает как минимум краткого упоминания о нём и его творчестве. По устному сообщению исследовательницы, Николай Тимофеевич, которому тогда перевалило, кстати, уже за семьдесят, с детских лет постигал искусство обработки

дерева, изготовления деревянной утвари и мебели, доведя свое мастерство до высокого художественного уровня. Своеобразным творческим итогом мастера-краснодеревщика стало создание макета крестьянского подворья начала XX века, бытовавшего в его родной деревне.

На это потребовалось целых три года. До того он ещё выстроил себе мастерскую – флигель, специально предназначенный для изготовления и сборки макета, придав флигелю соответствующий архитектурный образ, дабы поддерживать творческий настрой. Понятное дело: макет, равно как и красота – дело тонкое, чувствительное и чувственное.

Рис. 6. Н.Т. Чуклеев автор макета «Крестьянское подворье». Деревня Каменка Заводоуковского района Тюменской области. Фото Н.А. Балюк, 2000 г.

В своей записке к автору этих строк Н.А. Балюк в частности пишет: «Изготовленный (в масштабе 1: 10) макет, является точным, исторически достоверным воспроизведением крестьянского двора, по аналогии с реально функционировавшим в 1915 году подворьем П.В. Чуклеева – старожилы деревни Каменки Заводоуковской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии. В архитектуре жилых и хозяйственных построек чётко прослеживается традиции вологодских мастеров, что объясняется географией прежнего проживания его хозяина. Все объекты макета в мельчайших деталях демонстрируют элементы, приемы и технологию строительства, свойственные северорусской традиции. Воспроизведены

планировка и архитектурные конструкции подворья, приспособленного к полеводческому и животноводческому крестьянскому хозяйству. Такие подворья широко бытовали в деревнях южной зоны Западной Сибири»⁴²².

Макет, включающий 15 объектов построек и функциональных зон, выполнен из высококачественного материала и с полным соблюдением технологий прошлых столетий. Кроме него, в максимальном соответствии к оригиналу изготовлены и миниатюрные предметы домашней утвари, мебель, сани, телега и прочее, в которых также соблюдены все условия традиционной техники и технологии изготовления. Каждый объект макета и многие предметы-модели, его составляющие, по мнению Н.А. Балюк, «имеют большую ценность для науки, поскольку насыщены архаичными этнографическими терминами и понятиями, характерными для периода бытования в Сибири еще первой волны русских переселенцев конца XVI – XVII веков»⁴²³. Я опускаю здесь подробное описание всего макета.

Рис. 7. Предметы-модели домашней утвари и мебели, саней и телеги в макете Н.Т. Чуклеева «Крестьянское подворье». Фото Н.А. Балюк, 2000 г.

По сведениям Н.А. Балюк, этот макет дополняет или сопровождается рукописью автора, Николая Тимофеевича Чуклеева – «Каменка. История образования деревни. Описание крестьянской жизни и быта», которая

⁴²² Балюк Н.А. Сибирский «Левша» из деревни Каменка (Рукопись). – Л. 1.

⁴²³ Балюк Н.А. Сибирский «Левша» из деревни Каменка (Рукопись). – Л. 2.

содержит обширный этнографический материал, данные об условиях строительства и функционирования крестьянского подворья, любопытные сведения по истории этой западносибирской деревни⁴²⁴.

В совокупности, как рукопись Н.Т. Чуклеева, так и изготовленный им самим макет, по мнению Н.А. Балюк, «представляют собой уникальный исторический, этнографический первоисточник, воссоздающий богатый пласт материальной и духовной культуры русского населения южных районов Западной Сибири XIX – начала XX века». И это уже само по себе «открывает перспективы для экспонирования макета, введения его в образовательную сферу музейно-педагогической деятельности, научного исследования проблемы». Несомненная уникальность и значимость всего этого комплекса определяется также тем, что он «является единственным подобного рода в России, что вызывает оживленный интерес не только отечественных, но и многих зарубежных музеев, а также частных фирм, которые стремятся его приобрести и вывести за пределы исторической среды бытования»⁴²⁵.

Тем не менее, сам Николай Тимофеевич, по словам Н.А. Балюк, осознавая ответственность перед будущими поколениями односельчан и земляков, не стремится к тому, чтобы это его произведение было вывезено за пределы родного края, тем более бог весть куда за границу и отказывает зарубежным визитёрам, сулившим немалые деньги.

Что здесь можно сказать? Да и сказать-то мало – тут надобно дать весомую культурологическую оценку поступка и ответственности такого «человека культуры» как наш сибирский «Левша» Николай Тимофеевич. Впрочем, нужно ли это? Думаю, что да. «Каждая форма культуры несет в себе определенную форму того мысленного сосредоточения человеческой судьбы, на основе которой оказывается возможным осознать всю свою жизнь как уже завершённую и могущую – именно в своей завершенности и окончательности – быть перерешенной, самодетерминированной. То есть нравственно ответственной, втянутой в трагедии и катарсисы исходной перипетии»⁴²⁶. Пожалуй, такая формулировка здесь будет уместна.

⁴²⁴ Рукопись Н.Т. Чуклеева, состоящая из 90 страниц, ныне передана на хранение в фонд Тюменского государственного архива Тюменской области (Устное сообщение Н.А. Балюк, март 2000 года, Тобольск).

⁴²⁵ Балюк Н.А. Сибирский «Левша» из деревни Каменка (Рукопись). – Л. 2, 3.

⁴²⁶ Библиер В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков // Библиотека РГИУ. На гранях логики культуры: i-u.ru/biblio/archive/bibler_na...

Отмечу также, что помимо естественного желания приобрести этот макет-модель для экспонирования, у меня – как сотрудника Тобольского музея, возникла мысль о его воплощении в натуральную величину. Тем самым данный фрагмент народной культуры предполагалось не только ввести в образовательную сферу музейно-педагогической деятельности. Но и воспроизвести его в качестве функционирующего объекта – музея «Крестьянское подворье» под открытым небом. Так или иначе, музей – это тоже фрагмент культуры. А культура, как верно подметил мой старый друг этнолог А.В. Головнев, «это такое ~~е~~щество», которое может жить только в человеке. Только тогда она способна ~~плодиться~~ и размножаться»⁴²⁷.

К сожалению, и то и другое так и осталось нереализованным. Мои неоднократные обращения к тогдашнему директору Тобольского музея Е.М. Акуличу съездить в Каменку и решить вопрос приобретения макета для будущей экспозиции, поддержанные на словах, на деле результатов не дали. А вскоре я ушел из музея. Мой визит к главе ПО «ТВЭЛ-Тобольск», организовавшего помимо своей основной деятельности горнолыжную базу «Алемасово» в черте Тобольска, с целью убедить в жизненной перспективе постройки близ неё музея под открытым небом «Крестьянское подворье», взяв за основу макет Н.Т. Чуклеева, тоже был напрасным. Но я не теряю надежды осуществить этот проект, хотя и не знаю, где ныне находится сам макет, а чувствую – не дальше Каменки или Заводоуковска – он ожидает.

— *Ничего, дорогой, будет ещё в натуре на нашей улице праздник.*

* * *

Предчувствие висело в воздухе как «дым отечества...». Поэтому этот этюд заканчивался тогда – в 1999 году тезисом о необходимости создания как на федеральном, так региональном и местном уровнях «Департамента по национальному наследию», как в Англии, например, где тоже такое ведомство (Department of National Heritage) было образовано недавно⁴²⁸. Размышлениями о стратегических задачах такого учреждения в стране, об особой важности подобных ведомств в исторических городах, в частности в Тобольске. Но это устарело и – главное – произошло. Потому – дополню.

⁴²⁷ Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – С. 276.

⁴²⁸ См.: Воронцов Барбара. Музеи Великобритании: структура и методы работы. Основные трудности // Музеи в период перемен. СПб.: «Контрфорс», 1997. – С. 6-23.

В 2002 году принят «Федеральный закон об объектах культурного наследия народов Российской Федерации», где сказано: «Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁴²⁹. Тогда же по всей стране, в том числе и в Тюменской области были созданы комитеты по охране и использованию объектов историко-культурного наследия, определяющие государственную политику, нормативно-правовое и иное регулирование и контроль в этой сфере культуры. В 2008 году образована Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия по округам Российской Федерации, включая УрФО.

Но в Тобольске этого комитета или его представительства нет. В г. Нефтеюганске (ХМАО) таковая структура есть, представьте с 1992 года (с 1997 года – «Центр историко-культурного наследия»)⁴³⁰, а в историческом Тобольске, насыщенном объектами наследия, увы, её нет. Как нет здесь и подразделения Росохранкультуры, которое вообще исчезнет – вольется (уже вошло) в Минкультуру. Отныне это ведомство будет ещё само и надзирать за надлежащим порядком в таком важном и ответственном деле, как реставрация и реконструкция объектов наследия, на что государство выделяет миллиарды⁴³¹. Тема «кому выгодна ликвидация принципиальной надзорной инстанции?» – может трактоваться различно. Но думается, что в России такая централизация функций по любому ведёт лишь к коррупции. Для реставрации и реконструкции объектов наследия, на мой взгляд, она точно невыгодна. Однако, как говорится, там будет видно.

Мы же в дополнение этого этюда и для его позитивного завершения перебросим свой взгляд ближе к рассматриваемой в нём теме. Полагаю, читателю будет небезынтересно знать, на каком этапе на сегодняшний день находятся работы по реставрации памятников архитектуры в городе Тобольске, в частности Тобольского кремля – самого финансово ёмкого проекта, который реализуется на территории региона. Скажу сразу – они подходят к своему завершению! Как-никак прошло целых 7 лет, а это – уже много или в самый раз.

⁴²⁹ Федеральный закон «Об объектах культурного наследия // femida.info/51/ooknpiik001.htm

⁴³⁰ Возглавил этот «Центр» Г.П. Визгалов, кстати, ранее служивший в отделе археологии и этнографии Тобольского музея под началом автора этих строк.

⁴³¹ Кому помешала Росохранкультура? // km.ru/news/komu-pomeshala-rosok...

В целом, за период 2005–2010 годы полной реставрации подверглись 68 памятников города. Доля объектов наследия, относящихся к категории «в хорошем и удовлетворительном состоянии» в конце 2010-го составила 81 процент. «Это достаточно высокий показатель», - отметила директор департамента стратегического развития Тюменской области С. Барейша⁴³². В 2011 году завершается реставрация ещё на семи объектах Тобольского кремля. Среди них Софийский собор с Ризницей и соборной колокольней, Архиерейский дом с конюшней и баня; готова также и церковь Сергия Радонежского. Остаются такие специфические виды работ как реставрация росписи, архитектурно-лепного декора и некоторые другие⁴³³. Несколько подробнее, полагаю, нужно сказать и о них.

Уникальность проекта воссоздания росписи в Софийско-Успенском соборе Тобольского кремля состоит в том, что наряду с новыми росписями ведутся реставрационные работы. В этом проекте принимали участие три бригады, в том числе Иконописная Троицкая мастерская из Сергиевского посада. Согласно проекту восстановления и реставрации собора, ими было расписано свыше 1000 м² в алтарной части собора и порядка 900 м² – в его центральной части и паперти. Роспись велась стойкими и долговечными силикатными красками, но осуществлялась в стиле иконописного письма XVII века – того века, когда строился и первоначально расписывался этот самый древний в Сибири храм. Этой же мастерской были изготовлены и установлены мозаики на фасады собора, и работы над частью из них ещё ведутся⁴³⁴. И мы продолжим разговор о фресках собора в другом этюде, но совершенно в ином контексте.

А теперь несколько слов или «штрихов к портрету» тех, кто сегодня реставрирует архитектурные памятники Тобольска, об их взглядах, целях и подходах к реставрации⁴³⁵. Для этого вновь обратимся к журналу «Град Тобольск», опубликовавшим в одном из недавних своих номеров интервью с директором ООО «ЕвроСтройРеставрация» А.П. Ивановым⁴³⁶. Но прежде

⁴³² Тобольск – в числе передовых территорий // admtobolsk.ru/news/

⁴³³ В Тобольске продолжается масштабная реставрация // tobolsk.info/index.php/news/6405-v-...; Реставрация Тобольского кремля // t-l.ru/27806.html

⁴³⁴ Подробнее см.: Иконописная Троицкая мастерская // icons-trinity.ru/about.html

⁴³⁵ Здесь дам краткую историческую справку. Прежде существовавшая в городе «Тобольская специальная научно-производственная реставрационная мастерская», действовавшая от Министерства культуры РСФСР, прекратила своё существование вместе с распадом СССР в 1991 году. Последние работы ею были выполнены в 1990 году по реставрации Гостиного двора (устное сообщение В.Г. Рахимова, 2.08.2011 г., Тобольск).

⁴³⁶ Родина Е. Евровозрождение Сибири // Град Тобольск. – 2011. – № 6 (53). – С. 16-17.

скажу, что это – ещё совсем молодая организация, однако уже успевшая приобрести положительную оценку своей деятельности от руководства ГБУ «Управление капитального строительства Тюменской области»⁴³⁷. В то время как другая и более ранняя в Тобольске фирма – НП «Сохранение памятников истории и культуры» – решением Правления НП «СРОСТО» – «Саморегулируемая организация строителей Тюменской области» (от 01.10.2010 г.), «согласно п. 1 ст. 55.7 Градостроительного кодекса РФ», была исключена из своих рядов⁴³⁸. Ныне она ликвидирована. И это указывает на то, что ответственность и самонадзор среди самих строителей сегодня выше, более оперативны и действенны, чем в Росохранкультуре.

«Реставрация – это как раз та область, в которой ощущаешь себя творцом», - сходу ответил А.П. Иванов на вопрос корреспондента журнала о причинах, побудивших его «из строителя дорог переквалифицироваться в реставраторы». Такой ответ поначалу меня настораживал. Прослужив в музее более 10 лет, мне известен главный принцип реставрации: памятник – это исторический источник; основная цель реставрации – «прочтение» этого памятника как документа и тщательное укрепление подлинных древних частей памятника («Венецианская хартия»). И «Чем меньше видна рука реставратора, тем лучше выполнена реставрация» (И.Э. Грабарь). Поэтому реставратор – никак не творец, а скорее реаниматор.

Видимо полной переквалификации не произошло, но по ходу виден философский подход: «это не приземлённый, не ограниченный взгляд на исторический город, но основанный на профессионализме архитекторов-реставраторов, на любви к наследию прошлого, на понимании его важности. Такой подход может проявляться даже в самых незначительных реставрационных работах: крест ли поправишь на храме, крылечко ли восстановишь. Выполняя фрагментарную реставрацию, ты прекрасно знаешь и понимаешь памятник, его окружение и историческую среду и, разумеется, культуру древнего зодчества»⁴³⁹. В общем, это уже отвечает этике или вышеупомянутому «Кодексу реставраторов». Дальше – больше:

«Принцип и цель – максимально сохранить старый облик, уйти от новоделов. При этом каждый объект приходится практически полностью с нуля, грубо говоря, перетряхивать. При реставрации стен мы заменяем

⁴³⁷ См.: *Работы по берегоукреплению территории Тобольского кремля* // expressradio.ru/newsflashes/new...

⁴³⁸ Состоялось заседание Правления НП «СРОСТО» // sro72.ru/news/n46.html

⁴³⁹ *Родина Е.* Евровозрождение Сибири // *Град Тобольск*. – 2011. – № 6 (53). – С. 16.

старый кирпич новым, выполненным под старину по тем же размерам, но большего класса прочности. Такой кирпич специально для нас делают в Челябинске. Меняем все перекрытия – межэтажные, чердачные, кладем новую кровлю», - говорит А.П. Иванов⁴⁴⁰. Тем самым как бы откликаясь на наш предшествующий, уважаемый читатель, разговор о необходимости реставраторов учитывать рациональный опыт в восстановлении объектов культурного наследия – то есть само наследие.

Памятуя также о предыдущем тезисе значимости и непреходящей ценности преемственности «от земли» в реставрации памятников «малой родины» и резонерской её роли, приведу ещё один ответ тобольского реставратора на вопрос корреспондента журнала Е. Родиной о составе ООО «ЕвроСтройРеставрация», насчитывающей около 300 сотрудников:

— «Это все тоболяки или Вы, Александр Перфильевич, приглашаете иногородних сотрудников? И какие вообще специальности необходимы для проведения реставрационных работ?».

— «Практически все сотрудники – местные. Памятники архитектуры и сама архитектура – явление локальное. Их формирует конкретная местность, конкретное пространство. Это – философская категория. И реставрацией, скажем, сибирских памятников по-настоящему могут заниматься только сибиряки. Мы пригласили томичей, но ведь они – ближайшие соседи и такие ж сибиряки. Томские художники заняты росписью Абалакского монастыря⁴⁴¹. Это – уже завершающая стадия реставрации. А на предшествующих ей этапах необходимо совместить несколько процессов: организовать и выстроить работу отделочников, каменщиков, газовиков, монтажников, жестянщиков и так далее. Всё это должно идти вовремя, потому что контракты сегодня жесткие – невыполнение или отставание хотя бы на месяц карается штрафными санкциями. К счастью, у нас такого не было благодаря ответственности всего коллектива»⁴⁴². Так держать!

А впереди у ООО «ЕвроСтройРеставрация» ещё много дел в Иоанно-Введенском женском монастыре (п. Прииртышский) и на объектах города:

⁴⁴⁰ Родина Е. Евровозрождение Сибири // Град Тобольск. – 2011. – № 6 (53). – С. 16.

⁴⁴¹ Здесь сделаю примечание. В Абалакском монастыре ООО «ЕвроСтройРеставрация» ведет реставрационные работы Архиерейского дома, Монашеского корпуса, церковью Марии Египетской и Николая Чудотворца, Свято-Знаменского собора и монастырской ограды, а также отвечает за внешние инженерные сети и благоустройство территории.

⁴⁴² Родина Е. Евровозрождение Сибири // Град Тобольск. – 2011. – № 6 (53). – С. 16.

бывший кинотеатр «Октябрь», где с 1883 по 1918 годы была Богородице-Введенская церковь Епархиального женского духовного училища – сюда въедут учебные классы иконописной мастерской; Гарнизонный госпиталь – здесь разместится городская администрация. И везде реставрационным работам предшествует тщательное и всестороннее изучение памятника: натурные (архитектурные и инженерные) и историко-архивные изыскания. Потом разрабатывается проект, хотя и другой организацией, и лишь вслед за тем за дело берутся реставраторы⁴⁴³. Словом, реставрация ведётся, как и положено и на совесть.

«Процесс реставрации необратим и постоянен. Требования времени таковы, что необходимо избежать безвозвратной утраты тех ценностей, которые формируют основы культуры. Ещё в прошлом веке ЮНЕСКО приняла международную Конвенцию об охране Всемирного культурного и природного наследия. В её основе лежит тезис о том, что памятник – это научный документ, монументальное произведение, несущее духовные послания прошлого, которые остаются в современной жизни людей свидетелями вековых традиций». И А.П. Иванов убежден, что памятники архитектуры составляют наиболее активную часть города, влияющую и на градостроительство. «В исторических городах фрагменты истории играют большую роль. Материя, однажды преображенная художником, не может перестать быть произведением искусства даже через века и тысячелетия. Именно в качестве таковой она должна сохраняться и при необходимости реставрироваться»⁴⁴⁴.

Теперь, надеюсь, мы можем быть уверены, что реставрационные работы на объектах историко-культурного наследия в городе Тобольске и его предместьях находятся в надежных профессиональных руках.

⁴⁴³ Родина Е. Евровозрождение Сибири // Град Тобольск. – 2011. – № 6 (53). – С. 17; История женского образования // ihtus.ru/22003/hi61.shtml; В Тобольске кинотеатр превращают в иконописную мастерскую // vsluh.ru/news/society/231385; Тюменская линия // t-l.ru/34066.html

⁴⁴⁴ Родина Е. Евровозрождение Сибири // Град Тобольск. – 2011. – № 6 (53). – С. 17.

Сосна с женской (сверху) и мужской (снизу) личинами
– селькупское святилище на р. Ратта. Фото автора, 1989 г.

Этюд восьмой

«ТО, ЧЕМ ЖИВУТ»

*«Ты состоишь из трех частей:
тела, жизненной силы и духа».*

Марк Аврелий.

*«Внутреннюю жизнь “другого”
я переживаю как душу,
в себе самом я живу в духе».*

Михаил Бахтин.

И тут мы, читатель, подошли к вопросу, к рассмотрению которого, надеюсь, оказались уже подготовлены всем предыдущим изложением. Мы подошли к рассмотрению вопроса, который, так или иначе, прямо или косвенно, отдаленно или конкретно и даже персонально затрагивался на протяжении всего того, о чем шла речь выше. Мы подошли, пожалуй, к главному вопросу, а точнее, – к рассмотрению мировоззренческой стороны основного вопроса культурного наследия.

Признаться, я даже сомневался в том, выделять ли данный вопрос в отдельную тему этюда, если она композиционно прошла по всей теме нашего, уважаемый читатель, разговора. Поскольку этот вопрос, или данная его сторона, не только довольно сложный – мировоззрение вообще сложная штука. Но и я, откровенно сказать, занимаясь в кругу своих интересов изучением традиционного мировоззрения народов Сибири, еще не совсем сам был готов к ответу на него. Именно в обозначенном аспекте ответа, конечно.

С другой стороны, изучение именно традиционного мировоззрения в определенной мере и подсказало то направление рассмотрения данного аспекта вопроса, которое представляется, на мой взгляд, необходимым в осмыслении поисков самых общих, но не универсальных ответов на него. Поскольку мы будем исходить как раз, словно изнутри традиции, именно изнутри культурного наследия, в котором мировоззрение, как составная его часть (или сфера), традиционно решало эти вопросы. И решало по-своему, но в общем мировоззренческом ключе. Словом, воспользуемся неким «потайным», нет – «потаенным ключом», ибо ключ этот лежит очень глубоко сокрытым. Он хранится в душе человека, в душе народа.

Следовательно, он может находиться и в нашей, уважаемый читатель, душе. Надо его просто поискать и попробовать найти. Хотя бы попытаться. Это и решило все сомнения.

Итак, в представлениях каждого народа есть область или духовная сфера, в которой наиболее емко выражена как бы четкая формула его мировоззрения, которую исследователи пытаются вывести из огромного комплекса фактов (религиозных верований, примет, народных знаний, искусства и т. д.). Это – представления о «душе» или о том, что мы не совсем правильно называем «душой», вкладывая в это понятие чисто монотеистическую трактовку данной категории проявления человеческой сущности. А вернее бы сказать, это – представления человека о самом себе. Но мы будем пользоваться традиционно-устоявшимся и понятным всем словом «душа», но при этом возьмем его в кавычки.

Поскольку этот вопрос весьма деликатный, то нам, как бы ни впряме «влезать в душу» кого бы то ни было, во всяком случае, без определенного на то разрешения. Вместе с тем, я бы и не рискнул, даже получив «добро», «сунуться» в так называемую «загадочную русскую душу». Это – «душа-океан», из которого, чего доброго, не выплыть. Впрочем, «загадка русского человека, столь, казалось бы, неуловимая, издавна угадывалась в том, - по мысли Валентина Распутина, - что он никогда не уходит в земное больше, чем в духовное, и носит в себе это духовное с простотой ребенка, не ведающего о своих залогах»⁴⁴⁵.

Тем не менее, куда надежнее будет сначала отправиться по «реке-душе», впадающей в то «море-океан», при всей уловной образности этих сравнений, разумеется. Поэтому мы в своих поисках отправимся на реку Таз, к уже упоминавшейся мной ещё в первом этюде небольшой северо-самодийской народности Тюменской области – северным, или тазовско-туруханским селькупам (самоназвание *сёл-куп* / *-кум* – «лесной, таежный человек / народ»)⁴⁴⁶.

Здесь только уточню: *селькупы* – народ в Российской Федерации численностью около 4250 человек (по переписи 2002 года). Проживают в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) и других районах Тюменской области (1857 человек); небольшая группа

⁴⁴⁵ Распутин В.Г. Сибирь, Сибирь... /Фотоил. Б. Дмитриева. 2-е изд. – Иркутск: «Артиздат», 2000. – С. 61.

⁴⁴⁶ Тюменская область: народы, языки, культуры / Под ред. И.С. Карабулатовой. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2007. – С. 277-280.

(412 человек) – в Туруханском районе Красноярского края. Кроме того, есть и южные, или томско-нарымские селькупы (1787 человек), которые живут в Каргасокском, Парабельском, Верхнекетском районах и сельской территории Колпашевского горсовета Томской области. Говорят на диалектах селькупского языка самодийской группы уральской семьи. Распространён также русский язык. Южные селькупы сильно обрусели⁴⁴⁷.

С любезного согласия и помощи этих «лесных / таежных людей» мне довелось в течение восьми полевых сезонов собирать там этнографические материалы. Тазовские, или северные селькупы, надо сказать, начали осваивать территорию нынешнего своего проживания в XVII веке, почти одновременно с великорусами, основавшими на реке Таз в 1601 году «златокипящую» пушнину Мангазею – исторический острог сибирского Заполярья и мифическую страну северорусских былин⁴⁴⁸.

Мне, кстати, удалось в 2000 году побывать там и принять участие в археологических раскопках Мангазейского городища вместе с художником Тобольского музея-заповедника С.А. Здановским, археологами из Тюмени и Екатеринбурга и директором местного краеведческого музея поселка Красноселькуп (ЯНАО) В.В. Суминым. Инициатором и руководителем раскопок был директор «Центра историко-культурного наследия» города Нефтеюганска (ХМАО), археолог Г.П. Визгалов, возродивший плановые раскопки Мангазеи (после известных работ М.И.Белова, О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова в 1968 – 1972 гг.) в 1999 – 2005 годы. Конечно, это было незабываемо. И мы затем принялись сразу за работы по проектированию будущей археологической и этнографической экспозиций, а также научной концепции строящегося тогда здания нового музея Красноселькупского района⁴⁴⁹. Что большей частью и было сделано через полтора года⁴⁵⁰.

⁴⁴⁷ Подробнее о селькупах см.: *В краю селькупов*: Красноселькупский район: Природа. Люди. Экономика. Экология / Кол. авторов. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2000. – С. 62-94; *Белич И.В.* К этнической истории северных селькупов // *Ямал – регион: Историческая ретроспектива и современность: Материалы Всероссийской научно-практич. конф. «Ямальские гуманитарные чтения – 2006»*. – Салехард; Екатеринбург: БКИ, 2006. – С. 10-29; *Народы Западной Сибири*: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. – М.: Наука, 2005. – С. 304-385.

⁴⁴⁸ *Демин М.А.* Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. – СПб.; Барнаул, 1995. – С. 35-42; *Пелих Г.И.* Селькупы XVII века (Очерки социально-экономической истории). – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 8-74; *Коч – русское полярное судно: проблемы исследования и реконструкция* / Отв. ред. П.В. Боярский, П.М. Шульгин. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 20-26.

⁴⁴⁹ См.: *Археологическая экспедиция // Северный край*. – 2000. – № 34 (783). – С. 1, 6.

⁴⁵⁰ См.: *Белич И.В.* Красноселькупский районный краеведческий музей: Научная концепция и научный проект этнографической экспозиции. – Тобольск; Красноселькуп. – 2002. – 121 с.

Я не археолог, но поразительными и не только для меня оказались два момента: во-первых, удивительная сохранность в «вечной мерзлоте» органических артефактов в совсем мелком культурном слое – такого вряд ли где ещё можно увидеть воочию. А, во-вторых, практически все жилища горожан начала XVII века были рублены из разобранных судов – *кочей*, на которых они пришли в Заполярье. Археологические коллекции, собранные при раскопках городища Мангазеи, по своей совокупности и разнообразию значительно превышают коллекции предметов XVII века, полученные при масштабных и многолетних раскопках таких исторических городов Урала и Сибири как, например, Верхотурье и Томск, не говоря уже о Тюмени⁴⁵¹.

Но вернемся к нашим селькупам. В традиционных представлениях тазовских селькупов о человеке, значительно размытых временем, в концепте «души» заложено воззрение о её множественности. Но главное понятие о «душе» содержится в слове *ильсат*. Оно включает в себя основу *ил* – «жизненное начало» глагола *илықо* – «жить», а также таких слов как «жизнь», «живой» – общую для всех самодийских народов, и старинный суффикс отглагольного имени орудия действия – *сат*. Буквально *ильсат*, в переводе знатока языка, культуры и истории тазовских селькупов этнолога Е.Д. Прокофьевой, значит «то, чем живет человек». И вообще – «то, чем живут», ибо *ильсат* есть не только у человека, но и у всех животных⁴⁵².

Согласно материалам селькупской мифологии, собранным в 1920-е годы супругами Г.Н. и Е.Д. Прокофьевыми, *ильсат* отправляет на землю «*Илынтыль кота имиля*» – «Жизненная старуха-бабушка», «вмещающая жизнь». С первыми лучами солнца она посылает на «срединную» землю души, хранящиеся у неё в «небесном (южном) доме», или в дупле «древа Мирового». «Душа падает там, где луч коснется земли». Истинное как бы рождение человека происходит тогда, когда «то, чем живут», попадает к будущей матери на кончике луча утреннего солнца. «Лишь тогда у неё родится ребенок с душой». Не случайно, замечает Е.Д. Прокофьева, что

⁴⁵¹ См.: Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001 – 2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2008. – 294 с.

⁴⁵² Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 107, 120; *Её же*. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XX. – М.; Л.: Наука, 1961. – С. 57-58. См. также: *Мифология селькупов* / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, А.А. Ким-Малони, С.В. Глушков, А.В. Байдак / Науч. ред. В.В. Напольских. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – С. 119-120.

«луч солнца и душа называются одним словом – *ильсат*». Вслед за тем вершится реальное, материальное рождение человека от женщины-матери. Хотя «то, чем живет человек» и бесплотно, но по внешнему виду походит на человека, и по очертаниям можно даже узнать, кому он принадлежит⁴⁵³.

Тут словно издали пришли слова С. Дали: «Глядите! Родился Сальвадор Дали. Стих ветер, небо ясно. Средиземное небо спокойно, и на его гладкой поверхности радугой сверкают семь лучей солнца, как на рыбьей чешуе. Это донельзя символично».

Близкими к селькупским, между прочим, являются представления о «душе» *кут* – «приращение жизнью, жизненная сила, душа, приходящая с неба» (Ж.-П. Ру) у древних тюрков, сохранившиеся у современных тюрков Алтая. В традиционных воззрениях саяно-алтайских народов, *кут* – «душа, жизненная сила, дух», «счастье», «достоинство» посылалась людям одним из небесных божеств высшего ранга: *Умай*, или *Анам-јајаучи* – «матерью-творцом». Она ниспосылала *кут* человеку в виде материализованного зародыша «изначальной жизненной силы» как двойник человека. *Кут* – своего рода «мера соучастия природы в реальном рождении, восполнение собственной потенции животного, человека»⁴⁵⁴. Но не будем отвлекаться.

Такова лишь частичка поэтики мифа, из которой можно уловить, что «то, чем живет» каждый селькуп – есть некая «объективно-субъективная реальность», имманентно находящаяся вокруг него, в нем самом, внутри него. Но *ильсат* дан человеку не просто сам по себе, а при определенных условиях, которые не только сложились, но которые необходимо было (стараться) ещё и соблюдать. В этом понимании я не исхожу из так называемой «имманентной философии» конца XIX - начала XX века, утверждавшей, что «познаваемая реальность находится в сфере сознания и поэтому имманентна ему...» (И. Ремке)⁴⁵⁵. И, само собой, не опираюсь на

⁴⁵³ Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XX. – М.; Л.: Наука, 1961. – С. 57; *Её же*. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 111, 120-121. См. также: *Мифология селькупов*. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – С. 322-323; Байдак А.В. Представления селькупов о происхождении жизни по данным мифологии и языка // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 224-227.

⁴⁵⁴ Баскаков Н.А. Душа в верованиях тюрков Алтая (термины, их значение и этимология) // Советская этнография. – 1978. – № 6. – С. 109; Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – С. 33, 35; *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири*. Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 73.

⁴⁵⁵ Современная буржуазная философия. – М., 1978. – Гл. 2, § 7.

нечто вроде императива в философии И. Канта. Это вообще не философия, а миф. Но в каждой мифологии, включая селькупскую, есть зачатки науки, философии и общезначимые нравственные предписания, или императив⁴⁵⁶. Ибо сам по себе «миф – это нечто постоянное и неизменное для всех людей во все времена...» (Дж. Ф. Бирлайн).

Ильсат – жизненный минимум, вмещающийся в отживших ритуалах в «минимум жизни», который в виде икринки в развилке стрелы «внедрял» шаман снова в человека, «отбив» от «похитивших» его злых духов⁴⁵⁷. Этот *ильсат* нам будет трудно себе, пожалуй, даже представить или понять, отождествив его с некой «жизненной силой», а тем более с «душой». Да мы, наверное, этого не поймем и не прочувствуем. Мы, возможно, не сможем этого понять. Поскольку мы – не селькупы, мы – другой народ (русские, татары, коми и др.). У нас другая душа, иное понимание того, чем живут.

А, вдруг, как поймем? Удивительное это слово – «вдруг», подающее некую *над*-возможную, «мистическую» поправку к сущему. Наверное, поймем. Несомненно, поймем, оказавшись, вдруг, тяжело больны. Ещё как почувствуем, будучи вдруг больны с D/s «безнадёжно». Однако, не теряя надежды, будем искать этот «минимум жизни» в целебных источниках, травах, кореньях и заговорах знахарей. Ещё как прочувствуем, когда из всех своих сил станем пытаться найти его в снадобьях и ритуалах *не*-традиционной медицины, в прощении своих близких, друзей и недругов, в молитвах к Богу, мобилизуя свои жизненные силы, вернее, то, что от них осталось, вокруг себя, в себе, внутри себя. И ведь находим, не правда ли? Не всегда, конечно, но находим всё-таки. И так всегда, когда спохватимся, когда прижмёт.

Однако, в селькупском понимании «души», живые люди делятся на две категории: с «душой» и люди без «души». Последние, как правило, не выживали, рано умирали. Об этом имелась определённая «запись» в книге жизни в доме «*Ылынта кота*» («Нижней старухи-матери» – *И.Б.*)»⁴⁵⁸. Это,

⁴⁵⁶ Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология / Пер. с англ. А. Блейз. – М.: Крон-Пресс, 1997. – С. 12-13; Мифология селькупов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – С. 85.

⁴⁵⁷ Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 121. *Её же*. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX - начала XX в.). – Л.: Наука, 1981. – С. 48.

⁴⁵⁸ Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 111-113, 120.

отчасти христианизированное понимание души, нам уже более понятно. Осталось лишь уточнить, что человек, в воззрениях селькупов, может жить с *ильсат* «хоть до старости», но при этом он мог и не быть живым. Про таких людей обычно говорили: «это несчастный человек», «*ильсат* у него кончился, короткий был»⁴⁵⁹. Следовательно, у такого человека кончилось «то, чем живут», хотя он всё ещё продолжал жить-поживать какое-то время, да «хоть до старости».

Не замечали ли вы, уважаемый читатель, вокруг себя таких вот «несчастных»? И заметьте – не «несчастливых», а именно «несчастных», хотя эти слова и синонимичны в русском языке. Поэтому мне хотелось уточнить у селькупов смысл, который они вкладывают в эти термины.

— «Ну, как тебе, *Сэрыола* (по *сулькупски* – «Белая голова», так меня по-своему величал «лесной народ» за седину – *И.Б.*), объяснить», - толковал мне один из них, охотник Никандр Иванович Ириков.

— «Вот, например (*sic*), у меня олени куда-то пропали или в эту зиму соболей у меня никак не идёт, не попадается в капканы, то я несчастливый человек и есть. А вот у кого *ильсат* кончился – тогда тот и будет несчастный человек. Как тут ещё тебе объяснить»⁴⁶⁰.

— Действительно, Никандр, яснее некуда. Ладно – понятно.

И вот, что самое важное. Еще в недалеком прошлом каждый селькуп, кому это удавалось, раз в семь лет или хотя бы раз в жизни, отправлялся со всей своей семьей на священное место *лōзиль лāка* – «сопка лоза, чёртова сопка». Эта сопка находится на «Чёртовом озере», расположенном как бы в середине селькупского края. «Чёртовы озера» (*Лōзиль то* – «озеро лоза, чёртово озеро») – система сообщающихся озёр, окруженных обширными болотами, с одним истоком, впадающим в реку Толька (приток р. Таз). Главное святилище тазовских селькупское – *Лōзиль лāка*, иначе «Шаман-гора» – представляло собой довольно высокую (примерно до 30 метров) для лесотундры природную сопку. При большой воде она омывается со всех сторон озером и выглядит как остров. *Лōзиль то* и *Лōзиль лāка* как бы образуют единое сакральное пространство, «населённое» сонмом духов разной иерархии. Оставаясь для людей невидимыми, они, по поверьям селькупов, проявляли себя различными способами.

⁴⁵⁹ Белич Иг. В., Белич Ир. В. К вопросу о культовых местах тазовских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. – С. 109.

⁴⁶⁰ Полевые записи автора. Стойбище Н.И. Ирикова, 1937 г. р. Река Таз, январь 1990 года.

Один мой информатор, Костя Чекурмин, превосходный рассказчик, несмотря на свою тогда молодость, обладавший отличной памятью (так как был давно слеп), так говорил об этом месте, поблизости от которого в прошлом находилось «чумовое место» селькупов Чекурминых:

— «Когда это озеро сильно священным было, то постоянно вечером все, какие есть, звуки там слышны были: то дети как будто плачут, то люди поют, то оленя ловят, то собаки лают. И человеку покажется, что люди там будто бы охотятся, из лука будто бы стреляют. Вечером у чума сидишь и слышишь: кто-то палку там кидает или ещё чего делает, и говорят как-то непонятно. Просто такой голос слышится – “уй-уй-уй”, и понимаешь, что это они (лōзы – И.Б.) говорят. То может сверху огонь, как костёр, спуститься... А что там людям виделось, что там на озере какие-то охотятся, это, говорят, типа лесных лозов – “мачиль лōзов”⁴⁶¹. Это они показываются, они там в этом месте живут».

— Это тебе, Костя, самому всё, о чём ты говоришь, слышалось или старики так рассказывали, - спрашиваю я, переставляя тем временем кассету в магнитофоне.

— Самому, конечно, я же там с детства жил. Ну и старики тоже рассказывали. Особенно Сальдэ-старик – он их шибко хорошо слышал, - отвечает Константин, как всегда говоря о духах-лозах в третьем лице⁴⁶².

Согласно уже отмеченным мной ранее представлениям, в этой самой сопке-горе обитала Тэтты имыля (амбивалент Илынта кота)⁴⁶³ – когда-то «переселившейся» под землю Илынтыль кота имыля – «Жизненной старухи-бабушки»⁴⁶⁴. Она считалась покровительницей благополучия и здоровья всех тазовских селькупов, независимо от места их проживания. Там, согласно широко распространенным среди них поверьям, находится

⁴⁶¹ Мачиль лōз [mačil' lōz] (р. Кеть), Маджъыл лō [mažil' lō] (р. Парабель), Массуй лōзи [massuj lōzi] (р. Кеть) – «лесной дух, леший, лесовик». Мифология селькупов. – Томск: ТГУ, 2004. – С. 198-199.

⁴⁶² Полевой дневник автора. Пос. Толька Красноселькупского района Тюменской области, Чекурмин Константин Селантьевич, селькуп, 1952 года рождения; январь 1989 год.

⁴⁶³ Амбивалентность (от лат. ambo – «оба» и valentia – «сила») – 1) в узком смысле слова – двойственность, противоречивость; 2) в более широком и точном – двойственность чувств переживания, выражающаяся в том, что один и тот же объект вызывает к себе у человека одновременно два противоположных чувства.

⁴⁶⁴ А.И. Кузнецова считает, что попытка Е.Д. Прокофьевой разделить образ Илынта кота на два независимых персонажа выглядела не слишком убедительно и отчего исследовательница позже отказалась. Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX - начала XX в.). – Л.: Наука, 1981. – С. 42-68; Мифология селькупов. – Томск: ТГУ, 2004. – С. 322-323.

своего рода «Центр мира», представлявший собой реально опредмеченную «декорацию» архаичных мифологических представлений (картины мира) тазовских селькупов⁴⁶⁵. Собственно там, в ритуалах и конструировалась именно необычного рода реальность – «семиотический двойник того, что было ~~→~~ первый раз», что подтвердило свою высшую целесообразность уже самим фактом существования и продолжения жизни»⁴⁶⁶.

Недалеко от этого места, в устье реки Малой Ширты, как я тогда узнал, побывав там, находится и Центр России (Российской империи), вычисленный в свое время Д.И. Менделеевым, когда он служил в Палате мер и весов. Здесь в 1980-х годах даже был установлен памятный знак, свидетельствующий об этом⁴⁶⁷. А вот на *Пõргäй мач* – «Идолов лес» – как селькупы называют это самое место, так же как и на *Лõзиль лãка* на место (вместо) уничтоженных священных деревьев и древних идолов установили геодезические знаки. Но и на молодых березках там – наверху здесь и там, по-прежнему восходя, селькупы подвязывают разноцветные ленты...

И на этой площадке перед «Шаман горой», которая гипотетически была сопоставлена мной в первом этюде с сузгунским святилищем эпохи поздней бронзы (Сузгун-2), каждый селькуп обязательно делал остановку. На том месте, по словам одного из них, Никиты П. Агичева, полагалось всегда «думать о хорошем, правильно надо думать», там «нельзя (было) обманывать» даже самого себя, потому как там «лõз (*Тэтты имыля*) слышит все под землей, он уже здесь, рядом» Там, в сущности, находилось духовное чистилище этого лесного народа и каждого его отдельного представителя⁴⁶⁸. Там, у подножья этого *со*-природного «храма», спустя каждые 7 лет, человек осмысливал личные поступки и помыслы, сверяя их с «правильными» – в смысле праведными делами и мыслями. Собственно там он отчитывался за свои деяния и исповедовался за свои прегрешения. Именно там он проникался прожитым и «поднимался» над ним.

⁴⁶⁵ Белич И.В. Святилище тазовских селькупов // Проблемы этнической истории самодийских народов. – Омск: ОмГУ, 1993. – Ч. 2. – С. 57-59; Белич Иг. В., Белич Ир. В. К вопросу о культовых местах тазовских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. – С. 107.

⁴⁶⁶ Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – С. 16.

⁴⁶⁷ Ямал: грань веков и тысячелетий. Популярный иллюстрированный очерк истории края с древнейших времен / Авт.-сост. Ю.Морозов. – Салехард: Артвид; СПб.: «Русская коллекция», 2000. – С. 68.

⁴⁶⁸ Белич Иг. В., Белич Ир. В. К вопросу о культовых местах тазовских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. – С. 108.

Вы, уважаемый читатель, может статься, поинтересуетесь: зачем? Отвечу – просто, как и сами селькупы: за тем, чтобы обрести «то, чем живут» (или «душу», если угодно). В селькупском языке слово *сельчи* – «семь» не только числительное, не просто цифра «7» из натурального ряда чисел, но часто и собирательное местоимение «все», это уже «много» (в ином значении этого слова)⁴⁶⁹. Это не просто математическая категория – но и категория качества. Человек приходил сюда с тем, чтобы, переживая пройденный этап жизни, обрести здесь свое новое «качество» жизни, с которым ему предстояло следовать по жизни дальше⁴⁷⁰.

Но для этого ему ещё надлежало подняться на Гору, взойти к самой высокой точке своего аутоэтничного «Центра мира», чтобы совершить воздаяние духам и божествам, максимально приблизившись к ним: за то, что он вновь обрёл «то, чем живут», за то, чем он будет жить вновь. Подъём на «Шаман-гору» и приношения сверхъестественному было для него наиболее естественным средством преодоления мифопоэтическим сознанием «изнутри предвосхищаемой смерти» (М.М. Бахтин)⁴⁷¹.

В самом акте восхождения на Гору – в «зону сакрального» – заключалось стремление самого человека к обновлению жизненных сил и качеств. А это могло произойти только лишь при соблюдении традиции, которая, по сути дела, и составляла высшую «зону сакрального». Она – традиция – в прямом смысле слова, питала жизнь и испытывала человека на жизненность, прежде чем дать «силу жизни», осознаваемую им как «то, чем живут»⁴⁷².

Тогда то, во время этого восхождения, и могло выясниться, что *ильсат* у него уже иссяк. *«Тебе, допустим, осталось мало жить. Ты хоть молодой, хоть старый никогда туда не сможешь подняться. У тебя дух захватит, ноги отнимутся. Осталось немного, и уже все... человек так и не поднимется. Это значит... ильсат у него кончился, короткий был. Это несчастливый человек. Кому долго жить... его сам дух поднимает... дух этот – Тэтты лоз, этого места земной дух».*

⁴⁶⁹ Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 120.

⁴⁷⁰ Белич Иг. В., Белич Ир. В. К вопросу о культовых местах тазовских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. – С. 108-109.

⁴⁷¹ Подробнее об этом см.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 120.

⁴⁷² Белич Иг. В., Белич Ир. В. К вопросу о культовых местах тазовских селькупов. – С. 109.

Такова сила жизни традиции, поведанная мне охотником и рыбаком Никандром И. Ириковым⁴⁷³, который, по его словам, «напропалую туда поднимался», оставаясь живым и счастливым, с вновь обретенной там «силой жизни». Угасание силы этой традиции, осознанное там его братом, Сергеем И. Ириковым, заставило последнего, человека, в принципе весьма и весьма далекого от вопросов языкознания, заняться делом сохранения селькупского языка – такова его сила духа. В этом ему, конечно, помогли специалисты из Дульзоновского лингвистического центра г. Томска.

То, что произошло с Сергеем Ивановичем, тюменский журналист, публицист и писатель А.К. Омельчук назвал «поздним расцветом». «Жизнь он прожил благополучно: окончил Салехардское национальное училище, Герценовский институт в Ленинграде, трудился в советских органах, работал инструктором окружкома КПСС, возглавлял окружной профсоюз работников сельского хозяйства. Но дело жизни обрел, пожалуй, когда осознал (а мы, по секрету, знаем место, где это произошло – И.Б.), что нужно думать о судьбе родного народа»⁴⁷⁴. Мне, кстати, дважды, приходилось встречаться с Сергеем И. Ириковым: в Красноселькупской Тольке и в Тюмени. Но только в родных местах – Ратте и Тольке я видел по-настоящему то, чем живет этот селькуп, этот Человек.

В результате тем, чем живут – стало несколько учебников для селькупских школьников начальных классов, по которым они учатся, и ещё будут учиться, познавая свой язык, свою культуру, мир вокруг них и своё место в нем. В языке же, как известно, содержится «душа» народа, значит – *ильсат* селькупов ещё «не кончился» и не иссякнет, пока у них есть «то, чем живут».

Данный этнологический экскурс, потребовался нам за тем, чтобы... Впрочем, итак понятно для чего он понадобился, и в чем его определенная актуальность для нас. Обращение к мировоззрению традиционному, лишь к отчасти реконструированному здесь представлению о «душе» селькупов, позволяет нам лучше понять, с чего начинается всякая реконструкция любой традиции, любого памятника культуры и историко-культурного наследия в целом.

⁴⁷³ Белич Иг. В., Белич Ир. В. К вопросу о культовых местах тазовских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. – С. 109.

⁴⁷⁴ Омельчук А.К. На краешке земли. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. – С. 146.

Концепт души в традиционном миропонимании селькупов, как и других народов, «рассматривается как жизнедеятельность человека в единстве анатомических характеристик, физиологических, эмоциональных процессов, менталитета и не мыслимая вне рода, этноса, окружающего мира». По мысли А. Обухова, ряд общих смыслов первичного концепта души, стоящего в преддверии личности, позволяет человеку:

- *«дифференцировать представления о собственных психологических свойствах, жизненной силе;*
- *увидеть особенности психического развития в системе основополагающих культурных ценностей, то есть задающих систему притязаний;*
- *понять характер связи души и тела; обязательность материальности носителя души;*
- *задать смыслы и значения имени как основополагающей сущности познания и совладения себя с миром и элементами мироустройства;*
- *осознать глубинные связи жизни отдельного человека с жизнью рода, с другими живыми существами, с миром в целом;*
- *иметь образы «правильного» жизненного пути и жизни после смерти, определяющие нормы социального поведения;*
- *видеть движение души во времени в круге вечных возвращений»*⁴⁷⁵.

Психолог считает, что эти смыслы в определенной мере сохранились «в современных имплицитных концепциях личности, носителями которых является каждый из нас». Однако соотношение ценности этих смыслов, конкретика их воплощения трансформировались. «Основополагающей линией изменения концепта души как первичного образа личности нами видится движение к целостности и увеличивающейся автономизации индивидуального человека в этом мире. Повышается самостояние и самостоятельность человека в мире, в выборе линии собственного развития в поливерсионной системе ценностей, в ответственности сперва за себя и свою жизнь, а уже потом за свой род и мир в целом»⁴⁷⁶.

Остается «замкнуть» сюжетную цепочку всему вышесказанному. Хотелось бы при этом заручиться определенной поддержкой неким авторитетным высказыванием. Долго искал и, кажется, нашел то, что нужно. То, что соответствует послесловию к сказанному. То, что было,

⁴⁷⁵ Обухов А. В преддверии личности: концепт души человека в традиционных культурах // Развитие личности. – 2006. – № 3. – С. 84-106.

⁴⁷⁶ Обухов А. В преддверии личности: концепт души человека в традиционных ... // rl-online.ru/articles/rl03_06/560.h...

конечно, недосказано. Но то, тем не менее, что, подобно сказанию, будет вселять оптимизм к созиданию.

«Дело в «Силе жизни»... именно эта «сила жизни» продолжает бурлить и давать плодородие! Она и только она позволяет нам выжить сегодня в полуразрушенной России. Она заставляет создавать предприятия и экономику. Она где-то рядом, просто мы неверно к ней шли. Теперь мы идем другим путем, но наш опыт позволяет нам делать обоснованные, хотя и неожиданные сравнения современности с древностью. С той древностью, когда небо было ближе к земле, а сознание чище и прозрачнее настолько, что люди обладали Видением и Медом поэзии...»⁴⁷⁷.

⁴⁷⁷ Андреев А. Магия и культура в науке управления. – СПб: «Тропа Троянова», 2000. – С. 26-27.

Тобольский кремль. Фрагмент

Этюд девятый

«ПУТЕМ В СЕБЯ»

*«Воспитание любви к родному краю,
к родной культуре, к родному селу
или городу, к родной речи – задача
первостепенной важности, и нет
необходимости это доказывать.
Но как воспитать эту любовь?».*

Д.С. Лихачев. Экология культуры. 1979 г.

Для нас, тоболяков, следует, видимо, хотя бы кратко, но особо оговорить определенную актуальность обращения за «опытом» обретения «силы жизни», всё ещё бытующему в селькупской мировоззренческой традиции. Разумеется, необходимо при этом иметь в виду условную разделенность нашего понимания применения этого опыта (на мифопоэтический и реальный, практический). Тогда из него можно будет провести определенную аналогию к нашей традиции, к нашему историко-культурному пространству, также обусловленному природно-географически, исторически и хронологически. Наши пращуры также осваивали этот край чуть более четырех столетий назад.

И в этом смысле есть прямая связь, какой бы отдаленной на первый взгляд она нам не показалась. «И все-таки связи, переключки с мифом гораздо больше, чем нам кажется на первый взгляд», - о том же самом рассуждает и искусствовед Л. Баранова⁴⁷⁸, в связи с нашей «зоной заповедного и заветного» – Тобольским кремлем. «Сама структура кремлевского ансамбля – форма замкнутой крепости – и есть материально зафиксированная память о том далеком остроге». И, добавлю: о том далеком прошлом, когда «люди обладали Видением и Медом поэзии», не будучи замкнутыми этим пространством, освоили огромную территорию.

Последний рубленый город Тобольска погиб в пожаре 1680 года. Почти в это же время, в 1672 году, была опустошена пожарами и окончательно опустела Мангазея, перенесенная в Туруханск (до 1780 года – Новая Мангазея). Но Тобольск «воспарял из пепла», подобно сказочной птице. И не раз он возрождался вновь, по праву являя собой «символ

⁴⁷⁸ Баранова Л.П. Этюды о заповедном городе. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1986. – С. 38.

возрождения». И этот процесс возрождения был результатом огромной энергии или «силы жизни», колоссальной творческой деятельности народной мысли, в которой аккумулировался духовный опыт народа, основанный как на преемственности культуры, так и на культурных новшествах, ставших традицией и гармонично вошедших в наше наследие.

«Вход» в прошлое Тобольска, стоит ещё раз об этом напомнить, есть в о с х о ж д е н и е к нему. Этот путь лежит из-под горы. Он начинается с Тобольского предместья, то есть с того же (по Далю) «подгорья», откуда начитается обнаруживаться предвосхищение исторической и поэтической панорамы города. Отсюда – ландшафтная рекультивация и реставрация исторической части подгорья Тобольска должна стать – пока это ещё не поздно! – началом реконструкции его историко-культурного наследия. Началом верного пути к «силе жизни» его жителей, на котором происходит очищение сознания и души, стремящихся к красоте и идеалу, возвышенному и высокому.

А там, на горе, в «заповедном и заветном ядре города» – Тобольском кремле – сосредоточены наши национальные реликвии и святыни, составляющие не только ценности «культуры этноса», но и раритеты «этнических культур»⁴⁷⁹. Они не принадлежат ни Тобольско-Тюменской епархии, ни Тобольскому музею-заповеднику, хранясь и используясь в них, соответственно своему назначению и предназначению. Они принадлежат лишь будущему, только будущим поколениям.

Это наше национальное достояние – историческое и культурное наследие Отечества – сберегаемое и охраняемое государством (законом), ради высшей цели «социального блага» – благополучия, благосостояния, благочестия и благоденствия общества и каждого его члена, независимо от национальности и веры, места рождения и происхождения. В сказанном нет высокопарности – здесь вещи названы своими именами, далекими, правда, от юридического толкования.

⁴⁷⁹ Под «культурой этноса» в этнологии понимается вся совокупность культурного достояния, присущая данному этносу в лице его отдельных представителей, локальных групп, этносоциальных организмов и т. п., независимо от того, имеют ли различные элементы и структуры этого достояния специфическую этническую окраску или же являются этнически нейтральными. Под «этнической культурой» подразумевается совокупность лишь тех культурных элементов и структур, которые обладают этнической спецификой, выполняя как этнодифференцирующую («мы - не мы»), так и этноинтегрирующую функции, способствуя осознанию своего единства различными, зачастую дисперсно разбросанными частями данного этноса. См.: Козлов В.И. Этнос и культура // Советская этнография. – 1979. – № 3. – С. 71-86; Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – С.166.

Современное же законодательство в сфере культуры, как известно, отстает от потребностей времени. Достаточно напомнить, что основным законодательным актом по части охраны памятников культуры оставался закон, принятый ещё в середине 1970-х годов, в котором не могли и предполагаться нынешние реалии экономической жизни. Многие из насущных вопросов культурного развития, сохранения и использования культурного наследия всё ещё не рассматриваются сегодня в федеральных законодательных органах, оставаясь как бы в тени дискутируемых политических вопросов или ключевых экономических проблем⁴⁸⁰.

Вместе с тем, существующий вакуум активно заполняется законодательством субъектов Российской Федерации. Законы о культурном, природном наследии, уникальных территориях приняты в 17 регионах, включая Тюменскую область (1996). При этом по состоянию на 1998 год, только в республиках Карелия и Татарстан и Астраханской области принято по одному документу, где регламентируются права и обязанности собственника, пользователя объекта наследия⁴⁸¹.

Подобное положение приводит к тому, что при обеспечении охраны и использования памятников возникают непреодолимые трудности, вызванные новыми экономическими отношениями (приватизацией, ситуацией с землепользованием и т.п.). Отсюда – неизбежные сложности во взаимоотношении, например, церкви и государства в «лице» тех или иных учреждений культуры и епархий, в частности Тобольского музея-заповедника и Тобольско-Тюменской епархии по охране и использованию объектов и территории Тобольского кремля. Кстати, недавно произошло разделение обширной Тобольско-Тюменской епархии на три по числу субъектов Российской Федерации, входящих в состав Тюменской области. Были образованы Ханты-Мансийская епархия и Салехардская епархия, выделенные из состава Тобольско-Тюменской епархии⁴⁸². К худу ли это или к добру? – вопрос открытый.

Здесь мне бы хотелось привести один конкретный случай или скорее несколько взаимосвязанных эпизодов, которые характеризуют отношение

⁴⁸⁰ См.: Кузнецова Л.П. Обзор законов, принятый субъектами Российской Федерации об охране историко-культурного и природного наследия (по состоянию на 1998 год) // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 8. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 72.

⁴⁸¹ Кузнецова Л.П. Обзор законов, принятый субъектами Российской Федерации об охране историко-культурного и природного наследия (по состоянию на 1998 год) // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 8. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 77.

⁴⁸² См.: Риановости. 30.05.2011: ria.ru/religion/20110530/381882938

к наследию со стороны Тобольского музея-заповедника, с одной стороны (простите за тавтологию, но так лучше), и Тобольско-Тюменской епархии – с другой и противостоянию между ними.

«В Тобольском Кремле еще в 1991 году в Софийском соборе были топорами срублены оставшиеся с дореволюционных времен фрески⁴⁸³. И делалось это епархией, а не музеем», - пишет на Форуме миссионерского портала диакон Андрей Кураев. Заместитель директора Тобольского музея по научной работе, археолог Алексей Нескоров, «в слезах бегал по отвалам –строительного мусора” в надежде найти какие-то фрагменты сбитой живописи, датируемой 18 веком и являющейся единственным в Зауралье образцом росписей малороссийской школы (справка: почти все тобольские митрополиты были монахами Киево-Печерской Лавры, потому и мастеров они выписывали оттуда). «Но поскольку вл. Димитрию –жохляндия” не нравится, всем интересующимся –возрождением тобольской жемчужины” говорилось, что-де, росписи были в плохом состоянии, да и качество и сюжеты были –не в русской традиции, а в католической”...»⁴⁸⁴.

Самое страшное явление произошло уже в начале 2000-х годов. Когда во время очередного ремонта в Софийском соборе решили выгрести весь грунт глубиной в три метра, чтобы под полом устроить подогрев, «из-под слоя вновь отбитой штукатурки на свет Божий появились порубанные остатки росписей. Но открылось не только это... Несколькими годами ранее фундамент собора был укреплен путем закачки жидкого цемента под давлением через трубы в шурфы, расположенные по всему периметру собора снаружи и внутри. Шаг между шурфами метр. А что произойдет, если в старом кафедральном соборе механически, с интервалом в метр вбивать трубы и закачивать по ним бетон?

Хорошо известна традиция – хоронить епископов внутри соборов. Тобольский Софийский собор не исключение. Под ним располагались захоронения местных архиереев, часть из которых прославлена в лике святых. Так вот: «во время бурения шурфов на поверхность извлекались куски дерева (т.е. кусочки гробов) и тканей (т.е. частицы погребальных облачений. Ну, а затем бетон по этим шурфам пошел не просто в –пустоты

⁴⁸³ Уточню, что это случилось в 1993-1994 году, когда Софию передали церкви – И.Б.

⁴⁸⁴ Тобольские кощунства // kuraev.ru/index.php?option=com_smf&...

фундамента”, а в склепы. И некоторые святители оказались «столпами Церкви» буквально – они были забетонированы!»⁴⁸⁵.

«Музей, допущенный епархией к археологическим исследованиям внутри собора, работал там днем, а ночью молчаливые семинаристы отдирали лопатами и ломом останки забетонированных епископов, заворачивали в простыни и их прятали в деревянные ящики, так что музейщики, приходя утром, с удивлением рассматривали только пустые склепы и интересные «жамушки» в отвалах – куски бетона, с торчащими из них фрагментами облачений, гробов и костей... У меня есть фотографии, - пишет о. Андрей, - но не умею их тут выставлять».

Приведу два снимка, сделанных тогда А.В.Нескоровым практически скрытой камерой, иллюстрирующих этот беспрецедентный случай.

Останки забетонированного архиерея. Рядом с трубой, через которую закачивался цемент под давлением, виден череп. Фото А.В. Нескорова.

Архиепископ Димитрий «сам ходил по раскопкам. Наблюдательные семинаристы говорили даже, что вл. Димитрий при посещении раскопок просто взял старинную панагию с трупа одного из почивших архиереев, «подарив» ему одну из своих, нынешнего софринского производства»⁴⁸⁶.

⁴⁸⁵ *Тобольские кощунства* // kuraev.ru/index.php?option=com_smf&...; Кураев А. Властная мысль // Литературная газета. № 2(6206), 21.01. 2009.

⁴⁸⁶ Художественно-производственное предприятие «Софрино» Русской Православной Церкви. Выпуск его продукции был начат в 1949 году. Софрино // sofrino.ru/pages/predpriyatie/

Если он после этого передал древнюю панагию в музей – то его поступок верен. Но я сомневаюсь в этом...», - полагает о. Андрей. А версия – «боялись сообщить»⁴⁸⁷ еще более страшна. Это, до какого же ужас надо довести своих подчиненных, чтобы они не боялись кощунства, но более всего боялись владычного гнева!», - подводит итог сказанному А. Кураев.

Погребение другого архиерея. Видны остатки его облачения. В центре праха – труба для заправки цемента, на отвале – фрагменты гроба и др. артефакты Фото А. Нескорова.

Вместе с тем отмечу и такое значимое для православных Сибири событие, случившееся в августе 2005 года. При вскрытии одной из могил в подполье Софийского собора тогда была обнаружена медная пластинка с надписью, указывающей на то, что здесь захоронен «*Преосвященный Варлаам, архиепископ и кавалер, правивший Тобольскою епархией 34 года. Уроженец Московский. Постриженец Киевский. Преставился 1802 года декабря 27 дня. 73 лет*»⁴⁸⁸. Так произошло обретение мощей святителя Варлаама (Петрова). Тогда же случилось и обретение мощей епископа Гермогена (Долганова), а всего – 10 архипастырей Тобольских⁴⁸⁹.

⁴⁸⁷ «Наверное, владыка не знал... Побоялись ему сообщить (пришлось бы сорвать сроки работ), и всё совершили в тайне», - пишет участник форума Владимир Витальевич.

⁴⁸⁸ Святитель – Официальный сайт Тобольско-Тюменской епархии // tobolsk-eparhia.ru/p/pages.php?

⁴⁸⁹ Обретение мощей священномученика Гермогена (Долганова) // ihtus.ru/92005/sm1.shtml

При всей сложности взаимоотношений между Тобольским музеем-заповедником и Тобольско-Тюменской епархией относительно охраны и развития объектов и территории Тобольского кремля замечу следующее важное, на мой взгляд, обстоятельство. А именно то, что исторически обусловленная и складывавшаяся традиционно общественно-политическая символика последнего выпала из социального поля зрения и ментальности тоболяков. Тенденция к одностороннему использованию Тобольского кремля, наблюдавшаяся в минувшее десятилетие, отчетливо обозначила приоритет его культовой (религиозной) символики. Тогда как социальная (в широком смысле) и особенно политическая (культурно-политическая) отошли на задний план, теряясь где-то на задворках исторической памяти.

Это далеко не новое и совсем не специфическое только лишь для нашего времени явление. Целостность и последовательность развития ансамбля Тобольского кремля как единого архитектурного организма и в прошлом отнюдь не означала безмятежности и поступательности этого процесса. «В последнее десятилетие XVII века произошла изоляция Софийского двора за высокими каменными стенами. Общего плана ансамбля не существовало, и он рос спонтанно, по воле и указаниям митрополита. Ломаный четырехугольник периметра Софийских крепостных стен вырастал из земли весь сразу... К началу XVIII века весь Софийский двор был окружен каменными стенами. За десятилетие сформировалось обширное интерьерное пространство с периметральной застройкой»⁴⁹⁰.

Однако уже XVIII столетие началось в Тобольске принципиальными событиями. Как известно, Москвой был утвержден первый проектный план строительства здесь каменного кремля, подготовленный тобольским зодчим, картографом, «знаменщиком», живописцем, географом и прочее и прочее Семёном Ульяновичем Ремезовым, к реализации которого он и приступил тогда в свои пятьдесят лет⁴⁹¹.

«Можно мысленно представить панораму кремля с Софийским собором, колокольной, Грановитой башней, триумфальной Вознесенской церковью, нарядной Приказной палатой и, наконец, с объединяющей всю

⁴⁹⁰ Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества: о некоторых объективных основах «второй природы». – СПб.: Стройиздат, 1995. – С. 99-100.

⁴⁹¹ См.: Гольденберг Л.А. Изограф Земли Сибирской. Жизнь и труды Семёна Ремезова. – Магадан. кн. изд-во, 1990. – 398 с.; Белич И.В. Ремезов Семён Ульянович // Тобольский биографический словарь. – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2004. – С. 409-415.

композицию четырехъярусной Дмитриевской башней, увенчанной шатром и государственной символикой. Но этому замыслу не суждено было сбыться. Время как бы накапливало препятствия на пути строительства»⁴⁹².

Тем не менее, все возведенные и сохранившиеся до наших дней сооружения Тобольского кремля, как светские, так и церковные⁴⁹³, на протяжении веков составляли и продолжают проявлять архитектурное и композиционное единство, образуя во времени и пространстве целостную структуру. Равно как и обобщенное понимание державной значимости и исключительности этого единственного от Урала до Тихого океана кремля. Кроме того, специалисты отмечают на редкость изумительную природную завершенность Тобольского кремля.

«Сегодня белый тобольский кремль кажется произведением природы – настолько естественно и безошибочно точно увенчал он высокую плоскую гору. Троицкий мыс и кремль теперь неразделимы, они срослись, сроднились друг с другом. Произошло это не сразу, не одномоментно и, судается, с немалой долей исторических случайностей, которые, впрочем, в совокупности могут составить то, что обозначается словом Судьба»⁴⁹⁴. Так судьбоносно и только тут при подчёркнутом «вознесении» человеческого духа и творения зодчих «вторая природа» сочеталась с первой.

Наконец, отмечу ещё одно существенное и неизменное свойство Тобольского кремля, являющееся естественным плодом и вместе с тем продолжением вышеизложенной его сущностной характеристики. Это – эстетическое начало, неизменно присутствующее в восприятии кремля современниками. «Секрет обаяния кремлевской панорамы, видимо, в том, что все в ней очень точно стоит и говорит с людьми на понятном каждому языке диалога древности и современности»⁴⁹⁵.

Рассматривая проблему символики Тобольского кремля, необходимо отметить следующие весьма существенные положения. В семиотическом

⁴⁹² Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества: о некоторых объективных основах «второй природы». – СПб.: Стройиздат, 1995. – С. 121.

⁴⁹³ О них подробнее см.: Кочедамов В.И. Тобольск (Как рос и строился город). – Тюменское кн. изд-во, 1963. – 156 с.; Кириллов В.В. Тобольск. Очерк-путеводитель. – М.: Искусство, 1984. – 240 с.; Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. – М.: Искусство, 1987. – С. 64-124; Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества: о некоторых объективных основах «второй природы». – СПб.: Стройиздат, 1995. – С. 87-148.

⁴⁹⁴ Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества: о некоторых объективных основах «второй природы». – СПб.: Стройиздат, 1995. – С. 147-148.

⁴⁹⁵ Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества: о некоторых объективных основах «второй природы». – СПб.: Стройиздат, 1995. – С. 123-124.

понимании термина «*символ*», представляющим «не просто знак тех или иных предметов», но и заключающим в себе «обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания»⁴⁹⁶, выступающим как «предельно концентрированное обобщение, как смысл, как идея явления»⁴⁹⁷, исследователи характеризуют его «как особый код, в котором аккумулируется и посредством которого передается определенная социальная информация»⁴⁹⁸. В условиях символических отношений – «это сообщение не об особых действиях и обстоятельствах, а о том, каковы в данной культуре основные структуры мышления, этика, эстетика, право и способы осмысления нового опыта»⁴⁹⁹.

Осмысление «постперестроечного» опыта освоения культурного пространства, в котором произошло возвращение к традиционному «духовному (религиозному) опыту» и «реосвящение» сакральной зоны территории Тобольского кремля, демонстрирует так называемый феномен возрождения представлений, стереотипов и норм поведения, получивший в литературе название «*архаического синдрома*». Этот архаический синдром способствует размыванию или сужению сферы рационального, усиливает воздействие иррационального и чувственно-эмоционального восприятия окружающей действительности. Архаический синдром, как известно, возникает в периоды общественно-политических и социальных кризисов, дезинтеграций и идеологических деградаций, когда реактуализируются наиболее архаичные формы проявления властных отношений⁵⁰⁰. Наша ментальность, как это видно, отчетливо фиксирует эту иррациональную функцию символа Тобольского кремля.

Сегодня, в процессе устойчивой стабилизации властных отношений, широко охватывающих все сферы жизни общества, этот процесс рассматривается учеными как «преимущественно рационалистический, когда мотивы деятельности его участников базируются на осознанной

⁴⁹⁶ Лосев А.Ф. Символ // Философская энциклопедия. – М.: «Советская энциклопедия», 1965. – Т. 3. – С. 10.

⁴⁹⁷ Краткий словарь по социологии / Ред. Д.М. Гвишиани; Н.И. Лапина. – М.: Политиздат, 1988. – С. 302.

⁴⁹⁸ Попов В.А. Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. – СПб.: МАЭ, 1996. – С. 10.

⁴⁹⁹ Тэрнер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – С. 42.

⁵⁰⁰ Подробнее см.: Концепция программы «Архаический синдром в бывшем Советском Союзе». Проблема возрождения архаического сознания в экстремальных жизненных ситуациях и в закрытых культурных средах // Пространство и время в архаических культурах: Материалы коллоквиума. – М., 1992. – С. 78-89; Попов В.А. Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. – СПб.: МАЭ, 1996. – С. 12-14.

целесообразности»⁵⁰¹. Следовательно, в «осмыслении нового опыта» реосвоения культурного пространства Тобольского кремля мы неизбежно придём к осознанию необходимости «снятия» архаического синдрома, ибо в основе сохранения данного пространства лежит рациональное знание и опыт, в которых целесообразность является залогом развития.

Там, на вершине Тобольской горы, у нас традиционно воссоздается особого рода реальности: в православных храмах – ритуальный «семиотический двойник того, что было ~~в~~ первый раз»»; в музее – исторические реалии того, что не раз по-разному было. Мифопоэтическое и историческое видение оперирует в них своими, достоверными только им фактами, подтверждающими «факт существования и продолжения жизни». Пришедший сюда находит то, зачем он взошел. Гармония духа и разума, души и мысли. И все счастливы.

Очевидно, что здесь, на противоположной каменному кремлю части Троицкого мыса, следует воссоздать и иную историческую реальность, которая впервые возникла на этом месте в прошлом, отстоящем от нас на четыре столетия. А именно – реконструировать фрагмент деревянного рубленого кремля, основываясь на всех имеющихся к настоящему времени сведениях и вновь полученных данных. Конечно, сделать это не так просто, особенно с учетом оговоренного ранее понимания подходов к реконструкции такого рода. Но это возможно, даже необходимо, учитывая масштабность культурного значения Тобольского кремля, который у нас, подчеркну, один единственный от Урала и до Тихого океана. И это же историко-культурное пространство может помочь нам в осуществлении данной реконструкции.

Л.П. Баранова по этому поводу писала в свое время следующее: «...из россыпи разрозненных сведений (о Тобольском кремле XVII в. – *И. Б.*) было бы чрезвычайно сложно ~~е~~обратить” древнюю конструкцию, если бы до нас не дошли ~~ж~~ивые” образцы тех дней – башни Братского, Илимского, Якутского острогов»⁵⁰². Кроме того, имеются еще подробные сведения и материалы для реконструкции из той же Мангазеи и по другим сибирским острогам⁵⁰³.

⁵⁰¹ Бочаров В.В. Власть и символ // Символы и атрибуты власти: Генезис, семантика, функции. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. – С. 18.

⁵⁰² Баранова Л.П. Этюды о заповедном городе. – Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1986. – С. 41.

⁵⁰³ См.: Главная страница - Города и остроги земли Сибирской // ostrog.ucoz.ru

Словом, у нас, есть с чего начинать. Но у нас, наверное, ещё нет «силы духа», чтобы начать. Его предстоит ещё «собрать» не только из разрозненных фрагментов той первоосновы, которая когда-то была заложена в вещи, в знаке, в образе и в слове – россыпи традиции, но и в том, чем она продолжает жить в настоящее время. Думается, что сегодня еще рановато говорить о каком-то качественном изменении нашего отношения к самим себе. Но тот исторический и духовный опыт, который подсказывает нам направление, показывает, что мы стоим все-таки на верном пути.

* * *

Мысль о том, что пока не приходится говорить о «качественном изменении нашего отношения к самим себе», скорее интуитивная, и, наверное, не требующая сейчас развернутой системы доказательств (их можно привести много), «зацепилась» за весьма точное, на мой взгляд, выражение А.И. Герцена о том, что мы еще не пришли «путем в себя». Под этим подразумевалась «жизненная задача» личности, которая разрешима через пробуждение возможностей «внутреннего человека» (иначе говоря, индивидуальности)⁵⁰⁴.

Применительно к сегодняшнему дню подумалось: как же нам прийти «путем в себя», когда нашей «силы жизни» хватает лишь на то, чтобы выжить и, следовательно, жить только настоящим, мало задумываясь о будущем, и практически не думая о прошлом? Ведь на это у нас уже не хватает «личного времени». Заглянув в исследования по теории культуры, удалось выяснить, что дело не только и даже не столько в том, что «личностное время в достаточно большом количестве не имеет иного смысла, кроме поддержания жизни». Но в том, что «повседневное существование личности в границах временного объема (отведенного жизнью – И.Б.), не исполнено пока событиями культурной значимости». Так говорят теоретики⁵⁰⁵.

Действительно, не хватает – подтверждают практики, и думают над тем, как такими событиями и делами, с ними связанными, наполнить нашу жизнь, в частности, культурную жизнь в нашем городе, нашу городскую

⁵⁰⁴ Герцен А.И. С того берега. Статьи // Собрание сочинений: В 30-ти т. Т. 6. – М.: Академия наук СССР, 1955. – С. 20.

⁵⁰⁵ Кругликов В.А. Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 169.

культуру. Это и вселяет определенный оптимизм тому, что мы на «верном пути». Так, на вопрос корреспондента о содержании понятия «городская культура», председатель комитета по культуре города Тобольска (недавно, к сожалению ушедший из жизни) Ю.К. Константинов ответил следующее:

«Любой город сам по себе уникален, тем более Тобольск. Городская культура – фрагмент российской и, конечно, мировой. Важно понять и почувствовать, в каком месте ты находишься. Одно из новых направлений в нашей работе – создание муниципального музея на базе множества небольших, организованных при учреждениях культуры, с целью воспитания патриотизма у горожан»⁵⁰⁶.

Патриотизм – вот он ведущий духовный ориентир, почти забытый, как и само это слово, за минувшие десять с лишним лет. «Но как воспитать эту любовь?» к родному краю, к родной культуре, к Родине – задает этот вопрос первостепенной важности Д.С. Лихачев в строках известной статьи, вынесенных в качестве эпиграфа к данному этюду. И сам на него отвечает: «Она начинается с малого – с любви к своей семье, к своему жилищу, к своей школе. Постепенно расширяясь, эта любовь к родному переходит в любовь к своей стране – к ее истории, ее прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре. Истинный патриотизм – это первая ступень к действительному интернационализму»⁵⁰⁷.

Добавим к сказанному и слова Ю.К. Константинова в знак нашей памяти об этом человеке. «Надо учиться в настоящем времени говорить о достижениях предприятий и организаций нашего города. Приоткрывать на первый взгляд незначительные факты истории нашего края, а ведь это тоже культура». Несомненно, причем это «живая культурная реальность», как определяют её современные культурологи. «Следующее направление – просветительская деятельность для населения. С этой целью мы открываем «общественный университет культуры». Его задачей будет создание условий для встреч горожан с интересными людьми». И это тоже культура, сориентированная на культурную преемственность. И таких «основных направлений» – семь⁵⁰⁸. А «7» – это уже много или в самый раз: это может привести к качественным изменениям нашего отношения к самим себе, когда мы сможем прийти «путем в себя».

⁵⁰⁶ Силин С. Городская культура – как она есть // Сибирская панорама. – 2001. 12 апреля. – С. 3.

⁵⁰⁷ Лихачев Д.С. Экология культуры // Москва. – 1979. – С. 173.

⁵⁰⁸ Силин С. Городская культура – как она есть // Сибирская панорама. – 2001. 12 апреля. – С. 3.

Церковь святых Семи отроков Ефесских на Завальном кладбище

КОДА

*«Проблемы важнее решения.
Решения могут устареть,
А проблемы остаются».*

Нильс Бор.

Чтобы подвести некоторые итоги и одновременно обобщить предыдущие этюды, закрепив подобно коде (и коду), главную тональность заданной темы всей композиции, её автору потребуется удостовериться – не сфальшивил ли он где-то в этой главной тональности. Поэтому ему, а получается и нам с вами, уважаемый читатель, придётся прибегнуть к своего рода «теоретическому камертону». Возможно, «на слух» – это будет нудным занятием и его, разумеется, можно тут же оставить. Но, поверьте, автору бы не хотелось оставлять вас и себя в неопределенности.

В советской литературе 1970-х годов неоднократно отмечалось, что одно из центральных мест в современной ей философии, составившей позднее особую область знаний – философию культуры – занимает «проблема человека, взятого в совокупности его социальных и культурных черт» или, по выражению М. Пришвина «человека культуры». К концу 1980-х годов Человек оказался у нас как бы в «центре культуры»⁵⁰⁹.

Показательным в этом отношении явилось то, что, вопреки пессимистическим прогнозам о «конце света» Гуттенберга и множества, расплодившихся в ту пору сект, статистика тех лет фиксировала поразительный книжный бум. Увеличился и спрос на книги по истории, особенно по древним её периодам, а также по истории культуры, в том числе и культуре традиционной, в центре внимания авторов которых находился человек: будь то в культуре древнего Ближнего Востока или в средневековой культуре Западной Европы, в японской ли культуре, либо в культуре русских крестьян Зауралья и т.д.⁵¹⁰

⁵⁰⁹ См.: *Культура, человек и картина мира* / Отв. ред. А.И. Арнольдов, В.А. Кругликов. – М.: Наука, 1987. – С. 3; *Пришвин М.* Сказка о правде. – М.: «Молодая гвардия», 1973. – С. 302.

⁵¹⁰ См.: *Вейнберг И.П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. – М.: Наука, 1986. – С. 3-4; *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – С. 3-15; *Человек и мир* в японской культуре. – М.: Наука, 1985. – С. 3-6; *Симонов П.В., Ершов П.М., Вяземский Ю.П.* Происхождение духовности. – М.: Наука, 1989. – С. 316-351; *Покровский Н.Н.* Мирская и монархическая традиция в истории российского крестьянства // *Новый мир*. – 1989. – № 9. – С. 225-231; *Миненко Н.А.* Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX в. – М., 1991. – С. 3-7; *Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра*. – СПб., 2003. – 308 с.

Разумеется, что этот спрос был обусловлен потребностями не только научно-теоретического характера, где рассматривались отношения в системах «человек-мир», «человек-природа», «человек-культура», существовавшие в различных обществах на разных исторических отрезках, отношения, ставшие актуальными тогда, в переходный для страны период. «Каждая эпоха выбирает себе в прошлом, иногда осознанно, иногда стихийно, традиции, близкие ей по духу, служащие коррелятом ее опыта»⁵¹¹. Прежде всего, а это главное – он был вызван практическими соображениями: восстановлением исторической истины, возможностью использования опыта прошлых столетий, включая накопленного русским крестьянством, в практике сегодняшнего дня. Ибо все сущее имеет свои корни в прошлом и никому, как говорит восточная пословица, не дано «перепрыгнуть собственную тень».

В начале 1990-х годов в стране повсеместно начался пересмотр дисциплин, составлявших социально-гуманитарное знание. Это было вызвано тем, что на рубеже 1970–1980-х годов в изучении и отражении социальной истории в нашей историографии произошел определенный и можно сказать позитивный сдвиг от социально-структурной к социально-культурной истории, связанный с распространением методов историко-культурной антропологии, социальной психологии и лингвистики, обращенных к человеку и к конкретным жизненным ситуациям⁵¹². «Стало очевидным, что для исторического объяснения недостаточно выяснить те представления и ценности, которыми люди руководствовались или могли руководствоваться в своей деятельности». Задача состояла в том, пишет Л.П. Репина, «чтобы выявить факторы, определявшие содержание и изменение этих представлений и ценностей»⁵¹³.

⁵¹¹ Завадская Е.В. Восток на Западе. – М.: Наука, 1970. – С. 5.

⁵¹² См.: *Одиссей – 1996*. Литературно-публицистический журнал. – М.: Наука, 1996 – 370 с. То же. Электронный ресурс: krotov.info/libr_min/15_o/di/ssey_1...; Скрипкина Л.И. Концептуальный подход к проектированию музейной экспозиции в его взаимосвязи с новыми направлениями научных исследований // Музей и общество на пороге XXI века. – Омск: ОмГУ, 1998. – С. 12; Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России // НЛЮ. Независимый философский журнал. – № 59. – 2003. Электронный ресурс: magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zver...; Ларин Ю.Д. Мировоззренческо-методологические основы постижения культуры: проблема концептуализации: Автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Тюмень, 2004. – 38 с.; Репина Л.П. Проблема методологического синтеза и новые версии социальной истории // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории. Электронный ресурс: history.vuzlib.net/book_o004_pa...

⁵¹³ Репина Л.П. История исторического знания. Гл.9. На рубеже тысячелетий: новые проблемы и новые подходы// Электронный ресурс: abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/re... Подробнее см.:

Затем мы вновь «отвернулись» от человека. Как никому, за малым исключением, не было в те годы дела и до памятников культуры, и до рядовой памяти. «...что толку поднимать из запустения отдельные дома, малые частички памяти, когда рушились стены могущественного государства». Эта фраза Валентина Распутина⁵¹⁴, сказана, между прочим, в Тобольске и о Тобольске тех лет. Но теперь, похоже, мы снова возвращаемся к человеку и его культуре, к «человеку культуры».

Общий и обобщенный взгляд на место и роль человека в культуре, разрабатывавшийся специалистами по многим направлениям и частным вопросам, включая обращение к опыту «крупных личностей», был ими конкретизирован на одном весьма существенном обстоятельстве. Оно предполагает понимание человека «как существа, созидającego культуру и пребывающего в ней»; как существа, «которое вне субъективного времени, т. е. вне движения человека от прошлого через настоящее к будущему, не представимо». Оно предполагает «истолкование смысла его (человека – И.Б.) наличной «живой историчности», взятой в непосредственно-чувственном виде, в своей живой смысловой предметности»⁵¹⁵.

А чем в культурологическом плане обусловлено присутствие в человеке «живой историчности», в непосредственно-чувственном виде которой он ощущает и из чего черпает свою «живую смысловую предметность» и сам смысл своего личного культуртрегерства? Очевидно – это «живая» культурная реальность, заключенная в том времени и пространстве (природном, социальном, культурном), в котором он живет, воплощая её через индивидуальность в своих «плодах культуры». Это – та реальная (опредмеченная, этническая и проч.) «живая культура», включая историко-культурное наследие, как базисную её составляющую, которая концентрирует коллективный духовный опыт, ценности и доминанты, на основе чего формируется «человек культуры», которая составляет «силу культуры».

Наш разговор о «переживании» и «проживании» героями этюдов, или Человеком неких абсолютов (идей, идеалов, ценностей), истинно

Репина Л.П. История исторического знания: пособие для вузов / А.П. Репина, В.В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2006. – 288 с.

⁵¹⁴ Распутин В.Г. Сибирь, Сибирь... / Фотоил. Б. Дмитриева. 2-е изд. – Иркутск: «Артиздат», 2000. – С. 60. Курсив мой – И.Б.

⁵¹⁵ Кругликов В.А. Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 168-169.

значимых для него, требует сжатого теоретического комментария. За всем этим кроится понимание «целостности человеческого отношения к ним», которое и составляет «совокупно-душевное» (или «образно-ассоциативно-эмоциональное»), а кроме того – «рационально-чувственное, сугубо ответственное присвоение и усвоение смысла данных абсолютов с целью обретения подлинности своего ~~для-себя-бытия~~»⁵¹⁶. За этим стоит обретение самости, самобытности или автохтонности человека в его культуре, образе жизни, традиции, где мировоззрению – «духовному освоению мироздания с точки зрения взаимоотношения таких (его) основных частей, как природа и человек» – отводится ведущая роль⁵¹⁶.

Поскольку мы то и дело говорили о такой категории, как «память» в её социально-историческом, культурологическом и психологическом выражении, то при этом имелось в виду следующее концептуальное положение. Память человека, какой бы феноменальной она не была – есть «отражение истории его индивидуальности и личности», которая «не может быть связана с историей общества, в силу характера социальных связей самого человека». Но история каждого «конкретного человека» – так или иначе «связана с историей культуры»⁵¹⁷.

«Историчен каждый индивид, историчен каждый человек, исторична не только его личность, но и индивидуальность. Кроме своих природных основ..., индивидуальность... есть ~~живая историчность~~»⁵¹⁸. История культуры как таковая пронизывает жизнь каждого человека. «И если не на протяжении всего наличного бытия человека, то в качестве основополагающего и стержневого фактора в ситуации самоопределения человека, в ситуации ~~рождения~~ личности как таковой»⁵¹⁸. И, добавим: в экстремальной, маргинальной (пограничной) ситуации.

В культуре прошлое неизменно присутствует в настоящем, в том смысле, что история, включая «живые» исторические памятники и

⁵¹⁶ Чанышев А.Н. Начало философии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С. 38; Кругликов В.А. Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 180; Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение Тюрков Южной Сибири (к постановке вопроса) // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 86.

⁵¹⁷ Арнольдов А.И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 27; Батищев Г.С. 1987. Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука; 1987. – С. 90-135; Кругликов В.А. Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 181.

⁵¹⁸ Кругликов В.А. Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 181.

традиции, хотя и незримо, но постоянно находится в теснейшей связи с практической жизнью, которая в той или иной мере воспроизводит культурную традицию⁵¹⁹. «Эта связь времен для человека культуры всегда предстает как личная, экзистенциальная проблема, как вопрос, вызывающий изумление и удивление...». Отсюда, как справедливо отмечают философы, недаром известно изречение, согласно которому «философия родилась из удивления человеком перед миром»⁵²⁰.

Но и «логика чудесного есть часть логики мифа», который «есть запечатленное в образах познание мира во всем великолепии, ужасе и двусмыслии его тайн»⁵²¹. Отсюда – наше обращение «за опытом» к традиционной мифологии не будет выглядеть настолько наивным, как кому-то это могло показаться, насколько не будет наивным «обретение культуры» в детстве человека. Поэтому «та же разумная творческая сила – а имя ей Воображение, Имагинация – которая создавала миф, действует в нас и посейчас, постоянно, особенно у поэта и философа, но в более прикрытом виде»⁵²².

Исследования специалистов в области исследования традиционного мировоззрения народов Сибири убеждают, что доминантные мировоззренческие символы легко обнаруживаются и в современной традиционной культуре: «как вершины высоких деревьев встают они над лесом, затопленным половодьем времени». И в наши дни, когда при малейшем ослаблении внешнего прессинга начинает «оживать» исконное отношение к миру, «люди воспроизводят все те же универсальные образы...», а в «рабочем» пантеоне живой традиции «явно обнаруживаются интересы и заботы людей»⁵²³.

Поскольку «прообраз» есть нечто предшествующее явлению и одновременно существующее с ним, наличествующее постоянно, а ассоциативность, матричность мифологического мышления неразрывно связана с его традиционализмом, всегда существующим⁵²⁴. Постольку в

⁵¹⁹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – С. 383; Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – С. 160-200.

⁵²⁰ Кругликов В.А. Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 182.

⁵²¹ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – С. 9, 14.

⁵²² Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – С. 9.

⁵²³ Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 29, 33.

⁵²⁴ Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. – М.: Наука, 1986. – С.49.

контексте решения жизненной задачи – прийти «путем в себя» через пробуждение возможностей «внутреннего человека» – должно быть ясно обозначено понимание традиционализма, которому человек следует (наследует), и который ему следует преодолевать для решения этой задачи – обретения своей индивидуальности и самой «силы жизни».

К одному из его пониманий, по определению философов относится «жесткий, мертвящий традиционализм», который «проистекает вовсе не из стремления к максимально полному распредмечиванию традиционно доступного наследия и не из готовности к бескорыстной верности ему, но, напротив, из своекорыстных актуальных потребностей в средствах для упрочения, для наполнения служебно-функциональным содержанием и для освещения от имени истории и исторических авторитетов социальной регуляции органически жесткого, замкнутого типа». Отсюда – «крайне ограниченная, коллективно-своемерная, предвзятая *избирательность* к наследию». При этом «тело культуры» подвергается беспощадному расчленению, «чтобы извлечь из него и взять себе ~~на~~ вооружение» только то, что отвечает нынешним критериям функциональности и что, будучи опрокинуто на былое, подчеркивает строго охраняемые границы высеченной из него таким способом ~~своей~~ «своей собственной» традиции, которая затем резко противопоставляется всему остальному содержанию исторического культурного процесса»⁵²⁵.

Такой традиционализм «никогда не учится, но только поучает, декретируя от себя, какую именно должна быть традиция своеобразно с его, не подлежащими критике нуждами. Так традиционализм умерщвляет живую традицию изнутри, своей корыстной любовью к ней»⁵²⁶. Этот традиционализм известен под именем догматизма. А «догмой, - писал польский педагог-гуманист Януш Корчак, - может стать все – и земля, и костел, и отчизна, и добродетель, и грех; может стать наука, общественная и политическая деятельность, богатство, любое противосостояние...», если человек живет «догматическим образом жизни» социально-групповой исключительности⁵²⁷.

⁵²⁵ Батищев Г.С. Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира. - М.: Наука; 1987. – С. 109.

⁵²⁶ Батищев Г.С. Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира. - М.: Наука; 1987. – С. 110.

⁵²⁷ Корчак Януш. Как любить ребенка. – М.: Книга, 1980. – С. 219.

Понимание иного традиционализма содержится в определении немецкого литературоведа и критика Р. Веймана: «Традиция развивается на основе единства противоречий: она питается исторической действительностью прошлого и историческим сознанием настоящего... Традиция есть то, что воспринято и что, будучи само изменчивым, изменяет творчество тех, кто воспринял традиционные образы»⁵²⁸. Данное определение, по мнению отечественного востоковеда И.П. Вейнберга, «привлекательно своим историко-диалектическим подходом к традиции, в которой как в любом живом организме, всегда действуют две тенденции, две ориентации». Первая – ориентация на традицию, то есть на освоение и трансляцию унаследованных признаков и черт, обеспечивающих стабильность и устойчивость организма; вторая – на новаторство – выработку новых черт и признаков, обеспечивающих развитие организма, его адаптацию к меняющемуся окружающему миру». При этом соотношения между обеими тенденциями могут быть различными и подвижными. Этот подход историк считает так же верным и по отношению к культуре, «в которой идеальное равновесие между обеими тенденциями явление редкое, как правило, наблюдаются эпохи, общества и культуры с доминирующей ориентацией на новаторство и другие – с преобладающей ориентацией на традицию»⁵²⁹.

В этом, пожалуй, и состоит понимание ответа на ранее поставленный нами вопрос о возможности сбалансированного преодоления конфликта между созиданием и разрушением, между вещной и мировоззренческой сторонами культуры в освоении и реконструкции историко-культурной среды её бытования. Однако вопрос в том, какой традиционализм при этом возобладает – «мертвящий» или «жизненный» – решает, должен решать «человек культуры» сам. При его решении важно понимание того, что та или иная традиция, тот или иной памятник истории (музеефицированный или живой) – это не только памятник, но и элемент современной жизни. Что это не просто памятник, но и составная часть культурного наследия. А наследие – это то, что дано предками современному поколению не только для бережного сохранения, но и для использования и приумножения⁵³⁰.

⁵²⁸ Вейман Р. История литературы и мифология: Очерки по методологии и истории литературы / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1975. – С. 48.

⁵²⁹ Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. – М.: Наука, 1986. – С. 50.

⁵³⁰ См.: Шульгин П.М. Всемирное наследие: идеи и воплощение // Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. – М., 1999. – С. 242-252.

Важно также, чтобы само понятие «культурное наследие», определенное в статье 1 «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия», принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 1972 году, частично охватывающее также понятие «культурные ценности», подробно истолкованные в статье 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» от 9. X. 1991 года, стало основополагающим понятием в социокультурном развитии нашего общества.

Разумеется, что для этого необходимо преодолеть не только известную инертность мышления, но и исправить имеющиеся упущения в законе. Например, «отсутствие в законодательстве четкого разграничения двух категорий охраняемых объектов – переданных и не переданных в управление специализированным организациям (с правами юридического лица) – есть принципиальное упущение нормативных актов»⁵³¹.

И последнее, что хотелось бы отметить. «Связь времен», чувственно, незаметно и опосредованно переживаемая человеком в повседневной жизни и деятельности, и, в особенности, в его творчестве, предстает перед ним и как вопрос, «...ставящий человека культуры в ответственнойшую позицию по отношению ко всему духовно-ценностному содержанию человечества»⁵³². И этот вопрос каждый человек решает для себя сам, с позиции своей собственной – личной культуры и в своей собственной – этнической, или национальной культуре.

Но в повседневной жизни, наверное, трудно всегда следовать этой позиции. Этого, пожалуй, и не требуется в повседневности. Главное, чтобы эта позиция была при решении ответственных вопросов. Важно, чтобы эта самая позиция просто была. Ну, а если она, вдруг, исчезла? Что тогда? Тогда нам, по-видимому, стоит отправиться в то заповедно-заветное место, где, переживая и проживая прошлое, можно будет её отыскать или выработать вновь.

* * *

Нам, тоболякам, в этом случае будет даже несколько проще. Несмотря на то, что у каждого из нас есть, конечно, свое такое укромное

⁵³¹ Шейнин Л. Памятники и закон // Территория. Журнал о культурном и природном наследии. – 1994. – № 1. – С. 29, 30.

⁵³² Кругликов В.А. Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 182.

место, мы имеем еще и одно на всех. Оно нам хорошо известно и дорогу к нему все мы знаем. Для сибиряков таким местом является весь Тобольск с его природными и историческими окрестностями. В вышедшей в 2000 году в свет книге «Сибирь, Сибирь...», Валентин Распутин вновь (как и десять лет назад) напоминает: **«В сибиряке Тобольск, хоть бывал он в нем, хоть не бывал, живет так же, как в россияnine Москва, как в славяnine Киев»**⁵³³. За этим люди и приезжают в Тобольск. Как тут не помнить о том, какую ответственность за сохранение и возрождение историко-культурного наследия Тобольска с его предместьями, это – «то, что живет в сибиряке» – возлагает на всех нас.

Тому, кто в этом заинтересован не только «по интересу», но и по призванию, а в особенности, по должности – спрос особый: ему, видимо, повседневно надо будет отдавать себе отчет в должном внимании к возрождению Тобольска. «Цена вопроса» при этом – не столько в исчислении объемов финансирования, сколько в вычислении силы инерции мышления; не столько в смете проекта на восстановление памятника, сколько в сметливом расчете на возвращение исторической памяти; не столько определенный интеграл в сумме, сколько неопределенный интервал во времени. Его-то у нас практически нет или очень мало, и отступить нам больше некуда – позади Сибирь.

«И бысть вместо царствующего града Сибири град Тоболеск» (летописец Савва Есипов); «тут исторически и самой природой скоплены судьбы всей Западной Сибири» (ученый Д.И. Менделеев); а «на примере Сибири можно понять и судьбы всей России (декабрист Г.С. Батеньков); отсюда – «возрождение Тобольска приобретает значение, выходящее за пределы частных городских проблем и интересов» (президент Российской Академии наук Ю. С. Осипов).

На сегодняшний день в Тобольске располагается 205 объектов историко-культурного наследия, 35 из которых являются памятниками федерального значения⁵³⁴, 156 объектов – регионального значения и 14 вновь выявленных памятников⁵³⁵. Следовательно, на уровне Тюменской

⁵³³ Распутин В.Г. Сибирь, Сибирь... /Фотоил. Б. Дмитриева. 2-е изд. – Иркутск: «Артиздат», 2000. – С. 32. Выделено мной – И.Б.

⁵³⁴ Здесь не берется в расчет то, например, что один лишь «Ансамбль Кремля и Менового двора», включающий 39 памятников, учитывается в реестре под одним объектом наследия федерального значения (Постановление Совета министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327).

⁵³⁵ Перечень объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской

области (как субъекта Российской Федерации) необходимо разработать, законодательно утвердить и реализовывать «Положение об уникальной исторической и природно-ландшафтной территории города Тобольска», которое бы уже сегодня и на ближайшее время определило:

- содержание и выражение уникальности территории Тобольска и его предместий (с указанием границ и объектов) как совокупности мест, где расположены в традиционной природной и социально-культурной среде памятники истории, природы и культуры, имеющие исключительную значимость в региональном, национальном и мировом наследии;

- целостность уникальной территории, обусловленной природной, исторической, хозяйственной и этнической взаимосвязью ее основных естественных и антропогенных элементов, составляющих неотъемлемые условия для полноценного экономического, социального и культурного функционирования этой территории;

- структуру комитета по делам уникальных территорий и его полномочия или наделение его функциями других органов (например, «Департамента по историко-культурному и природному наследию г. Тобольска и Тобольского района»), органы управления конкретными уникальными территориями, а также стратегию сохранения и развития данной уникальной территории;

- права, обязанности и уровень управления субъектов собственности культурного и природного наследия, режим хозяйственной деятельности, использования и охраны памятников природы и культуры, материально-техническое и финансовое обеспечение и т. д.

В перспективе же это должно стать Законом, ибо ответственность перед своим и мировым сообществом за судьбу национального наследия берет на себя государство⁵³⁶. Таково требование времени, нового времени, которое диктует следующие цели.

«По-новому сформулировать традиционное определение наследия, которое должно пониматься как совокупность природных и культурных элементов, материальных и нематериальных, унаследованных или вновь созданных. Именно через эти элементы социальные группы признают

Федерации, а также выявленных объектов культурного наследия, расположенных в г.Тобольске (по состоянию на 1.01.2010 года).

⁵³⁶ Закон Республики Карелия об уникальных исторических и природно-ландшафтных территориях // Территория. Журнал о культурном и природном наследии – 1994. – № 1. – С. 37-38.

свою самобытность и обязуются передавать ее будущим поколениям в улучшенной и обогащенной форме.

Признать появление новых категорий культурного наследия, в частности культурных ландшафтов, промышленного наследия и культурного туризма.

Укрепить изучение, описание, регистрацию и каталогизацию наследия, включая устные традиции, с тем, чтобы обеспечить разработку адекватных и эффективных средств для проведения одновременно традиционной и научной политики в области его сохранения.

Включить в политику, программы и планы городской и региональной планировки здания, объекты, ансамбли и ландшафты, имеющие культурную ценность, и обеспечить их охрану.

Непосредственно вовлекать граждан и местные сообщества в осуществление программ по сохранению наследия и составить список наиболее успешных видов практической деятельности, связанной с политикой в области наследия.

Добиться того, чтобы туризм уважал культуру и окружающую среду и чтобы доходы от него использовались также для сохранения на справедливой основе ресурсов наследия и для укрепления развития культуры

Распространять идею о том, что культурные ценности и услуги необходимо полностью признать и рассматривать как не относящиеся к обычным товарам.

Активизировать сотрудничество в области культуры между, с одной стороны, государственными властями и, с другой стороны – деловыми кругами и прочими организациями гражданского общества путем установления для последних соответствующих регламентирующих рамок».

«План действий по политике в области культуры в интересах развития», принятый на Межправительственной конференции «Сила культуры» (Стокгольм, 2 апреля 1998 года)⁵³⁷.

⁵³⁷ *План действий по политике в области культуры в интересах развития* (принят в Стокгольме в четверг, 2 апреля 1998 года, Межправительственной конференцией «Сила культуры») // Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. – М.: Институт Наследия, 1999. – С. 112-124.

Литература

1. *Абашин С.Н.* Миндонский цирюльник // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. Памяти В.Н. Басилова. – М.: Наука, 2001. – С. 198-218.
2. *Абрамов Н.* Гора Алафейская // Тобольские Губернские Ведомости. – 1862. – № 21-22. – С. 148-150, 134-136.
3. *Абрамов Н.А.* Петр Андреевич Словцов. Биографический очерк жизни историка, составленный в 1858 г. сотрудником и другом его Н.А. Абрамовым // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Коммент. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 180-195.
4. *Абрамов Н.А.* Сибирские архиереи // Город Тюмень: Из истории Тобольской Епархии / Сост. Ю.Л. Мандрики и В.А. Чупина, предисл. Ф. Петухова, прим. Ю.Л.Мандрики и В.А. Чупина. – Тюмень: СофтДизайн, 1998. – С. 96-332.
5. *Адамов А.А.* Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – 95 с.
6. *Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г.* Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск, 2008. – 114 с.
7. *Акты исторические*, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. 1598–1613. – СПб., 1841. – 470 с.
8. *Александрова Л.* Кто приходит в музей сегодня и придет завтра // Музеи в период перемен. Материалы российско-британского семинара «Музеи Санкт-Петербурга в условиях рыночной экономики». – СПб.: «Контрфорс», 1997.
9. *Алексеев Э.* К построению типологии музыкального эпоса // Музыка эпоса. Статьи и материалы. – Йошкар-Ола, 1989. – С. 24-27.
10. *Азиатская Россия* в геополитической и цивилизационной динамике XVI-XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. – М. : Наука, 2004. – 600 с.
11. *Алисов Д.А.* Инфраструктура города Тобольска во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. – 1999. – № 2. – С.17-21.
12. Алишина Х.Ч. 1994. Ономастические данные для изучения этногенеза сибирских татар // Этнографическое обозрение. – № 3. М., 1994. – С. 69-86.
13. Алишина Х.Ч. 1999. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области). – Тюмень: ТюмГУ, 1999. – Ч. 1. – 240 с.
14. *Андреев А.* Магия и культура в науке управления. – СПб: «Тропа Троянова», 2000. – 590 с.
15. *Андреева Е.Д.* Звуковой ландшафт как реальный объект и исследовательская проблема // Экология Культуры: Альманах Института Наследия «Территория». – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 76-85.
16. *Андриевич В.К.* История Сибири. Ч. I. Период от древнейших времен до главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. – СПб.: Типография В.В. Комарова, 1889. – 220 с.
17. *Антипенко А.* Крест на прошлом Тобольска // Сибирская панорама. – 2000. 2 ноября.

18. *Арнольд А.И.* Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 5-27.
19. *Артемов Е.Г.* Исторический музей в XXI веке: стратегия реализации изменяющихся запросов общества // Музей XXI века: мечта и реальность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Сборник статей. – СПб, 1999. – С. — 13-22.
20. *Артемьев Ю.И.* О совершенстве композиций систем научных и художественных обобщений // Система. Гармония. Симметрия /Под редакцией В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – С. 274-292.
21. *Артемьев Ю.М.* Методологические маргиналии // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики (НАНИ ЧР). – 1996. – № 5. – С. 11-24.
22. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 250 с.
23. *Ахиезер А.С.* Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. – 1994. – № 4-5. – С. 3-45.
24. *Ахиезер А.С.* Предисловие // Давыдов А.П. Духовной жаждою томим. А.С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. – М., 1999. – С. 8-10.
25. *Ахиезер А.С., Ильин П.М.* Задачи разработки социальных оценок в условиях научно-технической революции // Известия АН СССР. Серия географическая. – М., 1975. – №1. – С. 86-92.
26. *Ахметзянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
27. *Байдак А.В.* Представления селькупов о происхождении жизни по данным мифологии и языка // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 224-227.
28. *Байбурин А.К.* Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилища // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л.: Наука, 1977. – С. 123-130.
29. *Байбурин А.К.* Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л.: Наука, 1990. – С. 3-17.
30. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
31. *Балашов Д.* Россия... Русь... спаси себя, спаси... // Север. – Петрозаводск, 2001. – № 1-2.
32. *Балюк Н.А.* Родословие – от земли. – Тобольск: ТГПИ, 1992. – 100 с.
33. *Балюк Н.А.* Тобольская деревня в конце XVI – XIX вв. – Тобольск: ЗАО «Штрих», 1997. – 274 с.
34. *Балюк Н.А.* Тобольский край с древнейших времен до современного периода: Учебное пособие. – Тюмень: ТюмГУ, 2006. – 59 с.
35. *Баранова Л.П.* Этюды о заповедном городе. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1986. – 192 с.
36. *Баранова Т.А.* Тюркские ойконимы в топонимии Тобольского района Тюменской области // Этимологические исследования /Сборник научных трудов – Екатеринбург, 1991. – С. 78-81.

37. *Баранова Т.А.* Топонимия Тобольска и его окрестностей. – Тобольск: ТГПИ, 2005. – 192 с.
38. *Баскаков Н.А.* Душа в верованиях тюрков Алтая (термины, их значение и этимология) // Советская этнография. – 1978. – № 6. – С. 108-113.
39. *Батищев Г.С.* 1987. Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука; 1987. – С. 90-135.
40. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – 504 с.
41. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
42. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Алетейа, 2000. – 384 с.
43. *Беленький И.Л.* «Провинция» как предмет знания и переживания. Возможна ли «провинциология»? // Российская провинция XVIII–XX века. – Пенза, 1996. – Кн. 1. – С. 13-14.
44. *Беликов А.* Абрамовский мост через речку Монастырку // Тобольская правда. – № 194 (16632), 19.12.2002.
45. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений. В 9 т. Т. 2. – М., 1977. – 631 с.
46. *Белич И.В.* Культовые места сибирских татар как историко-этнографический источник // Роль Тобольска в освоении Сибири. – Тобольск: ТГПИ, 1987. – С. 40-42.
47. *Белич И.В.* Природа в доисламских верованиях сибирских татар // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Сб. науч. трудов. – Новосибирск: НГПИ, 1989. – С. 133-140.
48. *Белич И.В.* Святилище тазовских селькупов // Проблемы этнической истории самодийских народов. – Омск: ОмГУ, 1993. – Ч. 2. – С. 57-59.
49. *Белич И.В.* Цингалинская астана // Ислам, общество и культура. – Омск, 1994. – С. 28-30.
50. *Белич И.В.* Аврак // Народы Сибири и сопредельных территорий: Межвузовский сборник научных статей. – Томск: ТГУ, 1995. – С. 254-262.
51. *Белич И.В.* Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. – С. 92-98.
52. *Белич И.В.* Ханское кладбище // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; Уфа, 1997. – С. 9-14.
53. *Белич Иг. В., Белич Ир. В.* К вопросу о культовых местах тазовских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып. 1. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. – С. 96-112.
54. *Белич И.В.* Сибирское ханство // Сибирские реликвии: Из собрания Тобольского музея. – Тобольск; Верона: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2000. – С. 127-170.
55. *Белич И.В.* Рукописи не горят, рукописи возвращаются // Лукич. – Тюмень, 2001. – № 2. – С. 26-39.
56. *Белич И.В.* Золотое кольцо Тобольского предместья. Короткие зарисовки туристского маршрута // Альманах «Памятники Отечества». № 56. Первая столица Сибири. – М., 2002. – С. 23-28.

57. *Белич И.В.* Красноселькупский районный краеведческий музей: Научная концепция и научный проект этнографической экспозиции. – Тобольск; Красноселькуп. – 2002. – 150 с. (Рукопись).
58. *Белич И.В.* Ремезов Семён Ульянович // Тобольский биографический словарь. – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2004. – С. 409-415.
59. *Белич И.В.* «Концепция жизни» Тобольской земли (Культурологический этюд) // Первые Ремезовские чтения. Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX вв. – Тобольск, 2005. – С. 327-336.
60. *Белич И.В.* Дополнение к областной целевой программе «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска». – Тобольск: Администрация г. Тобольска, 2005. – 50 с.
61. *Белич И.В.* К наследию Михаила Знаменского (заметки о провинциальном археологе) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск: Изд. дом «Наука», 2006. – Т. 9. – С. 99-118.
62. *Белич И.В.* К этнической истории северных селькупов // Ямал – регион: Историческая ретроспектива и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ямальские гуманитарные чтения – 2006». – Салехард; Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – С. 10-29.
63. *Белич И.В.* Знамена Михаила Знаменского // «Знаменские чтения»: Филология в пространстве культуры. – Тобольск: ТГПИ, 2007. – С. 7-10.
64. *Белич И.В.* Страленберг и Мессершмидт: Из истории научных открытий (Историко-биографический очерк) // Тобольск и вся Сибирь. Альманах. Кн. 10. Триста лет учреждения Сибирской губернии. – Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска»; Верона: GRAFIC, 2008. – С. 182-202.
65. *Белослущева О., Климова Л.* Еще раз о памятниках... // Лукич. – Тюмень, 2001. – № 1. – С. 134-130.
66. *Белоусов В.Н.* Город, в котором отдыхает душа // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 461-462.
67. *Бердяев Н.А.* Судьба России. Сборник статей. – М.: Мысль, 1990. – 208 с. См. также: Электронный ресурс: [http:// koob.ru/berdyaev_n/](http://koob.ru/berdyaev_n/)
68. *Беспалова Ю.М.* Региональная культура в социокультурном пространстве России // Словцовские чтения – 99. – Тюмень, 1999. – С. 235-238.
69. *Библер В.С.* Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья о жизненных проблемах) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1990 / Редколлегия: А.А. Гусейнов и др. – М.: Политиздат, 1990. – 16-57.
70. *Библер В.С.* На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 423 с.
71. *Библер В.С.* На гранях логики культуры. Книга избранных очерков // Библиотека РГИУ. На гранях логики культуры: i-u.ru/biblio/archive/bibler_na...
72. *Бирлайн Дж. Ф.* Параллельная мифология / Пер. с англ. А. Блейз. – М.: Крон-Пресс, 1997. – 334 с.

73. *Бойко В.И.* Сибирь – XXI век: Рамочная платформа разработки концепции // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и социология. – 1998. – № 1. См. Электронный ресурс / В. Бойко. www.philosophy.nsc.ru/journals/hums
74. *Бойко В.И.* Россия – Сибирь в сценариях мироустройства XXI века // Сибирь в геополитическом пространстве XX века. – Новосибирск, 1998. – С. 5–39.
75. *Бойко В.И.* Сибирь на рубеже веков: к концепции развития // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск: Наука, 1998. – С. 25-31.
76. *Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А.* «Ваххабиты» на Северном Кавказе // Ислам на территории бывшей Российской империи. Вып. 2. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – С. 19-23.
77. *Бороноев А.О.* Пространственные (территориальные) особенности России и элементы номадизма в психологии россиян // Русский вопрос: история и современность: Сб. научных трудов. – Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 22-23.
78. *Бороноев А.О.* Проблема динамики сибирской идентичности // Общество • Среда • Развитие. – 2010. – № 3(16). – С. 81-85.
79. *Бояршинова З.Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск: ТГУ, 1960. – 152 с.
80. *Бояршинова З.Я.* К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству // Тр. Томского государственного университета. Серия социально-экономических и исторических наук. Т. 136. – Томск: ТГУ, 1957. – С. 147-156.
81. *Бочаров В.В.* Власть и символ // Символы и атрибуты власти: Генезис, семантика, функции. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. – С. 9-18.
82. *Боярский П.В.* Введение в памятниковедение. – М.: Советский фонд культуры, Центр «Культура и Мировой океан», 1990. – 218 с.
83. *Брумфильд У.* Тобольск. Архитектурное наследие в фотографиях / Tobolsk: Architectural Heritage in Photographs. – М.: Изд-во «Три квадрата», 2006. – 88 с.
84. *Будьков С.Т.* Изменения на географической карте как результат обострения межнациональных отношений // Региональные проблемы межнациональных отношений в России: Материалы Всероссийской конференции. – Омск: ОмГУ, 1993. – С. 44-48.
85. *Бураева О.В.* Проблема присоединения Сибири к России и евразийцы // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 117-118.
86. *Бурлина Е.* Мифы о провинциальной культуре // Русская провинция. – 1994. – № 1. – С. 82-91.
87. *В краю селькупов:* Красноселькупский район: Природа. Люди. Экономика. Экология / Кол. авторов. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2000. – 280 с.
88. *Валеев Ф.Т.* О религиозных представлениях западносибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 320-331.
89. *Валеев Ф.Т.* Западно-сибирские татары во второй половине XIX - начале XX вв. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1980. – 232 с.

90. *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: культура и быт. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. – 208 с.
91. *Вардиман Е.* Женщина в древнем мире / Пер. с нем. М.С. Харитонов. Послел. А.А. Вигасина. – М.: Наука, 1990. – 335 с.
92. *Васильев В.И.* Проблемы национальной государственности малочисленных народов Тюменского Севера (Комментарий к решению Учредительного конгресса народа манси об образовании Мансийского Автономного округа) // Региональные проблемы межнациональных отношений в России: Материалы Всероссийской конференции. – Омск: ОмГУ, 1993. – С. 56-59.
93. *Васильев В.И., Могильников В.А.* Основные проблемы этнической ретроспекции исторического прошлого Западной Сибири. Эпоха железа // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований. – Томск: ТГУ, 1981. – С. 58-61.
94. *Вахрушева А.Н.* Романтическая концепция личности в трагедии А.С. Хомякова «Ермак» // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2010. – Вып. 4. – С. 46-50.
95. *Веденин Ю.А.* Проблемы формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР. Сер. географическая. – 1990. – № 1. – С. 3-17.
96. *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин»; М.: Институт Наследия, 1997. – 224 с.
97. *Веденин Ю.А.* Введение // География искусства. Сб. статей. Вып. II – М.: Институт наследия, 1998. – С. 3-8.
98. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 13-36.
99. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III. – СПб., 1866. – 316 с.
100. *Вейман Р.* История литературы и мифология: Очерки по методологии и истории литературы / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1975. – 343.
101. *Вейнберг И.П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. – М.: Наука, 1986. – 208 с.
102. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание /Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
103. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание // Электронный ресурс: www.twirpx.com/file/125935/
104. *Вешинский Ю.Г.* О плюралистичности средовых эталонов в различных социально-культурных группах // Городская среда (Материалы Всесоюзной конференции ВНИИТАГ и Союза архитекторов СССР). – М.: ВНИИТАГ, 1989. – Ч. 2. – С. 36-42.
105. *Вешинский Ю.Г.* Картографирование социальных оценок территорий (возможна ли аксиологическая география?) // Картография на рубеже тысячелетий: Доклады 1 Всероссийской научной конференции по картографии. – М.: ИГРАН, 1997. – С. 137-140.

106. *Вешинский Ю.Г.* Аксиологическая география городской среды регионов России // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 8. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 121-137.
107. *Вешинский Ю.Г.* Аксиология постсоветского культурного пространства на рубеже тысячелетий: Автореф. дисс. ... канд. культурологии. – М., 2010. – 27 с.
108. *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001 – 2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2008. – 294 с.
109. *Визит* Президента Медведева в Тобольск // Электронный ресурс: vtobolsk.ru/medvedev-tobolsk.sh...
110. *Викторин В.М.* «Калмыцкая» и татаро-ногайская проблемы в общественно-политической ситуации Астраханской области (1990–1993 гг.) // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. – Омск: ОмГУ, 1993. – С. 63-66.
111. *Воробьева Е.А.* Культурное приграничье как форма осмысления бытия культуры // Аналитика культурологии: analculturolog.ru/archive/item/638...
112. *Воронцов Барбара.* Музеи Великобритании: структура и методы работы. Основные трудности // Музеи в период перемен. СПб.: «Контрфорс», 1997. – С. 6-23.
113. *Вотчины* Тобольского Софийского дома в XVII веке / Сост. Н.А.Балюк. – Тюмень: ТюмГУ, 2001. – 88 с.
114. *Галкин В.Т.* Этапы миграции населения Нижнего Тоболо-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: ТГУ, 1987. – С. 27-30.
115. *Галкина Т.А.* Россия и Европа. Взаимоотражение в симфонической музыке // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. – М.: Институт Наследия, 2004. – С. 166-182.
116. *Гарифуллин И.* Мухаммед. Ислам в Сибири. Кучум и Сузге в народных преданиях. По страницам истории сибирских татар. – Тюмень, 1993.
117. *Генисаретский О.И.* Гуманистический смысл культурной политики: культурная политика и экология культуры // Новые ориентации культурной политики. – М.: Информкультура МК СССР, 1989. – С. 19-23.
118. *Генисаретский О.И.* Этнокультурная идентичность во всех возможных мирах // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1991. – № 9. – С. 46-52.
119. *Герцен А.И.* С того берега. Статьи // Собрание сочинений: В 30-ти т. Т. 6. – М.: Академия наук СССР, 1955. – 551 с.
120. *Гетманова А.Д.* Логика. – М.: Высшая школа, 1986. – 288 с.
121. *Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А.* Белая книга: Экономические реформы в России 1991–2001 гг. – М.: Изд-во «ЭКСИМО», 2004. – 384 с.
122. *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
123. *Голодников К.* К биографии П.А. Словцова // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Коммент. Н.Н.

- Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 196-204.
124. *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – 218 с.
 125. *Гольденберг Л.А.* Изограф Земли Сибирской. Жизнь и труды Семёна Ремезова. – Магадан. кн. изд-во, 1990. – 398 с.
 126. *Горбачева Н.Н.* «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г.» П.А. Словцова: проблема жанра // «Словцовские чтения-99». – Тюмень, 1999. – С. 244-247.
 127. *Горбачева Н.Н.* Комментарии: «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Коммент. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 225-254.
 128. *Горбачева Н.* Возвращение Михаила Знаменского // Лукич. – Тюмень, 2000. – № I. – С. 45-51.
 129. *Города и остроги* земли Сибирской // Электронный ресурс: ostrog.ucoz.ru
 130. *Горькие итоги* прошлого десятилетия // Электронный ресурс: lib.thewalls.ru/horev/itogi.htm
 131. *Градировский С.* Культурное пограничье: русский ислам // Русский архипелаг. Электронный ресурс: / www.archipelag.ru/authors/gradirovs
 132. *Гринив В.* «Верю в возрождение сибирской жемчужины» // Строительный вестник Тюменской области. – 2000. – № 1 (10).
 133. *Гулыга А.В.* О будущем России // Россия и современный мир. – 1995. – № 4. – С. 56-59.
 134. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. Первое издание. Депонированная рукопись 1978-79 гг. – Институт Научной Информации. – Люберцы, М.: «Мишель и К°», «Ди-Карт», б.г. – 502 с.
 135. *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории. – М., 1992. – 335 с.
 136. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М.: Экопрос, 1993. – 576 с.
 137. *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве» пресвитера Иоанна. – М.: «Ди-Дик», 1994. – 480 с.
 138. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
 139. *Гуревич П.С.* Культурология. Учебник для вузов. М.: Проект, 2003. 336 с.
 140. *Гусейнов А.А., Апресян Р.Г.* Этика: Учебник. – М., 1998. – 461 с.
 141. *Данилевский Н.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
 142. *Дахин А.В.* Российская провинциальная культура в контексте глобальной региональной стратификации: проблема социальной ценности «внутренних пространств» // Электронный ресурс: www.culturalnet.ru/main/getfile/61
 143. *Демин М.А.* Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. – СПб.; Барнаул: Изд-во Барн. пед. ун-та, 1995. – 196 с.

144. *Денисов В.В.* Творческие и деструктивные механизмы культуры // *Философия и культура. XVII Всемирный философский конгресс.* – М.: Наука, 1987. – С. 195-216.
145. *Дмитриев В.* Возпоминание о Тобольске и его окрестностях // *Сибирский вестник*, издаваемый Гр. Спасским. Ч. 1. – СПб, 1818.
146. *Дмитриева Л.В.* Город Тобольск в истории культуры России: Дис. ... канд. культурол. наук. – СПб., 2001. – 244 с. См. то же: Электронный ресурс: dissercat.com/content/gorod-tobolsk...
147. *Дмитриева Л.В.* Культурная антропология Сибири и Тобольска конца XVI – начала XVIII веков // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 5 (10): Общественные и гуманитарные науки (философия): Научный журнал.* – СПб., 2005. – С. 299-308.
148. *Дополнение к областной целевой программе «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска».* – Тобольск, 2005. – 60 с.
149. *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // Электронный ресурс: ilibrary.ru/text/9/index.html
150. *Древний город* Древний город на Оби: История Сургута. – Екатеринбург: «Тезис», 1994. – 336 с.
151. *Духовное управление мусульман Азиатской...* // Электронный ресурс: portal-credo.ru/site/?act=news&id=4...
152. *Евразия. Люди и мифы.* (Сб. Статей из журнала «Вестник Евразии») / Сост., отв. ред. С.А. Панарин. – М.: Наталис, 2003. – 607 с.
153. *Евразийство* (Опыт систематического изложения) // *Мир России – Евразия: Антология* / Сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М: Высшая школа, 1995. – 398 с.
154. *Ежегодный отчет* Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Институт Наследия в 2000 году. – М.: Институт Наследия, 2000. – 30 с.
155. *Еремин Г.И.* Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири (К вопросу об этногенезе) // *Вопросы истории СССР.* – М: Изд-во МГУ, 1972. – С. 409-439.
156. *Жолквер Н.* Немецкие демографы: Россия – исчезающая держава // Электронный ресурс: <http://www.bfm.ru/articles/2011/04/13/nemeckie-demografy-grossija-ischezajushhaja-derzhava>.
157. *Журавлева А.А.* Эстетика пространства: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2005. – 18 с.
158. *Завадская Е.В.* Восток на Западе. – М.: Наука, 1970. – 127 с.
159. *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. – М.: Искусство, 1987. – 192 с.
160. *Заварихин С.П., Княжев В.В.* Экология зодчества: О некоторых объективных основах «второй природы». – СПб.: Стройиздат, 1995. – 190 с.
161. *Закон Республики Карелия* об уникальных исторических и природно-ландшафтных территориях // *Территория. Журнал о культурном и природном наследии* – 1994. – № 1. – С. 37-38.

162. Зах В.А. Культовое место у д. Цынгалы // Сибирские татары. Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири. – Тобольск; Омск, 1998. – С. 18-19.
163. . Зах В.А. Цингалинское святилище // Материалы по археологии Обь-Иртышья / Сб. науч. трудов. – Сургут, 2001. – С. 139-146.
164. Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России // НЛО. Независимый философский журнал. – № 59. – 2003. Электронный ресурс: magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zver...
165. Звоновский В.Б. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 78-79.
166. Знаменский М. Прогулки по историческим окрестностям г. Тобольска // Тобольские губернские ведомости. – 1881. – №№ 17, 37, 39, 45, 47.
167. Знаменский М. Тобольск и его окрестности (Отрывок из неизданного сочинения) // Восточное обозрение. – 1887. – № 13-14 – С. 12-16; № 15. – С. 13-15.
168. Знаменский М.С. Чувашский мыс. Из археолого-исторических набросков М.С. Знаменского. – Тобольск, 1891. – 15 с.
169. Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. – Тюмень: Тип. А. Крылова, 1901. – 68 с.
170. Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения / Сост. тома Ю.Л. Мандрики, предисловие и прим. В.А. Рогачева. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – 384 с.
171. Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. IV. Сузгун // Лукич. – Тюмень, 2001. – № 2. – С. 28-39.
172. Зубков К.И., Шиловский М.В. Сибирское областничество: истоки и эволюция // Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. – М.: Наука, 2004. – С. 411–448.
173. Зувев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Культурный космос Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 124-136.
174. Зырянов А.П., Мышлявцева С.Э. Туристические кластеры Пермского края // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды V Международной научно-практической конференции МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Диалог культур, 2010. – С. 3-10.
175. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004. – 440 с.
176. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. – М.: Наука, 1982. – 343 с.
177. Исаев И. Евразийство: Идеология Государственности // Общественные науки и современность. – М.: Наука, 1994. – № 5. – С. 42-55.
178. История Сибири: В 5 т. Т.1. Древняя Сибирь. – Л.: Наука, 1968. – 452 с.
179. История Сибири: В 5 т. Т. II. Сибирь в составе феодальной России. – Л.: Наука, 1968. – 540 с.
180. История Сибири. – Томск: ТГУ, 1987. – 472 с.

181. *Историческая память* в массовом сознании российского общества: (Результаты социологического мониторинга): Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС. № 2'2003. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 172 с.
182. *Исторический город* как историко-культурная территория. Концептуальные положения Программы комплексного социально-культурного развития исторического города Тобольска на долгосрочную перспективу // Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск № 7. – М.: Институт Наследия, 2003. – С. 40-53.
183. *Исхаков Д.М.* О так называемых «остях» Среднего Приуралья и их этнических связях с населением Западной Сибири // Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999. – С. 96-97.
184. *Исхаков Д.М.* Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотоордынский периоды) // Сибирские татары. Сборник статей. – Казань: ИИ АН РТ, 2002. – С. 24-58.
185. *Итоги* социально-экономического развития города Тобольска за 2010 год // Электронный ресурс: <http://admtobolsk.ru/itogirazv2010>.
186. *Каган М.С.* О перспективах развития эстетики как философской науки // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Материалы научной конференции. Серия «Symposium». Вып. 16. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 4-5.
187. *Каганский В.Л.* Существует ли культурный ландшафт? // Городская среда. Материалы научной конференции. – М., 1989. – Ч. 1. – С. 9-16.
188. *Каганский В.Л.* Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 134-144.
189. *Каганский В.Л.* Рамки региональной аналитики // Рациональный регионализм. – Тюмень; М, 1995. – С. 27-39.
190. *Каганский В.Л.* Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. – М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 72-111.
191. *Каганский В.* Национальная модель культурного ландшафта // Русский журнал, 18 июня 2004. Электронный ресурс: www.russ.ru/culture/20040616-kagg.html
192. *Каганский В.* Советское пространство – наше наследство // Русский журнал, 20 августа 2004. Электронный ресурс : russ.ru/layout/set/print/pole/S...
193. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт постсоветской России // Электронный ресурс: gees.bham.ac.uk/documents/Draft...
194. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
195. *Каганский В.Л.* Мир культурного ландшафта // Русский архипелаг. Электронный ресурс: archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus...
196. *Каганский В.* Клерикализация // Русский журнал, 11.4.2005. Электронный ресурс: russ.ru/pole/Klerikalizaciya
197. *Каганский В.* Ландшафт и постмодерн // Русский журнал. Электронный ресурс: russ.ru/columns/culture/10922110

198. *Казаченко Б.Н.* Человекомерие в государстве Российском. I. Народная метрология или антропометрия // Законодательная и прикладная метрология. – 2008. – № 6. – С. 52-55.
199. *Казаченко Б.Н.* Человекомерие в государстве Российском. III. Древнерусские антропометрические Системы // Законодательная и прикладная метрология. – 2009. – № 4. См. Электронный ресурс: rsk-k.ru/zipm2009.html.
200. *Казначеев В.П.* «О будущем» // Электронный ресурс: newhumanity.ru/koncept_material...
201. *Калабухов Д.Н.* Экология культуры: культурно-антропологические аспекты // Электронный ресурс: ecologistic.ru/ecol_kult/page1-32.
202. *Катанов Н.Ф.* О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского Губернского Музея) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 14. – Тобольск, 1905. – 1-28 с.
203. *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа (Основные этапы этнической истории). – Чувашское. кн. изд-во, 1965. – 484 с.
204. *Кириллов В.В.* Тобольск. Очерк-путеводитель. – М.: Искусство, 1984. – 239 с.
205. *Кириченко В.И.* Является ли архитектура «сибирского барокко» действительно архитектурой барокко? К проблеме стиля в архитектуре русской провинции XVIII - первой половины XIX века // Барокко в России. – М. 1994. – С. 36-46.
206. *Клюев А.С.* Философия музыки: современный взгляд // Музыка изменяющейся России. – Курск: Изд. Курск. гос. ун-та, 2007. – С. 26-32.
207. *Клюева В.П.* Жизнь в атеистическом государстве: мусульманские общины Тюменской области (1940–1960-е гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 10. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2009. – С. 117-121.
208. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Соч.: В 9 т. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. Электронный ресурс: <http://www.magister.msk.ru/library/history/history1.htm>
209. *Князев В.В., Плотников М.П.* Русь: Избранное / Сост. тома Ю.Л. Мандрики и В.А. Рогачева, предисл. В.В. Огрызко и В.А. Рогачева. – Тюмень: СофтДизайн, 1998. – 544 с.
210. *Князева В.П.* Экология. Основы реставрации. – М.: Изд-во Архитектура-С, 2005. – 400 с. Электронный ресурс: art-con.ru/node/996
211. *Козлов В.И.* Этнос и культура // Советская этнография. – 1979. – № 3. – С. 71-86.
212. *Козлов В.И.* История трагедии великого народа. Русский вопрос. – М., 1996. – 306 с.
213. *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII - начале XIX вв. – Омск: Зап. Сиб. изд-во, 1973. – 440 с.
214. *Коллинз Р.* Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1276 с.
215. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 485 с.
216. *Кондакова Г.* Куда уходят домовые // Град Тобольск. – 2010. – № 2 (39).

217. *Кондакова Г.* Улица Пушкина // Град Тобольск. – 2010. – № 3 (40).
218. *Концепция программы «Архаический синдром в бывшем Советском Союзе». Проблема возрождения архаического сознания в экстремальных жизненных ситуациях и в закрытых культурных средах // Пространство и время в архаических культурах: Материалы коллоквиума. – М., 1992. – С. 78-89.*
219. *Концепция стратегии социально-экономического развития города Тобольска до 2020 года. – Тобольск: Администрация г. Тобольска, 2009.*
220. *Концепция межрегионального туристического маршрута «По пути Ермака» по городу Тобольску и его окрестностям. Тобольск: Комитет по туризму и инвестициям г. Тобольска, 2011. – 160 с.*
221. *Копылов Д., Прибыльский Ю.* Тобольск. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1969. – 264 с.
222. *Корчак Януш.* Как любить ребенка. – М.: Книга, 1980. – 482 с.
223. *Косарев М.Ф.* К вопросу о возможностях этнической интерпретации древних западносибирских культур // Проблемы этногенеза народов Западной Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. – С. 59-61.
224. *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. – 230 с.
225. *Костюк В.Г.* Народы Сибири в современной геополитике // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – №1. Электронный ресурс: philosophy.nsc.ru/journals/hums...
226. *Коч – русское полярное судно: проблемы исследования и реконструкция / Отв. ред. П.В. Боярский, П.М. Шульгин. – М.: Институт Наследия, 2000. – 74 с.*
227. *Кочедамов В.И.* Тобольск (Как рос и строился город). – Тюменское кн. изд-во, 1963. – 156 с.
228. *Кочедамов В.И.* Первые русские города Сибири. – М.: Стройиздат, 1978. – 187 с.
229. *Культурология в системе наук и образования. Аннотированный библиографический указатель, 1997–1999 гг. / Министерство культуры РФ. Рос. институт культурологии; Сост. М.А. Кинсбургская; Ред. Т.С. Федорова. – М., 2000. – 122 с.*
230. *Кураев А.* Властная мысль // Литературная газета. № 2(6206), 21.01. 2009.
231. *Краткий словарь по социологии / Ред. Д.М. Гвишиани; Н.И. Лапина. – М.: Политиздат, 1988. – 479 с.*
232. *Кривошапова Т.В.* Проблемы русской культуры в современном Казахстане // Русский вопрос: история и современность. – Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 71-75.
233. *Кругликов В.А.* Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 167-197.
234. *Кузнецов В.Н.* Культура партнёрства как культура жизни // Безопасность Евразии. – 2010. – №. 2. – С. 7-53.
235. *Кузнецова Л.П.* Обзор законов, принятый субъектами Российской Федерации об охране историко-культурного и природного наследия (по состоянию на 1998 год) // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 8. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 72-98.

236. *Культура, человек и картина мира* / Отв. ред. А.И. Арнольдов, В.А. Кругликов. – М.: Наука, 1987. – 349 с.
237. *Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса.* – Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1997. – 172 с.
238. *Культурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений* / Под науч. ред. проф. Г.В. Драча. Изд. 8-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 576 с.
239. *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – М.: «АИРО – XX», 1995. – 160 с.
240. *Кызласов И.Л.* Гора – прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография. – 1982. – № 2. – С. 82-93.
241. *Лавренова О.А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII - начала XX веков. (Геокультурный аспект). М.: Институт наследия, 1998. – 128 с.
242. *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. – М.: Восточная литература РАН, 1995. – 312 с.
243. *Лапин А.А.* Русский вопрос. – М.: Свободная пресса, 2006. – 271 с.
244. *Ларин Ю.Д.* Мировоззренческо-методологические основы постижения культуры: проблема концептуализации: Автореф. дисс. ... док. философ. наук. Тюмень, 2004. – 38 с.
245. *Левада Ю.А.* От мнения к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 576 с. См.: Левада-Центр > Издания центра > Книги // levada.ru/levadaocherki.html
246. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – 535 с.
247. *Литературный сборник.* – СПб.: Восточное обозрение, 1885.
248. *Лихачев Д.С.* Экология культуры // Москва. – 1979. – № 7. – С. 173-179.
249. *Лихачев Д.С.* Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.
250. *Лосев А.Ф.* Символ // Философская энциклопедия. – М.: «Советская энциклопедия», 1965. – Т. 3. – С. 10-11.
251. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. – М: Мысль, 1993. – 960 с.
252. *Лосский Н.О.* Характер русского народа // Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
253. *Лотман Ю.* Художественный ансамбль как бытовое пространство // Декоративное искусство СССР. – 1974. – № 4 (97). – С. 48-51.
254. *Лотман Ю.М.* Заметки о художественном пространстве // Избранные статьи: В 3 т. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Талин, 1993. – С. 387-407.
255. *Лумпова С.М.* Н.О. Лосский о русском характере // Электронный ресурс: www.eunnet.net/sofia/05-2002/text/0...
256. *Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.* Традиционное мировоззрение Тюрков Южной Сибири (к постановке вопроса) // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 85-92.

257. Любимов Ю.В. Образ другого (Восток в Европейской традиции). Статья первая // Историческая психология и социология истории. – 2009. – Т. 2. – № 2. – С. 5-26. См. Электронный ресурс: [http:// www.socionauki.ru/journal/articles/...](http://www.socionauki.ru/journal/articles/...)
258. Любимов Ю.В. Образ другого (Восток в европейской традиции). Статья вторая // Историческая психология и социология истории. – 2010. – Т. 3. № 1. – С. 21-47. См. Электронный ресурс: [http:// www.socionauki.ru/journal/articles/...](http://www.socionauki.ru/journal/articles/...)
259. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1992. – 197 с.
260. Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2004. – 288 с.
261. Макс Вебер. Избранное. Образ общества.: Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с. – (Лики культуры).
262. Материалы пятой Всероссийские научной конференции «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия». Сборник статей. – М.: Институт Наследия, 2001. – 494 с.
263. Мегалополисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад. – М.: ИКСИ РАН, 2004 // Электронный ресурс: fesmos.ru/Publikat/5_Megapolis20...
264. Мэрия Тобольска // Электронный ресурс: nakanune.ru/articles/plesovskix...
265. Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия. - М.: Институт Наследия, 2001. – 224 с.
266. Мешкова Л. «Против устья Тоболу...» // «Вокруг Света». – 1986. – № 5 (2547).
267. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 2 т. Изд. 1-е. Т. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 607 с.
268. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 2 т. Изд. 1-е. Т. II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 638 с.
269. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. Изд. 2-е, доп. Т. 1. – М.: Восточная литература, 1999. – 632 с.
270. Миллер Г.Ф. Описание города Тобольска в 1741 году // Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. - Новосибирск: Наука, 1990. – С. 234-243.
271. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. Изд. 2-е, доп. Т. 2. – М.: Восточная литература, 2000. – 696 с.
272. Миненко А.Г. Русский национальный характер в историософии Н.А. Бердяева и Г.П. Федотова: методологический анализ // Русское слово в культурно-историческом и социальном контексте. Сб. статей. – Кемерово; Далянь, 2010. – Т. 1. – С. 83-89.
273. Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX в. – М.: Наука, 1991. – 224 с.
274. Миненко Н.А. Урал и Сибирь конца XVI – первой половины XIX века в новейшей отечественной историографии // Культурное наследие Азиатской России. – Тобольск, 1997. – С. 24-30.

275. *Мифология селькупов* / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, А.А. Ким-Малони, С.В. Глушков, А.В. Байдак / Науч. ред. В.В. Напольских. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 382 с.
276. *Мифологический словарь*. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – 736 с.
277. *Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
278. *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.
279. *Мосолова Л.М.* К вопросу об актуальных аксиологических исследованиях // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Материалы научной конференции. Серия «Symposium». Вып. 16. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 39-41.
280. *Мошинская В.И.* Сузгун II – памятник эпохи поздней бронзы лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). – № 58. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 114-135.
281. *Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития*. – Тула, 2000. – 151 с.
282. *Мурзина И.Я.* Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: Автореф. дис. ... д-ра культурологии. – М., 2003. – 55 с.
283. *Мурзина И.Я.* Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: Дис. ... д-ра культурологии. – М., 2003. Электронный ресурс: dissercat.com/content/fenomen-regio...
284. *Мурзина И.Я.* Методологические аспекты изучения региональной культуры // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 60-65.
285. *Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты* Серия: Народы и культуры / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. – М.: Наука, 2005. – 805 с.
286. *Небольсин П.И.* Покорение Сибири // Отечественные записки. – СПб., 1848. – Т. 60. – С. 225-266.
287. *Нескоров А.* Что мы теряем? // Сибирская панорама. – 2000. 25 ноября.
288. *Нескоров А.* Мировой уровень Тобольска // Град Тобольск. – 2010. – № 7.
289. *Нестеров А.Г.* Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. – С. 205-211.
290. *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири в XVII веке. – Новосибирск: Наука, 1988 – 256 с.
291. *Никольский Н.В.* Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья. – Казань, 1920. – 72 с.
292. *Новикова Л., Сиземская И.* Политическая программа евразийцев: реальность или утопия? // Общественные науки и современность. – 1992. – № 1. – С. 104-109.
293. *Областная целевая программа «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска»*. – Тюмень, 2004.
294. *Обские угры*. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999. – 306 с.

295. *Обухов А.* В преддверии личности: концепт души человека в традиционных культурах // Развитие личности. – 2006. - №3. – С. 84-106. См. то же. Электронный ресурс: rl-online.ru/articles/rl03_06/560.h...
296. *Общественный фонд «Возрождение Тобольска»* о своем городе. Сопроводительный текст к альбому «Сибирские реликвии». – Тобольск; Верона: ОБФ «Возрождение Тобольска», 1999. – 44 с.
297. *Одинова М.П.* Критический анализ попытки А. Вежбицкой построить этнопсихологический портрет русского человека по данным русского языка // Русский вопрос: история и современность: Сб. научных трудов. – Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 183-185.
298. *Одиссей – 1996.* Литературно-публицистический журнал. – М.: Наука, 1996 – 370 с. То же. Электронный ресурс: krotov.info/libr_min/15_o/di/ssey_1...
299. *Омельчук А.К.* На краешке земли. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. – 208 с.
300. *Определение приоритетов поддержки и развития культуры* // Электронный ресурс: manageweb.ru/study-421-2.html
301. *Орешина М.А.* Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. – М.: Российск. общ-во историков-архивистов, 2001. – 360 с.
302. *Основные направления и пути развития туризма в целях сохранения и более эффективного использования объектов культурного наследия* // Культурное наследие и туризм. – М.: Институт Наследия, 2005. – С. 79-104.
303. *Основные направления социально-экономической политики Правительства Р Ф на долгосрочную перспективу. 3. Политика в сфере культуры* // Электронный ресурс: nasledie.ru/fin/6_13/6_13_1/kni...
304. *Отчет* о научно-исследовательской работе по проектированию заказника «Абалакский природно-исторический комплекс». – М.: Институт Наследия, 2005. – 160 с.
305. *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. 1. Поселения и жилища.* – Томск: ТГУ, 1995. – 485 с.
306. *Панишев Е.* Чудеса и тайны Тобольска. – Тобольск: ТГПИ, 2009.
307. *Патканов С.К.* Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и героическим сказаниям // Живая Старина. Вып. 3-4. – СПб., 1891. – С. 85-116, 67-108.
308. *Пелих Г.И.* Селькупы XVII века (Очерки социально-экономической истории). – Новосибирск: Наука, 1981. – 176 с.
309. *Пентатоника* // Музыкальная энциклопедия. Электронный ресурс: http://enc-dic.com/enc_music/Pentatonika-5...
310. *Перечень объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также выявленных объектов культурного наследия, расположенных в городе Тобольске.* – Тобольск: Комитет по культуре, 2010. – 10 с.
311. *Переяслов Н.* Современная русская литература перед необходимостью обновления // Север. – Петрозаводск, 2001. – № 1-2.

312. *Петухов С.В.* Высшие симметрии, преобразования и инварианты в биологических объектах // Система. Гармония. Симметрия / Под. ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – С. 260-274.
313. *Пигров К.С.* Спуск по горной реке (техногенная цивилизация как проблема философии истории) // Философия истории и культуры. Научные доклады ассоциации «Диалог культур». – СПб., 1999.
314. *Пиксанов Н.К.* Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 148 с.
315. *План действий по политике в области культуры в интересах развития»* (принят в Стокгольме в четверг, 2 апреля 1998 года, Межправительственной конференцией «Сила культуры» // *Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов.* – М.: Институт Наследия, 1999. – С. 112-124.
316. *Покровский Н.Н.* Мирская и монархическая традиция в истории российского крестьянства // Новый мир. – 1989. – № 9. – С. 225-231.
317. *Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тюгашев Е.А.* Народы Сибири в социокультурном пространстве Евразии: ценностные предпочтения и межэтнические установки // Социологические исследования. – 2007. – № 5. – С. 62-69.
318. *Попов В.А.* Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. – С. 10-18.
319. *Портер М.* Конкуренция / Пер. с англ. – М: Изд. дом «Вильямс», 2001. – 495 с.
320. *Потанов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л.: Наука, 1969. – 196 с.
321. *Потанов Л.П.* Алтайский шаманизм. - Л.: Наука, 1991. – 320 с.
322. *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. – М.: Наука, 1972. – 392 с.
323. *Пришвин М.* Сказка о правде. – М.: «Молодая гвардия», 1973. – 496 с.
324. *Проект стратегии развития отрасли «Культура» г. Красноярск до 2020 года.* «Знаково-символическое пространство города Красноярск: город как мысль, текст и художественный образ» (Сибирский характер: смыслы, символы, знаки). II. Стратегический анализ социально-культурной ситуации в Красноярском крае // kultura.admkrsk.ru/doc.asp?id=12852...
325. *Прокофьева Е.Д.* Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XX. – М.; Л.: Наука, 1961. – С. 54-74.
326. *Прокофьева Е.Д.* Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 106-128.
327. *Прокофьева Е.Д.* Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX - начала XX в.). – Л.: Наука, 1981. – С. 42-68.
328. *Проскурякова Т.С.* Особенности сибирского барокко // Архитектурное наследство. – 1979. – Вып. 27. – С.147-160.

329. *Пылкова А.А.* Приграничье как феномен культуры (на примере Дальнего Востока России): Автореф. дисс. ... канд. культурологи. Комсомольск-на-Амуре, 2004.
330. *Пятина Д.А.* Туристический кластер как понятие // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды V Международной научно-практической конференции МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Диалог культур, 2010. – С. 23-29.
331. *Работы по берегоукреплению территории Тобольского кремля* // Электронный ресурс: expressradio.ru/newsflashes/new...
332. *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркский племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Т. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. – СПб., 1872. – 411 с.
333. *Распутин В.Г.* Сибирь, Сибирь... /Фотоил. Б. Дмитриева. 2-е изд. – Иркутск: «Артиздат», 2000. – 226 с.
334. *Рассел Б.* Во что я верю // Бертран Рассел. Почему я не христианин. – М.: Политиздат, 1987. – 334 с.
335. *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. – Новосибирск: Наука, 1993. – 250 с.
336. *Резун Д.Я.* Именной и биографический словарь «немцев» в Сибири XVII века // Немецкий этнос в Сибири. – Новосибирск, 2000. – Вып. 2. – С. 67-77.
337. *Резун Д.Я., Васильевский Р.С.* Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. – 304 с.
338. *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск: Изд. Дом «Сова», 2005. – 193 с. См. то же: Электронный ресурс: history.nsc.ru/kapital/project/fron...
339. *Репина Л.П.* Проблема методологического синтеза и новые версии социальной истории // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории. Электронный ресурс: history.vuzlib.net/book_o004_pa...
340. *Репина Л.П.* История исторического знания. Гл.9. На рубеже тысячелетий: новые проблемы и новые подходы// Электронный ресурс: abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/re...
341. *Репина Л.П.* История исторического знания: пособие для вузов / А.П. Репина, В.В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2006. – 288 с.
342. *Родина Е.* Евровозрождение Сибири // Град Тобольск. – 2011. – № 6 (53). – С. 16-17.
343. *Родоман Б.* Клерикализация российского экскурсионного туризма // Здравый смысл. – 2009. – № 4 (53). См.: atheismru.narod.ru/humanism/journal...
344. *Рогачев В.А.* «Гори, гори, моя звезда!» (Критико-биографический очерк жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского) // Знаменский М. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 3-20.

345. *Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн* / Редакторы-составители: д-ра философ. наук Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Наука, 1993. – 369 с.
346. *Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра: Материалы международной научной конференции* / Под ред. Ю.К. Чистова, В.А. Тишкова. – СПб.: МАЭ РАН, 2003. – Вып. 1. – 308 с.
347. *Роцевский П.И.* Воспитанник декабристов художник М.С. Знаменский. – Тюмень: Кн. изд-во, 1954. – 146 с.
348. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века // Словарь культуры XX в. Электронный ресурс: philosophy.ru/edu/ref/rudnev/in...
349. *Руднев В.* «Винни Пух» и «Китайская рулетка» (феноменология парасемантики) // Винни Пух и философия обыденного языка. 2-е изд., доп., исправл. и перераб. – М.: Аграф, 1996. – 62 с.
350. *Русские старожилы.* Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – 546 с.
351. *Русский вопрос: история и современность.* Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Омск: ОмГУ, 1992. – Ч. I. – 120 с.; Ч. II. – 96 с.
352. *Русский вопрос: история и современность.* Сборник научных трудов. – Омск: ОмГУ, 2000. – 295 с.
353. *Русский вопрос.* Антология. – М.: Экономика, 2007. – 284 с.
354. *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социс. – 2005. – № 3. – С. 71-81.
355. *Савицкий П.Н.* Географический обзор России-Евразии // Мир России – Евразия. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 342-370.
356. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. – М., 1997. – 464 с.
357. *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 155 с.
358. *Сайко Е.А.* Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 144 с.
359. *Сайко Е.А.* Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века // Электронный ресурс: es-dejavu.ru/p/Provinces_Saiko.html...
360. *Самодийцы.* Материалы IV-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001. – 314 с.
361. *Самохин А.В.* Исторический путь евразийцев как идейно-политического течения // Альманах «Восток» – 2004. – № 3(15). Электронный ресурс: http://www.situation.ru/app/j_art_317.htm
362. *Сверкунова Н.В.* Феномен сибиряка // Социологические исследования. – 1996. – № 8. – С. 90–94.
363. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: Изд. дом Марджани, 2009. – 216 с.
364. *Семенов В.С.* Личность и культура в современном мире // Философия и культура. XVII Всемирный философский конгресс. – М.: Наука, 1987. – С. 131-145.

365. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна: Пособие для высш. шк. – М.; Л.: Госиздат, 1928. – 250 с.
366. Сеньюткина О.С. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ; Издательский дом «Медина» 2007. – 520 с. ИД «Медина» – Тюркизм как историческое явление: <http://www.idmedina.ru/books/regions/?1638>
367. Сибирские летописи. – СПб., 1907.
368. Сибирские татары. Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Омск: ОмГПИ, 1998. – 228 с.
369. Сибиряки и «сибирство» // Восточно-Сибирская правда. – № 23827. 07 октября 2000. Электронный ресурс: vsp.ru/pravda/paperpost/2000/10...
370. Силин С. Городская культура – как она есть // Сибирская панорама. – 2001. 12 апреля.
371. Симачкова Н.Н. Военные функции воевод западносибирских городов (конец XVI – начало XVII вв.) // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2001. – С. 4-10.
372. Симонов П.В., Еришов П.М., Вяземский Ю.П. Происхождение духовности. – М.: Наука, 1989. – 352 с.
373. Система. Гармония. Симметрия / Под редакцией В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – 315 с.
374. Скрипкина Л.И. Концептуальный подход к проектированию музейной экспозиции в его взаимосвязи с новыми направлениями научных исследований // Музей и общество на пороге XXI века. – Омск: ОмГУ, 1998. – С. 12-15.
375. [Словцов П.] Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году. – М.: Тип. С. Селивановского, 1834. – 196 с.
376. Словцов П.А. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году // Словцов П.А. Письма из Сибири / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Коммент. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 256 с.
377. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М.: Наука, 1969. – 336 с.
378. Современная буржуазная философия. – М.: Высшая школа, 1978. – 582 с.
379. Соколов С.Н. Туристско-рекреационные кластеры и их конкурентоспособность // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды V Международной научно-практической конференции МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Диалог культур, 2010. – С. 10-16.
380. Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв. Проблемы фратрии и рода. – М.: Наука, 1983. – 328 с.
381. Соколовский И.Р. О «литве» в Сибири XVII веке // Белорусы в Сибири. – Новосибирск, 2000. – Вып. 1. – С. 22-64.
382. Солженицын А. «Русский вопрос» к концу XX века // Новый мир. – 1994. – № 7. – С. 135-176.
383. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М.: «Молодая гвардия», 1995. – 352 с.

384. Софронов В.Ю. Кучум. Исторический роман. Книга первая – М.: Изд-во «Культура, фирма «Элтра», 1993. – 432 с.
385. Софронов В.Ю. Кто ты, Ермак Аленин? // Тобольский хронограф. Сборник. Вып. 3. – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1998. – С. 158-168.
386. Софронов В. Смута в Тобольске, или О том, как Софийское подворье делили // Сибирская панорама. – 2000. 23 ноября.
387. Стратегия развития туризма на территории Тюменской области на период до 2011 года. – Тюмень: Департамент стратегического развития Тюменской области, 2006. – 120 с.
388. Стратегия развития туризма на территории архитектурно-ландшафтного заказника «Абалакский природно-исторический комплекс». – Тюмень: Департамент стратегического развития Тюменской области, 2006. – 105 с.
389. «Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя» // Электронный ресурс: csg.ru/index.php?option=com_vel...
390. Стратегия социально-экономического развития города Тюмени до 2020 года. – Тюмень, 2010. Электронный ресурс: kvartirochka.ru/wannaknow/news/596-
391. Сухов Н. Баллада о древнем Тобольске // Сибирская панорама. – 2000. 2 ноября.
392. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 35. – М., 1953. – С. 242-357.
393. Тобольск завтра. Будущее города Тобольска // Электронный ресурс: vtobolsk.ru/tobolsk_future.shtm...
394. Тобольские кощунства // kuraev.ru/index.php?option=com_smf&...
395. Тобольский биографический словарь. – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2004. – 576 с.
396. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX вв. – Томск: ТГУ, 1981. – 276 с.
397. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. – Новосибирск: НГУ, 1992. – 271 с.
398. Торшин А. России нужен новый Закон о культуре // Электронный ресурс: yuga.ru/news/222485/
399. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3-14.
400. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. – Новосибирск: Наука, 1989. – 243 с.
401. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: НГПУ, 2004. – 136 с.
402. Трубецкой Н.С. Мы и другие // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С. 77-89.
403. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов языка сибирских татар. – Казань, 1992. – 256 с.

404. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. – М.: Институт Наследия, 1998. – 210 с.
405. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
406. *Тюменская область: народы, языки, культуры* / Под ред. И.С. Карабулатовой. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2007. – 410 с.
407. *Тюркские народы.* Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001. – 604 с.
408. *Указ об учреждении губерний и о росписании к ним городов. 18 декабря 1708 года* // Тобольск и вся Сибирь. Кн. X. Триста лет учреждения Сибирской губернии. – Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2008. – С.11-14.
409. *Утков В.Г.* Сказочник П.П. Ершов. – Омск: Кн. изд-во, 1950.
410. *Файзрахманов Г.Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань, 2002. – 488 с.
411. *Файзрахманов Г.Л.* История татар Западной Сибири (с древнейших времен до начала XX века). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – 431 с.
412. *Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)* // Электронный ресурс: femida.info/51/ooknpiik001.htm
413. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: Избр. статьи: в 2 т. – СПб.; София, 1991. – Т. 1. – 352 с.
414. *Фефелов А.* Драма старого Тобольска // Электронный ресурс: zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/...
415. *Философия культуры.* Становление и развитие. – СПб.: Издательство «Нань», 1998. – 448 с.
416. *Философский энциклопедический словарь.* – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
417. *Фильваров Г.И.* Градостроительство и экология городской культуры // Научно-технический сборник «Коммунальное хозяйство городов». Выпуск 66. Серия: Технические науки и архитектура. – 2005. – С. 28-33.
418. *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1993. – С. 237-265.
419. *Флоренский П. А.* Оправдание космоса. – СПб: Изд-во Русск. Христ. Гуманит. Ин-та, 1994. – 217 с.
420. *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
421. *Халитов Н.* Очерки по архитектуре ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления. – Казань: Мастер-Лайн, 1999. – 232 с.
422. *Холодилова Е.В.* Экология культуры в контексте современной социокультурной ситуации: проблема «дома» и «бездомности»: Дисс. ... канд. культурологии. – Хабаровск, 2001. – 169 с.
423. *Холопов Ю.Н.* Пентатоника // Электронный ресурс: <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/>; <http://www.belcanto.ru/pentatonica.html>
424. *Хомяков А.С.* Мнение иностранцев о России // Полное собрание сочинений А.С. Хомякова. Издание третье. Дополненное. – М.: Университетская типография, 1900. – Т. I. – С. 3-28.

425. *Хомяков А.С.* Ермак. Трагедия // Полное собрание сочинений А.С. Хомякова. Издание третье. Дополненное. – М.: Университетская типография, 1900. – Т. IV. Трагедии и стихотворения. – С. 275-388.
426. *Хромых А.С.* Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. – Томск, 2008. – С. 32 с.
427. *Центр и периферия* в региональном развитии / О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш / Отв. ред. Г.А. Приваловская. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
428. *Центр духовный, центр культурный.* Общественный фонд «Возрождение Тобольска» о своем городе. Сопроводительный проспект к альбому «Сибирские реликвии». – Тобольск-Верона, 1999.
429. *Чанышев А.Н.* Начало философии. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 184 с.
430. *Человек и мир* в японской культуре. – М.: Наука, 1985. – 280 с.
431. *Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.Л.* Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 35. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 360 с.
432. *400 лет Тобольску.* Сборник архивных документов. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. – 254 с.
433. *Чичканова Т. А.* Развитие российской провинции : Культурологический подход в исследовании: Метод. рекомендации в рамках проекта регион. прогр. развития рос. провинции. – Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1997. – 44 с.
434. *Чичканова Т.А.* Этимология и история понятия «провинция» // Регионология. – 1999. – № 3. – С. 203-211.
435. *Чуваши: Этническая история и традиционная культура* / Авт. - сост. В. П. Иванов, В. В. Николаев, В. Д. Дмитриев. – М.: Изд-во ДИК, 2000. – 96 с.
436. *Шаститко А.Е.* Кластеры как дискретная институциональная альтернатива управления транзакциями // Балтийский регион. – 2009. – №2. – С. 26-43.
437. *Шахеров В.П.* Между Западом и Востоком: взаимодействие культур как фактор формирования экономического и социально культурного пространства Сибири // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Sibirien: blich von aussen und von intern. Geistige raumermessung. – Иркутск: НБ ИГУ, 2004. – С. 19-20. См. Электронный ресурс: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/
438. *Шейнин Л.* Памятники и закон // Территория. Журнал о культурном и природном наследии. – 1994. – № 1. – С. 29-30.
439. *Швецова Е.П.* Исламская тема в творчестве тобольских художников // Исламская цивилизация в Сибири: история традиция, современность. – Тобольск; Тюмень, 2006. – С. 87-91.
440. *Швецова Е.П.* П.П. Ершов и М.С. Знаменский // Электронный ресурс: Е.П. Швецова (Тобольск... ershov.ishimkultura.ru/page.php?id=...
441. *Шиловский М.В.* Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. – Новосибирск, 2003. – Вып. 3. – С. 101-118.

442. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. I. Образ и действительность / Пер. Н. Ф. Гарелина. – М.-Петр., 1923.
443. *Шпенглер О.* Закат Европы. Образ и действительность. Том 1 // Электронный ресурс: lib.rus.ec/b/141740/read
444. *Шульгин П.М.* Всемирное наследие: идеи и воплощение // Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. – М.: Институт Наследия, 1999. – С. 242-252.
445. *Шульгин П.М.* Поле битвы – особый тип историко-культурной территории // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. – Тула, 2000. – С. 7-14.
446. *Шульгин П.М.* Рецензия на работу И.В. Белича «Дополнение к областной целевой программе –Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия города Тобольска». Тобольск, 2005. – М.: Институт Наследия, 2005. – 6 л. (Рукопись).
447. *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 230 с.
448. *Шунков В.И.* Вопросы аграрной истории России. - М.: Наука, 1974. -360 с.
449. *Щапов А.П.* Историко-географическое распределение русского народонаселения. Естественные и умственные условия земледельческих поселений в России // Щапов А.П. Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. – Т. 2. – 217 с.
450. *Щитинский В.А.* Российский опыт и зарубежная практика стратегического территориального планирования // Управление развитием территорий. – 2007. – № 1. См.: Геоинформационный портал ГИС-Ассоциации // Электронный ресурс: gisa.ru/38029.html
451. *Эристов Б.О.* «Недопетая песня...». Очерки, статьи, воспоминания и размышления о Тобольске и тоболяках. – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2000. – 200 с.
452. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония: Современное положение Сибири её нужды и потребности. Её прошлое и будущее / Под ред. СТ. Пархимовича. – Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. – 480 с.
453. *Ямал: грань веков и тысячелетий.* Популярный иллюстрированный очерк истории края с древнейших времен / Авт.-сост. Ю.Морозов. – Салехард: Артвид; СПб.: «Русская коллекция», 2000. – -656 с.
454. *Янов А.* Введение к первой книге трилогии «Россия и Европа. 1462–1921» // Электронный ресурс: www.politstudies.ru/universum/dossi...
455. *Ярочкин А.И.* Реализация государственной политики в области культурно-познавательного туризма в России // IV Всероссийская конференция «Реализация государственной политики в области культурно-познавательного туризма в России». – М.; Тобольск, 2010. – С. 6-14.